

МВ

ISSN 0131-7377

СЕМЬЯ И ШКОЛА

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

1990
8

8 ● август ● 1990

Ежемесячный журнал
для родителей
Издаётся с мая 1946 года

В НОМЕРЕ

Главный редактор
В. Ф. СМЕРНОВ

Редакционная коллегия:
М. В. АНТРОПОВА,
Т. М. АФАНАСЬЕВА,
И. В. ДУБРОВИНА
Ю. И. ЕРМОЛАЕВ,
И. Д. ЗВЕРЕВ,
В. А. КАРАКОВСКИЙ,
Г. А. КОВАЛЕВ,
Р. А. КУРБАТОВА,
В. Л. ЛЕВИ,
О. Н. МАМОНТОВА
(зам. главного редактора),
Ф. М. МОРОЗОВ,
В. А. ПОЛЯКОВ,
В. А. РЫБАКОВ
(редактор отдела психологии),
Г. Н. СЕРДЮКОВСКАЯ,
Л. Н. ТИМОФЕЕВА,
В. И. ЧЕРЕДНИЧЕНКО,
Б. Т. ШУМИЛИН

Редакторы отделов:
Н. АВТАМОНОВА
(семейного воспитания),
С. ВОЛЬШОНОК
(искусств),
Л. ОСИПОВА
(эстетического воспитания),
С. ПАРСАДАНЯН
(семейного досуга),
С. СИВОКОНЬ
(литературы и критики),
Е. СМОЛКО (ШКОЛ)

Редакторы:
Г. БЕЛИКОВА,
Т. БУКАШКИНА,
Ж. БЫКОВА

Зав. редакцией
Т. ПЕТРОВСКАЯ

Художественный редактор
Л. ШУВАЛОВА

Технический редактор
Л. РОЗАНОВА

Макет и оформление
художника В. БЕЛАНА

✉ Адрес редакции:
129278, Москва,
улица Павла Корчагина, 7
☎ Телефоны редакции:
283-86-14, 283-80-09

На первой и четвертой страницах обложки работы Алексея Пичугина. Фото М. Савина. Рассказ о художнике читайте на стр. 46.

Трибуна депутата	1	Десять пунктов Владимира Дайнеко
Семья вчера, сегодня, завтра	3	Ю. Рюриков. Окно в третью эру
За рубежом	6	В. Москаленко. Как стать звездой?
Попробуй меня понять!	8	Л. Коваленко. Ушат холодной воды
ПОЧТА		
«СЕМЬИ И ШКОЛЫ»		
Школа сегодня	17	З. Гельман. Каков он, современный учитель?
	25	В. Зацепин. Без жизни, без любви
	30	А. Цирульников. Диалог культур
Встречи	19	Н. Горельшева. Месяц в Междоре
Авторский почерк	21	Полвека с фотокамерой. К 75-летию фотокорреспондента М. Савина
Работа учителя	22	Р. Скрыган. Государство восьмого «А»
Школа и здоровье	26	Чтобы помочь каждому
Академические беседы	34	Н. Талызина. Способности и обучение
Глазами психолога	36	А. Варга. Как быть плохой матерью
У нас в гостях	39	
«Психологический журнал»	40	З. Фрейд. Разделение психической личности
В доме у художника	46	Л. Осипова. «Красота поддерживает мой дух»
Рассказ	49	В. Померанцев. Семейный очаг
Перечитаем вместе	54	С. Сивоконь. Прикосновение к детству
КНИГИ		
СЕМЕЙНЫЙ ДОСУГ		
Домашний музей	64	В. Алексеев. О картине Винсента Ван Гога «Хижинны»
ДЛЯ МАЛЫШЕЙ		

Сдано в набор 07.06.90. Подписано в печать 05.07.90. А 06394. Формат 84×108^{1/16}. Бумага «Котлас»
Печать глубокая. Усл. печ. л. 7,14. Усл. кр. отт. 12,6. Уч.-изд. л. 12,57. Тираж 3 058 590 экз. Заказ 1191
Цена 30 коп.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР
по печати 107847, Лефортовский пер., 8.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного
комитета СССР по печати 142300, г. Чехов Московской области.

**АВТОРСКИЙ
ПОЧЕРК**

Михаил Савин

MAY I HELP?

Заметки В. Москаленко
«Как стать звездой»
читайте на стр. 6

Rick Gibson
© 1987, THOMAS
JEFFERSON RESEARCH
CENTER
PASADENA, CA.
(818) 798-0711

Сегодняшний номер придет к вам в дни, полные дошкольных забот. И потому существенная часть наших августовских публикаций посвящена школе, учению, образованию. С разных точек зрения, с разной степенью подробности обсуждаются они — от «глобального» взгляда в будущее у Ю. Рюрикова, до событий жизни одного класса (у Р. Скрыган), одного детского дома (у Н. Горелышевой). В высказанном нашими сегодняшними авторами — немало горького, резкого, нелицеприятного... И для этого много оснований: все мы понимаем, что дела в нашей школе — неважные. Но одни лишь общие «жалкие слова» мало нас продвигнут вперед; диагноз должен быть не только точным, но и подробным, выискательно-вникающим... Именно такая вдумчивость позволит нам вочию убедиться, что никто за нас — ни бог, ни царь и ни герой — не поправит школьные дела. Лишь реальное общественное участие (а «агатагом» общества, его первичной ячейкой является семья) и сотрудничество с ищущей, творческой частью учителя могут наметить путь к тому, чтобы школа — «проклятая», «скучная», «тупая» (это ведь все оценки наших детей...) — становилась школой радости.

Пойдем, наконец, и вот еще что — без участия самих детей любимые перемены — дело гиблое. И потому хочется обратиться ваше внимание на заметки В. Москаленко. Учиться хорошему, где бы оно ни было, — всегда полезно; а тут перед нами открывается, как с малых лет, без педагогического давления и искусственных «методичек» могут воспитываться важнейшие свойства личности.

Ждем ваших откликов и мнений — что удалось, что не удалось в этом номере.

Нам, зеленым неопитам химического класса 171-й московской школы, умудренные выпускники 1 сентября беззащитно рассказывали страсти-мордасти. Вроде такой истории:

— Тут у нас, когда химия, класс разбивают пополам. Человек по пятнадцать. В каждой группе свой преподаватель. Так что каждому за два урока — одно занятие — рот раскрыть хоть раз придется. Так вот Владимир Иванович начинает с того, что каждому, кто в класс входит, сразу карандашом ставит «два очка». А потом исправляет — смотря на сколько поработал. Если молчишь — значит, сказать нечего. Значит, больше, чем на два, и не знаешь...

Это, естественно, оказалось «рыбачкой байкой». С нами Владимир Иванович практиковал нетрадиционные методы, но куда более гуманные. Хотя, действительно, было трудно. «А это от слова «труд». Вам и не должно быть легко — вы сами выбрали специальный класс», — говорил Дайнеко. Эмоции это вызывало разные. Но факт налицо — к выпуску предмет мы знали твердо... А авторитетом у своих учеников бескомпромиссный учитель пользовался непререкаемым. Может быть, потому, что был одним из немногих вокруг нас, кому было, казалось, незнакомо самое основное понятие 70—80-х — «двойная мораль». В школе

ВЛАДИМИР

ДЕСЯТЬ

ПУНКТОВ

ДАЙНЕКО

Фото И. Тимошенко

он, кстати, тогда не ужился. Или его «не ужили». По этому поводу он замечает: «Ни я, ни моя фамилия не склоняются».

Потом стали появляться принадлежащие перу В. И. Дайнеко книжки-пособия. Фамилия замелькала на страницах периодической печати, зачастили к нему учителя из столицы и провинции — их интересовали педагогические новации, особенно теперь уже известная концепция «трех уровней образования»...

Сопредседатель Московского общественно-педагогического объединения «Сотворчество», член Центрального Совета Творческого союза учителей В. И. Дайнеко — депутат нового Моссовета. Наша беседа в перерыве между заседаниями оказалась предельно конкретной — это программа действий. С небольшими комментариями. Итак:

— *Первое и главное.* Цивилизованный мир — потому что цивилизованный, технически развитый, что давно понял: общество сейчас может нормально развиваться, лишь отдав первенство образованию и культуре. Мы должны сделать беспрецедентный в нашей истории шаг — тоже провозгласить такой приоритет. Это не значит, что нужно выделить на образование и культуру больше денег, чем на капитальное строительство жилья. Да и не только в средствах дело. Но значительно поднять

уровень ассигнований необходимо. В Америке на образование идет 12 процентов бюджета. Их бюджета! У нас 4 процента — нашего. Нужен также приоритет в выделении зданий. Наконец, режим наибольшего благоприятствования тем организациям, которые занимаются работой с детьми, развитием культуры. И так далее. Конечно, важны и экономика, и экология; но решить эти проблемы сможет только по-настоящему образованный и культурный народ. И это главное.

Второе. Реализовать финансовую самостоятельность школ. Я не имею в виду частные, платные школы. В настоящее время всеми школьными деньгами распоряжается РУНО, школы же до сих пор абсолютно бесправны. Но ведь прошел уже почти год со дня утверждения «Временного положения о средней общеобразовательной школе», которым вводится финансовая самостоятельность школ. Этот документ подписан председателем Госкомитета СССР по народному образованию Г. А. Ягодиным и министром финансов СССР В. И. Павловым. Пора, наконец, просто выполнить соответствующий пункт этого «Положения».

Третье. Создать полноправные советы школ с максимально широкими полномочиями. Именно так было в России в 1918 году. Но тогда спросим себя: а зачем нужна нынешняя железобетонная пирами-

да власти в народном образовании, главная задача которой — запрещать и главное средство действия которой — приказ? В системе воспитания детишек — приказ! Абсолютное подчинение сверху вниз. Авторитарная система авторитарной педагогики, видящая цель в штамповке винтиков, а не в развитии творческой личности. Эту структуру необходимо демонстрировать.

Поэтому *четвертое* — ликвидация в Москве административной пирамиды власти в образовании — Московского комитета по народному образованию и РУНО. И я подчеркиваю — это естественное продолжение двух предыдущих пунктов. Необходимо будет оставить при Советах — видимо, при их исполнениях — группы по хозяйственному обеспечению школ. Но — без права писать бумагу под названием «Приказ», без права распоряжаться в системе воспитания и образования.

Пятое. Возвратить детям отнятые у них чиновниками здания. Не только под школы и детские сады — под различные клубы, кружки, объединения. Без помещений мы не сделаем ничего даже при самой лучшей и гуманистической педагогике.

Шестое. Создать нормальные условия для организации работы разновозрастных клубов труда и творчества при советах самоуправления по месту жительства. Эти клубы должны обладать правом собственности. Творческий производительный труд, а не игра в труд — это одно из необходимых условий воспитания настоящего человека и гражданина, хозяина, а не иждивенца, а также резкого снижения подростковой и юношеской преступности. Труд не только сделал из обезьяны человека, но труд и только труд способен из человеческого детеныша создать человека. Это давно известный в науке факт — пора перестать его игнорировать.

— Опять «система Макаренко»? Извините, Владимир Иванович, она мне как-то несимпатична... Я ее представляю в виде системы подавления, конвейера.

— Нет, я говорю о многопрофильных клубах, где ребята не только нашли бы себе дело по душе, но и делали бы то, что нужно людям, и получали бы за это деньги — заработанные деньги — и занимались бы этим добровольно. Сюда могла бы входить и работа по ремонту, бытовым услугам. Разве старшеклассник не может вымыть окна-двери, вбить в стенку дюбель, утюг починить? А кто пограмотнее — и радиоаппаратуру. И гарантию детишки дадут такую, какую от взрослых получишь не часто. Я ведь не Америку открываю. Это все уже есть. Надо только создать условия для нормальной работы. Так сказать, удобрить почву. А затем и семена кинуть...

Седьмое. Как вы знаете, в Москве создан забастовочный комитет работников дошкольных учреждений*. Они выдвигают целый ряд совершенно обоснованных требований. Но если мы просто найдем деньги на их удовлетворение — это еще не будет решением проблемы. Нужно изменить систему. Мы и теперь можем резко снизить наполняемость детских садов без привлечения дополнительных средств. Необходимо выплачивать сумму, затрачиваемую государством или предприятием на содержание ребенка в детском саду — а это

50 — 60 рублей — непосредственно родителям. Если же они решили воспитывать ребенка в детском саду, эта сумма приходит туда вместе с ребенком. Таким образом, плата за детский сад не увеличивается, изменяется система финансирования. Но дело в том, что примерно половина родителей в таких условиях детей в сад не отдаст. Будет воспитывать их либо дома, либо в детских садах семейного типа: если 5—6 семей объединятся, на эти деньги уже можно или педагога взять, или кто-то из матерей согласится вести такой детский сад.

Восьмое. Необходимо зарегистрировать МОПО «Сотворчество» и другие подобные творческие общественные объединения. Сейчас, при отсутствии статуса, счета в банке, печати, мы не можем по-настоящему включить имеющийся потенциал педагогической и родительской общественности для работы с детьми. А если открыть шлюз — поток таких людей буквально хлынет...

Одно из возможных направлений работы стоит у меня девятым пунктом. Это разрешение таким объединениям, как МОПО «Сотворчество», открывать свои школы, детские сады и другие учебно-воспитательные учреждения. Только при этом условии сработает то, чего мы уже достигли и еще достигнем в гуманистической педагогике. Я подчеркиваю — это не частные, не платные школы. Их финансирование должно идти таким же порядком, как и государственных. Видимо, по числу записавшихся. Но должен быть свой счет и возможность привлечения и других средств. От спонсоров, курирующих организаций, либо непосредственно от творческой производительной деятельности школьников в рамках школы.

— Вы подчеркиваете их общественный характер. Вы против частных школ?

— В настоящий момент — да. В далекой перспективе, когда мы станем — если станем, — цивилизованным человеческим обществом, это будет разумно. Сегодня я против. Они сразу же, установив совершенно справедливо большие зарплаты, соберут всех лучших педагогов. И платить за такое воспитание будет по карману только тем, кто в предыдущие 72 года успел наработать у народа огромные средства. Здесь пока нельзя открывать рынок. У самых талантливых педагогов должны учиться самые талантливые дети. А имущественный ценз родителей тут ни при чем.

— А как насчет специализации образования?

— Я двумя руками за то, чтобы подросток, получивший целостное представление, картину мира, в старших классах мог выбрать направление для более глубокого образования. В младших и средних классах ситуация иная: выбирать в 7-м классе, учить химию или нет, — естественно, нельзя. Творческим педагогам страны уже достаточно хорошо известна моя концепция трех уровней содержания образования, которая дает основу для разрешения одной из самых сложных проблем педагогики — как учить детей по-разному, без деления их на «умных» и «дураков» — и как в это же время обеспечить целостность их знаний, как в тех областях, которыми ученик интересуется и способен к ним объективно, так и в тех, которыми он не интересуется, но склонен к ним, но которые нужны для создания целостного

представления о мире. Образно говоря, это химия для будущего Пушкина. Она нужна ему меньше, чем будущему Менделееву или Ландау, но все же нужна...

— А литература для будущего Зелинского?

— Ну естественно, ведь если он не будет обладать общечеловеческой гуманитарной культурой, — то он не станет человеком в полном смысле слова. Он не сможет жить в обществе творчески и двигать это общество вперед. Кстати, в июне Творческий союз учителей СССР проводит конференцию одной из творческих программ. Ее название: «Разработка содержания и технологии дифференцированного обучения на основе концепции трех уровней содержания образования». Но я еще раз подчеркну — я за специализацию только в старших классах. Ни в коем случае не в младших или средних!

— А как же английские и математические школы? Ликвидировать?

— Английские школы, как и вообще языковые, стали элитарными. Не элитными по уму, а элитарными по деньгам. Но английским языком надо заниматься не с пятого класса, как в обычной школе, а с первого или даже еще в детском саду. Это эффективнее — факт, давно известный. И затем углублять знания языка факультативно. Может быть, даже и платным образом. А с математическими сложнее. Известно, что математические способности проявляются раньше других. Так что вроде бы есть основание для создания таких школ. Но посмотрите — здесь начинается тот самый флюс, которому, согласно Козьме Пруткову, подобен специалист. Часто ребята из этих школ страдают недостатком общекультурной культуры. Кроме того, и здесь — снова часто элитарность. Так что математические школы по нынешнему образу — тоже не лучший вариант.

— Простите, но каков же десятый пункт программы?

— Он, в отличие от остальных, не касается реорганизации структуры. Но тем не менее он принципиален. Я выступаю за возвращение всех исторических названий в исторической части Москвы. Дело в том, что культура может существовать только в преемственности, только если не отсечены корни. Так вот возвращение исторических названий — это полив живой водой наших корней. Так же, как и спасение Ленинской библиотеки. Я считаю, что сейчас, во время продолжающегося разрушения Пашкова дома, ей необходимо передать здание Генштаба на Арбатской площади. Министерство обороны со всеми своими «местазами» в эпоху конверсии должно разместиться в одном (тоже громадном!) здании на Фрунзенской набережной.

Поймите, все то, о чем я говорил, — не мое желание. Это объективная потребность. Проблемы детства, воспитания, образования, вообще культуры, которая начинается с детей, — это проблемы будущего страны. И для Москвы — не сочтите за метафору, это действительно проблема номер один. И я сюда, в Моссовет, пришел только потому, что сейчас в Москве выдалась редкая возможность повернуть ситуацию к человеку, сделать все по-человечески. И начать надо с детей!

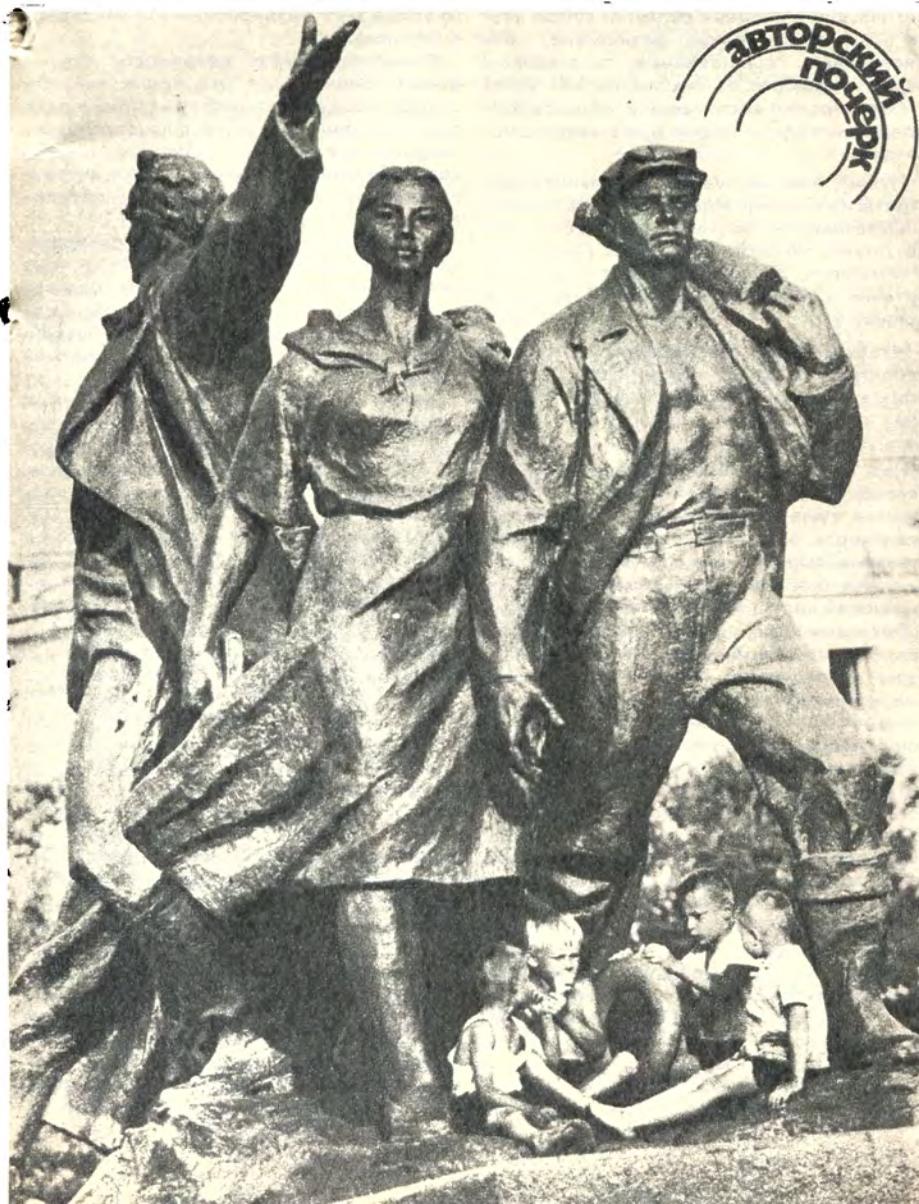
Беседавал Владимир ТОДРЕС

* Разговор происходил в апреле.

Юрий РЮРИКОВ

ОКНО В ТРЕТЬЮ ЭРУ

О первых ласточках завтрашнего воспитания

...Лишь любовью к детям и истинным общением с детской душой возможно создать счастливое человечество. Вот почему из всех вопросов, волнующих человечество, самый важный, мировой вопрос — воспитание детей.

Лев Толстой

В этот день в доме Никитиных был сделан крупный шаг вперед. Оля, старшая дочь, и Толя, ее муж, незадолго до того привезли из роддома маленькую Надюшку. Я как раз был у них, и Борис Павлович показал мне старую — еще из XIX века — книгу «Мать и дитя».

— Вот статья врача — как действует на детей крещение в холодной воде и в теплой. Из крещеных в теплой воде за первый год жизни умирает 40 процентов детей, в холодной — 2 процента, в 20 раз меньше. Откуда такая разница? Илья Аркадьевич (Аршавский, крупнейший физиолог) объяснил, что холодная вода запускает у младенца механизм тепло-регуляции, а теплая ослабляет. Опасности простудиться нет: когда окунаешь младенца на 2—3 секунды в холодную воду, у него охлаждается только кожа. Если ребенок здоров, быстрое окунание абсолютно безопасно.

Борис Павлович уже рассказывал об этом Оле и Толе, Оля сначала боялась, потом согласилась. В ванночку набрали воды из-под крана, смерили — 12 градусов (был октябрь). Принесли плачущую от голода Надюшку. Борис Павлович взял ее, спокойно и быстро окунул с головой.

Она пронзительно заплакала. Он окунул ее снова — плач был тише. Так же быстро окунул еще — она вынырнула уже молча. Прошло 10—15 секунд, причем в воде Надюшка была две-три секунды.

Ее быстро вытерли, завернули в одеяло — и я увидел маленькое чудо: восьмидневная девочка, которая только что плакала от голода и холода, теперь сияла и светилась всем своим крошечным лицом. Она как бы купалась в тепле, тепло пронизывало ее, несло блаженные ощущения. Лицо у Надюшки светилось розовым светом, щеки тихо и нежно сияли — совсем как у серовской «Девочки с персиками».

После этого я несколько недель тайно тревожился, то и дело спрашивал о Надюшке и каждый раз узнавал, что у нее хороший аппетит и нет даже тени простуды. Однажды мне сказали, что ночью она долго плакала — нервничала, и тогда папа наполнил ванночку и окунул в нее малышку. «Нервы» тут же прошли, и Надюшка уснула спокойным и глубоким сном.

...Пожалуй, Никитины — самая необычная семья XX века. Их воспитательная система стала рождаться 30 лет назад,

в конце пятидесятых годов. Они поставили под вопрос многие старые основы воспитания — и, оступаясь, ища, выстрадали свое — новое воспитание.

Сейчас их знают многие — больше по фильмам, статьям, телепередачам (к сожалению, часто поверхностным) и меньше — по их книгам.

Сначала у Никитиных было много врагов и мало друзей. Враги, особенно ученые медики и педагоги, распускали о Никитиных паникерские небывлицы, давали — в том числе в печать — ложные заключения о здоровье детей, об их спортивных и школьных успехах.

Теперь врагов у Никитиных мало, друзей — много. Но «количество внимания» к ним резко обогнало его «качество». Интерес к глубинам их системы, к ее «стволу» частенько пересиливается любопытством к «листьям и веткам». Бывает, что пищу не идут дальше туристических восторгов, не добираются сквозь внешнюю экзотику системы к ее сути.

«Они что, с самого начала задались целью нового воспитания? Имели научную подготовку?» — спросили меня на встрече с учителями одной московской школы. К своей системе Никитины пришли постепенно, и на ее поиски их подтолкнула сама жизнь. Их первенец родился в 1959 году. Он очень страдал от диабета. Скоро родители заметили, что утром, когда печка еще не топлена, а в комнате холодно, кожа у малыша не зудит. Тогда они стали больше времени держать его в прохладе и увидели, что ребенок чувствует себя гораздо лучше.

Так начались поиски — поиски воспитания, которое как можно больше помогало бы детям, защищало их здоровье и их души.

В каких только грехах не обвиняли Никитиных противники их методов воспитания! А они хотели, и хотят, это главное желание, — чтобы у детей было по-настоящему счастливое детство. Они не обрекали детей на раннюю тусклую взрослость, в чем их также обвиняли, а, наоборот, считали, что нынешнее воспитание слишком рано обрывает счастливое детство.

Те, кто обвинял их в эксперименте над детьми, сами проводят безжалостные эксперименты: пассивно смотрят, как новые изьяны жизни портят здоровье детей, их нервы и нравственность; как старое воспитание, непригодное к новым условиям, все тяжелее и глубже вредит детям.

В никитинской системе есть как бы два измерения: неповторимое и повторимое. Неповторимое — это все своеобразные их повседневного быта, домашних отношений; это кое-какие воспитательные навыки и приемы, которые не поддаются копированию; это будничные ходы их личной жизни, куда не надо бы входить посторонним...

Но самое важное — это, что можно повторить, взять себе в помощь: основы их воспитательной системы, ее главные принципы. Именно об этом повторимом и надо было говорить, не трогая неповторимого: оно — личное дело самих Никитиных, и только их одних.

Были ли, есть ли у Никитиных ошибки и недостатки? Они неизбежны у всех, и особенно у тех, кто идет новыми путями.

Но есть два рода ошибок: ошибки принципов и ошибки во внедрении принципов. Ошибки Никитиных — именно второго рода. Они сами открыто пишут о веренищах таких ошибок и заблуждений, честно говорят о своих сомнениях и неверных шагах. Они как бы предупреждают идущих за ними — вот здесь можно навредить детям, и эта забота о последователях органична для Никитиных.

Воспитание и образование — один из самых сильных ускорителей или тормозов прогресса. От того, хороши они или плохи, зависит весь ход жизни, все ее удачи и провалы. Поэтому семья и школа — ключевые опоры общества, и они, по-моему, куда важнее для его судеб, чем само материальное производство. Потому что судьба материального производства прямо зависит от того, какой человек им движет. Судя по громадным вложениям в развитых странах в образование и воспитание, там это хорошо понимают.

В эволюционные времена уклад жизни, отношений больше влияет на человека, чем человек на него. В революционные времена — наоборот: именно человек создает новый уклад.

Что нужно будет нашим детям и потомкам через 20, 30, 40 лет? Какие психологические и деловые свойства лучше всего помогут им? Какие физические, эмоциональные, нравственные, умственные черты потребует от них жизнь XXI века?

Перестройка воспитания и образования должна исходить из этих нужд завтрашнего дня.

Нужна, видимо, умная и дальновидная стратегия коренных перемен в воспитании и образовании. Но такой стратегии у нас нет, наука не разработала ее. Поэтому-то в семейном, дошкольном, школьном воспитании и образовании мы плывем по течению.

Чтобы создать спасительную стратегию воспитания, надо, по-моему, прежде всего понять, что ждет мир послезавтра; только зная дальнюю цель, можно верно выбрать промежуточные.

Над миром нависли сейчас три дамокловых мечи, и каждый следующий осознается хуже предыдущего. Это — атомная смерть, экологическая гибель и нравственное вырождение людей, их эгоизация. Все они рождены самими основами нынешней индустриальной цивилизации.

Вот один из кричащих парадоксов. Без современной промышленно-технической базы человечество жить не может. Но она же — губит природу! Каждый год мы изымаем из недр планеты 100 миллиардов тонн сырья, а из них только 1—3 процента идет в вещи, остальное в отходы, в отравление планеты. К концу века человек будет добывать в год 300 миллиардов тонн сырья и обрушивать в отходы 290 миллиардов. Если мы не найдем противоядия, то уже в начале нового века — через 15—20 лет — в природе начнутся необратимые перемены, первые шаги ее агонии.

Значит, надо аврально заменять губительные основы цивилизации спасительными. Надо растить поколение спасателей цивилизации — здесь лежит вопрос жизни и смерти человечества.

Успеем ли мы создать щит против

дамкловых мечей? Чтобы успеть, нужен предельный накал творческих усилий. Но современный человек в массе своей неполнитель, а не творец, и ему может оказаться не под силу это спринтерское усилие по созданию новых основ цивилизации.

Сегодняшнее воспитание убивает в человеке творческие способности — способности по-новому решать новые задачи жизни. Чтобы такие способности появились у большинства людей, нужна, по-моему, глубочайшая научно-педагогическая революция — коренной перелом во всех видах воспитания и обучения.

Урбанизация и сидячая цивилизация породили нехватку физических нагрузок и избыток нагрузок нервных, психических. Эти «ножницы» развиваются катастрофически и со все большей опасностью для здоровья людей.

Физиологи в тревоге предупреждают: большинство детей рождаются физиологически незрелыми, то есть с недоразвитым или ослабленным организмом. Таких детей сейчас около 80 процентов, втрое, четверо больше, чем после войны, и это вчетверо больше, чем после войны, и это подчёркивает здоровье многих поколений. Каждый год у нас рождается 5—5,5 миллионов детей и 90 процентов из них — то есть 4,5—5 миллионов — это кандидаты в больные.

Физиологическую незрелость открыл доктор биологии И. А. Аршавский. Он считает, что сегодня проблема номер один для медицины — именно физиологически незрелые дети, а не сердечные или раковые болезни. Именно из таких детей и составляется армия больных всеми болезнями века.

Индустриальная цивилизация превратила всю нашу «среду обитания» в зону повышенной опасности для человеческого здоровья, телесного и нравственного. Особенно тяжела такая опасность для нестойкого детского организма, хрупкой детской психики.

Детям гораздо больше, чем взрослым, вредит отравленный воздух и загрязненная еда. Для их нервов гораздо вреднее стрессовая атмосфера будней; их здоровье и нравственность сильнее подпадают спадом физических нагрузок.

Современное воспитание делает ребенка беззащитным перед средой. Здесь лежит одна из главных причин того кризиса детского здоровья, который разразился у нас в последние десятилетия.

Дети до года умирают у нас в 5 раз чаще, чем в Японии, в 2,5 раза чаще, чем в Англии, США и ФРГ. Здесь мы на 50-м месте в мире. Из начальной школы две трети детей выходят с поражением осанки; к 14 годам у каждого третьего — хроническая паталогия; к концу средней школы половина детей делается близорукими; 30—40 процентов страдают от сердечно-сосудистых нарушений; 20—30 процентов — от нервно-психических расстройств. Миллион двести тысяч детей страдают психическими заболеваниями; 15 миллионов детей (пятая часть от общего числа — 76 миллионов) лежали в 1987 году в больницах.

Помочь тут мог бы прежде всего крутой подъем физического воспитания; оно, как выяснили физиологи, способно исправлять многие изьяны в детском здоровье.

Но и в семье, и в детских садах, и в школе, по признанию Минпроса, оно насыщает лишь девятую часть (1) двигательных нужд ребят; это не укрепление детского здоровья, а его кража, растрата...

Тяжелым испытаниям подвержено и нравственное формирование наших детей. Нервные перегрузки испытывают и взрослые, и дети. Спасаясь от них, человек эгоизируется — резко сужается круг заботы о ближних, в том числе о собственных детях. Не спешите протестовать; вспомните стиль общения со своим ребенком — на бегу, на ходу, окриком — по принципу экономии душевных сил.

У нас почти совсем исчезла раньше широко распространенная межсемейная помощь — между родственниками, а тем более соседями или просто знакомыми. Дети лишились, таким образом, прекрасных уроков нравственности. А каково нынешнее положение ученика в учебе — положение одиночки, индивидуала? Успех или неудача товарища — не часть твоего успеха или твоей неудачи. Чтобы быть хорошим учеником, совсем не надо быть хорошим человеком. Даже наоборот, чем меньше ты помогаешь другим, тем больше у тебя времени на то, чтобы во всем успеть и преуспеть. И чем меньше ты помогаешь домашним, тем больше у тебя остается времени на учебу. Выходит, что положение детей в семье и в школе враждебно доброй человеческой нравственности, разрушает ее у десятков миллионов людей.

С каждым годом все труднее становится и умственное воспитание, особенно в семье. Взрыв информации требует, чтобы дети и взрослые знали как можно больше в разных областях жизни. В то же время без узкой специализации ни в одной отрасли не достичь высокого уровня. Разрыв между тягой к расширению знаний и необходимостью их сужения быстро растет, уровень умственного воспитания падает все ниже.

Все это резко затрудняет детское воспитание — физическое, эмоциональное, нравственное, умственное. С этими противоречиями нового этапа истории необходимо считаться.

Что надо менять в самих основах детского воспитания? Как опираться на новые плюсы жизни и умерять вред от ее новых минусов? И помогают ли этому те ростки нового воспитания, которые прорезались в самой жизни? В частности, та новая педагогика, которую открыли Никитины? Каковы ее принципы?

Во-первых, это раннее и разностороннее развитие детей, во-вторых, ранний запуск всех главных способностей человека. Этим их подход в корне отличается от нынешнего позднего пробуждения части таких способностей.

Родители начинают развивать малышек с самых первых дней жизни — физически, эмоционально, нравственно, умственно, эстетически... Они растят в детях их тело, дух, ум, чувство, волю, пробуждают мораль, творческие способности. Впервые в истории человечества воспитание малышек стало ранним системным развитием личности, всех ее главных сторон. Я говорю здесь не о том, что именно делают Никитины, а о самой сути той новой педагогики, которую они реализуют. Ни-

китины лишь нащупывают эту суть, делают первые, хотя и огромные шаги, отыскивая ее. Рассказывая об их воспитании, я заостряю принципы — принципы, которые можно перенять.

По отдельности частицы такого воспитания встречались и раньше. Человечество знало, скажем, раннее физическое развитие или раннее нравственное — но без разносторонности и не такое раннее; знало оно и разностороннее воспитание — но позднее.

Лев Толстой как-то сказал о первых годах своей жизни: «Разве не тогда я приобрел все то, чем я теперь живу, и приобрел так много, так быстро, что во всю остальную жизнь не приобрел и одной сотой того? От пятилетнего ребенка до меня только шаг. А от новорожденного до пятилетнего страшное расстояние».

Многим, наверное, это непонятно. Что умеет пятилетний? И что — взрослый?

Что такое новорожденный? Биологическое существо, которое не может делать ни одного из человеческих дел. Ест он не по-человечески, а как все сосунки млекопитающих; завершает обмен веществ тоже не по-человечески — непроизвольно. Он не может говорить, думать, чувствовать чувствами человека, ничего не знает о мире. Он не умеет стоять, сидеть, поворачиваться, не умеет ничего делать руками.

За первые годы жизни он проходит гигантский путь, овладевает основными человеческими умениями, пробуждает в себе главные человеческие способности.

К трем годам вес его мозга утраивается — по сравнению с рождением, а за остальную жизнь вырастает только на четверть. Значит, большая часть органического развития мозга (и вообще нервной системы) проходит в раннем детстве.

В эти годы малыш научается всем основным видам человеческих движений: он стоит, ходит, он владеет руками, телом. В эти годы входят в строй нервные механизмы всех воспринимающих органов и малыш обретает то, чего у него не было при рождении: человеческое, осознанное — зрение, слух, обоняние, осязание, вкус.

В эти годы у него рождается речь, появляются основы мышления, опоры человеческого разума. В эти годы в нем созревают главные человеческие чувства, вырастают фундаменты характера, личности.

Малыш овладевает почти всеми основными каналами общения с миром, с другими людьми. За годы раннего детства в нем рождаются почти все главные свойства, которые отличают человека от животного. Такого скопления переворотов нет больше ни в одном возрасте; такой сверхскорости созревания человек тоже не испытывает больше никогда.

Во всем этом и состоит уникальность младенчества, неповторимость детского развития. Первые четыре-пять лет жизни — быстрое вызревание почти всех главных человеческих свойств; остальная жизнь — куда более медленный рост этих свойств и прибавление к ним некоторых других.

И, наверное, прав был А. С. Макаренко, который в унисон с Толстым говорил:

«Главные основы воспитания закладываются до пяти лет, и то, что вы сделали до пяти лет,— это 90 процентов всего воспитательного процесса, а затем воспитание человека продолжается, обработка человека продолжается, но в общем вы начинаете вкушать ягодики, а цветы, за которыми вы ухаживали, были до пяти лет».

Означает ли все это диктатуру раннего воспитания? Можно ли думать, что те черты, которые выросли у малыша в первые годы жизни, всегда будут стержнем его характера, а те, которые не выросли, так и не появятся?

Мне кажется, это не так. Дошкольные годы — как бы первое рождение основ личности — и то не всех: скажем, воля и склонность к тому или другому занятию чаще вырастают — или не вырастают — в подростковые годы, в отрочестве.

Отрочество — это второе, решающее рождение личности; это годы психологического кризиса, годы перетряхивания и окончательного укладывания всех основ личности. В это время люди могут терять какие-то свои устои и приобретать новые — хорошие или плохие. Основы личности кончают складываться в начале юности, но они могут меняться и потом.

Младенчество же — это как бы программирование основ личности, прорастание в человеке главных психологических и нравственных программ, которые будут управлять им всю жизнь. Первые годы жизни несут в себе предвещие далекого будущего человека, намечают — пусть пунктиром — траекторию всего его будущего пути. Как полет стрелы зависит от ее стартовой скорости и крутизны взлета, так и вся жизнь человека зависит от его стартовых лет. В этом состоит уникальная роль раннего детства, роль, с которой не может сравниться ни один другой возраст.

В это время в человеке неповторимо сильна особая способность к пробуждению способностей (причем всех — физических, эмоциональных, умственных, нравственных, эстетических, волевых). Именно раннее детство — время вызревания всех главных сил человека, именно в первые годы жизни рождаются основы человеческого здоровья, ума, нравственности.

Тысячи лет педагогика считала, что главный воспитательный возраст у детей — это школьные годы. И нынешняя официальная педагогика опаздывает с развитием детей на 5—6 лет — и теряет самое главное для детского развития время. Она как бы свет не весной, а летом и потому собирает чахлые урожаи.

Никитины говорят, что раннее развитие — это на самом деле развитие своевременное, а теперешнее развитие — запоздавшее, и оно наносит тяжелый ущерб и детскому здоровью, и уму, и нравственности.

Отказываясь от раннего развития, педагогика тем самым насаждала раннее антиразвитие, раннее торможение личности, и этот вывихнутый парадокс до сих пор служит основой дошкольного воспитания. Во многом из-за него так мало сейчас здоровых людей, душевно глубоких и работающих, и так много слабых душой и телом.

Продолжение следует

В. МОСКАЛЕНКО,
доктор медицинских наук

КАК СТАТЬ ЗВЕЗДОЙ

Этот вопрос я увидела написанным на классной доске в одной американской школе. Первое чувство — удивление. Ведь я оказалась в классе, где учатся восьмилетние дети. Мне и раньше приходилось читать о том, что американцы — состязательная нация, что стремление к успеху начинают воспитывать в детях очень рано. А недавно в печати промелькнуло сообщение о небывалой сенсации. Тони Алиенджен, одиннадцатилетний американец, стал рекордсменом мира, совершив летом 1989 года «кругосветное» путешествие за штурвалом самолета. Правда, было сказано: «Хотя Тони обыкновенный мальчишка, но с одной существенной поправкой — он обыкновенный американский мальчишка».

успех в жизни. Мне показали афишку, содержащую составные аббревиатуры «звезда» — STAR: Stop-Think-Act-Review, что означает в переводе с английского «Остановись, подумай, действуй, проанализируй накопленный опыт».

Плакаты эти, конечно, необычны. Но мы то знаем, что лозунги и обращения, которых немало можно увидеть на стенах классов и коридоров в наших школах, не действуют на детей, прочитав единожды, их перестают видеть. Но подобного почему-то не происходит в американском классе. А почему, становится понятным, стоит лишь раз побывать на уроке и услышать, как учительница Бэт Раймонд разговаривает с учениками. У нее тихий голос, она

торых формируются представления об этих сложных категориях.

Вот, скажем, в течение месяца перед глазами детей висит плакат, написанный на яркой бумаге. Лишь один вопрос задается детям, но учительница использует различные поводы, чтобы привлечь к обсуждению всех. Никто не оказывается в стороне. Спустя какое-то время обязательно появятся новые вопросы, а значит, и новые плакаты на доске — и будут новые дискуссии.

Я случайно оказалась свидетелем того, как юным гражданам преподается урок достижения успеха в жизни. Согласитесь: сказать ученику начальной школы, что успех зависит от того, насколько он готов брать на себя ответственность, еще не зна-

How Can I Show Respect For Others?

Думаю, в этом все и дело. Слово «обыкновенный» в приложении к американскому ребенку подразумевает такое существенное отличие от нашего понимания этого слова (оно дается лишь воспитанием, а лучше сказать, определенной системой воспитания, и семейного, и школьного), что, прочитав вопрос «Как я могу стать звездой?», подумала: был разговор о том, как стать кинозвездой. Как глубоко я заблуждалась!

В действительности, слово «звезда» имело два значения: прежде всего «знаменитость», и вместе с тем оно было аббревиатурой, сложенной из начальных букв выражения «Успех через взятие на себя ответственности». По-английски это выглядит: Success-Through-Accepting-Responsibility.

Та же аббревиатура складывается и из начальных букв других четырех слов, которые и дают примерный ответ на вопрос «Как стать звездой?» Теперь я уже вопрос понимала несколько приземленнее: как стать человеком, имеющим определенный

очень внимательно слушает и с каждым говорит как с ровней, не возвышаясь над ребенком и не подавляя его. В ней я не увидела той усталости, которую сразу замечаешь чуть ли не в каждом нашем педагоге. Она никогда не повторяет дважды одно и то же — и дети все сказанное ею усваивают с первого раза.

По роду своей деятельности я врач-психиатр и меня очень интересуют практическая и прикладная психология и педагогика. И если для тела пагубно загрязнение окружающей среды, то для души пагубно плохое воспитание, отсутствие нормальных отношений между людьми. Теоретически я всегда знала, что возможности ребенка огромны. Однако не предполагала, что с восьмилетними детьми можно самым серьезным образом обсуждать сложнейшие понятия, такие, как успех, честность, доверие, уважение. Наблюдая работу учителя в американской школе, я убеждалась, сколь разнообразны приемы, с помощью ко-

чит научить его это делать. И меня интересовало, как эта мысль достигает сознания ребенка. Учительница не считает такую задачу легкой, но решение ее вполне возможно. Нужно лишь все время поддерживать в ученике уверенность в своих силах и способностях. Поэтому-то в вопросах и ответах постоянно присутствует слово «могу». Ученики спрашивают себя: «Как я могу стать звездой?» — и отвечают.

Я могу слушать в школе.

Я могу регулярно посещать школу.

Я могу приходить в школу без опозданий и уходить вовремя.

Я могу выполнять домашние задания.

Я могу своевременно ложиться спать.

Но ведь при этом каких-либо сверхчеловеческих усилий не требуется. Все очень просто. Надо лишь делать то, что вполне по силам и совсем необременительно.

Да, обыкновенный ребенок все перечисленное может. И если он станет выполнять эти несложные условия, которые сам

Success Through Accepting Responsibility

себе поставил, то делает очень важный шаг на пути к успеху.

Я заметила, что в языке американцев есть еще одно часто встречающееся слово — «выбор». И на самом деле, любому жителю США постоянно приходится делать тот или иной выбор. Недаром говорят: язык отражает реальность. Свобода выбора — характерная черта американского образа жизни. И неудивительно, что искусство делать свой выбор маленьких детей учат и в школе.

А наука эта начинается с простых упражнений. Учительница приносит в класс плакат с вопросом: «Как я могу сделать хороший выбор?» Предлагает обсудить проблему, высказать свою точку зрения. Каждый в качестве ответа может выбрать одно из следующих утверждений:

Я могу остановиться и подумать, прежде чем действовать.

Я могу быть упорным тружеником.

Я могу придерживаться положительного отношения.

Я могу тщательно выбирать себе друзей.

Я могу тихо сидеть на своем месте и выполнять свою работу.

Одним словом, ребенок сам принимает решение. И я подумала, а возможно ли нечто подобное в нашей школе? В принципе, возможно, но... наверняка, при схожей постановке вопроса утверждения выглядели бы по-иному, более привычно для нашего слуха и для глаза. Скажем так: «...если я не буду лениться», «...если не стану действовать, не подумав»... Ведь согласитесь, в нашей речи, в наших беседах с детьми неизбежно присутствует запрет. Мы сначала внушаем, что «нельзя» и что «не разрешается» делать ребенку.

И сколько усилий тратим, чтобы он запомнил, усвоил наши запреты... На этом строятся все правила поведения — и для учащихся, и любые другие, адресованные уже взрослым. Запретительные надписи, вроде «Не курить», «Не сорить», «Не разрешается...» и тому подобные сопровождают «простого советского человека» повсюду, с детства до глубокой старости. Подобного я не видела нигде в Америке, ни в школе, ни в других учреждениях. В этом, думаю, проявляется психологически точный расчет — положительное отношение, позитивные утверждения работают лучше, чем негативные, запретительные. И в школе, на тех местах, где у нас обычно вывешиваются предупреждающие таблички и объявления, я прочитала нечто другое: «Бережное отношение к школе делает ее местом, где приятно находиться». Оказывается, вполне возможно избежать запретительной частицы «не», когда необходимо внушить ребенку что-нибудь хорошее.

Человеческому естеству вообще ближе позитивные формулы типа «Вы можете», чем негативные «Вы не будете делать что-нибудь». А воспитание — это внушение определенных норм жизни в обществе. Вот

как выглядит предупредительная вывеска в Музее скульптуры в Вашингтоне: «В музее разрешается задумчиво смотреть, беседовать, курить, прохаживаться, трогать экспонаты, наслаждаться, сорить, расслабиться, есть, делать записи чернилами, ручкой».

Американцы во всем стараются не злоупотреблять отрицательной частицей «не». Однако есть ситуации, когда детей учат

ник обязан...» Какая пропасть в психологическом отношении между «Я могу...» и «Ты должен...» В первом случае осуществляется самовнушение. Самовнушение не только прочнее оседает в памяти,

не только лучше потом в жизни работает — оно еще и просто гуманнее. Это — бережный подход к личности, это — вера в способности человека. А когда на каждом

УСПЕХ ЧЕРЕЗ ПРИНЯТИЕ НА СЕБЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Вопросы	На что следует обращать внимание	
	в школе	дома
Как я могу стать звездой?	Я могу слушать внимательно уроки.	Я могу пойти спать после первого напоминания.
Как я могу быть добрым и вежливым?	Я могу сказать «пожалуйста» и «спасибо».	Я могу подождать, пока закончат говорить другие, а потом начну говорить сам.
Как я могу сделать хороший выбор?	Я могу остановиться и подумать, прежде чем начну действовать.	Я могу научиться анализировать свои действия.
Как я могу обнаружить свою смелость?	Я могу поднять руку в классе.	Я могу сказать «нет» чужим.
Как я могу быть честным и достойным доверия?	Я могу брать на себя ответственность за свои ошибки вместо того, чтобы винить кого-то.	Я могу сказать «простите меня», если я был неправ или недобр по отношению к кому-либо.
Как я могу выказать уважение к себе?	Я могу говорить о себе в положительных тонах, а не унижать себя.	Я могу есть умеренно и только здоровую пищу.
Как я могу выказать уважение к другим?	Я могу ждать, пока до меня дойдет очередь.	Я могу любезно распахнуть дверь перед входящим.
Как я могу выполнить свои обязательства?	Я могу еще раз проанализировать свои цели и задачи.	Я отведу достаточно времени, чтобы выполнить домашние задания и аккуратно, и вдумчиво.
Как я могу вознаградить себя за свою ответственность?	Я могу поздравить себя с успехом.	Я могу разделить свой успех с людьми, которые обо мне заботятся.

Исследовательский центр имени Томаса Джефферсона, Пасадена, Калифорния.

говорить «нет». Речь идет о старших детях, которым необходимо уметь сказать «нет», например алкоголю, курению. Курс тренинга так и называется: «Просто скажи «нет»».

Я вспомнила свои школьные годы, обложку дневника, где были напечатаны те самые правила поведения. Каждое начиналось словами: «Ученик должен...» или «Уче-

шагу внушают «Ты должен...» — и становление непрочным, и механизмы саморегуляции не включаются.

В часто повторяющемся выражении «Я могу», которое дети используют при овладении простыми абстрактными понятиями и нравственными нормами, усматривается уважение к личности ребенка.

How Can I Be A Star?

Вот еще один пример из медицинских рекомендаций, применяемых в американской школе. Обсуждается, например, вопрос: Как я могу быть честным и достойным доверия? А вот каковы ответы:

Я могу взять на себя ответственность за свои ошибки, вместо того чтобы винить других.

Я могу говорить учителю правду, когда не выполню домашнее задание.

Я могу быть честным с другими.

Я могу выполнять свои обещания и обещать только то, что я собираюсь сделать.

Я могу вернуть найденные мною вещи.

Мне интересно было выяснить у Бэт Раймонд, как она воспитывает в своих учениках такое важное качество личности, как положительная самооценка. По своему опыту знаю — кто слишком болезненно реагирует на то, как к нему относятся окружающие, для кого очень значимыми оказываются чужие оценки его поведения, обычно страдает пониженной самооценкой. А это нередко компенсируется не самым здоровым образом, например, пристрастием к алкоголю. Честно говоря, я была удивлена, с каких простых вещей начинает воспитываться «хорошее отношение к себе». Ребенку внушают: если ты себя уважаешь, то должен заботливо относиться к себе в целом и к своему здоровью в частности: высыпаться, оставить дурные привычки... А кроме того, надо бережно относиться к своим книгам, вещам, к школьному имуществу. Может, на первый взгляд, это выглядит несколько странно, но все становится на свои места, когда понимаешь: именно с положительной самооценки начинается самоуважение. Действительно, как можно уважать себя, если не бережешь свои книги, неряшлив в одежде, не заботишься о собственном здоровье?

Класс, в котором ведет занятия Бэт Раймонд, произвел на меня хорошее впечатление: дети были воспитанны и вели себя безупречно. За все время я не слышала ни одного замечания! Спросив напрямую учительницу, как она такого добивается, услышала:

— Я никогда не приказываю, просто объясняю, почему у нас именно такие правила поведения. Уважительное отношение к детям и их заставляет так же обращаться ко мне.

На прощание мы сфотографировались вместе со всем классом. Мальчик спросил меня, появится ли фотография в печати. Я ответила, что возможно. Тогда он задал еще один вопрос:

— Скажите, а если вы расскажете о нашей школе в Советском Союзе, то станете знаменитостью?

Нет, все же ребята в Америке рано ориентируются на успех, думают о том, как стать звездой. Думают как о себе, так и о других. Только в Америке даже малых детей учат успех связывать с ответственностью.

И еще я получила в подарок плакаты, которые используют в начальной школе, и несколько таблиц. Перевод одной из них может заинтересовать читателей журнала. Конечно, таблица (стр. 7) дает лишь схему разговора на заданную тему. Но творческий подход взрослого может направить беседу в какое угодно русло.

ПОПРОБУИ МЕНЯ ПОНЯТЬ!

Людмила КОВАЛЕНКО

УШЩАТ ХОЛОДНОЙ ВОДЫ

И снова передо мной стопка писем. И снова — почти исключительно от юных читателей, а точнее, читательниц «Семьи и школы». Любопытный, кстати, феномен: журнал адресован родителям, но, если судить по почте, то наиболее активными его читателями оказываются подростки. Интересно же, что там говорят и думают про нас эти взрослые...

Но, вчитываясь в письма, понимаешь, — многие подростки выбирают журнал своеобразным посредником между собой и своими родителями, желая достучаться до их сердец, хоть с помощью прессы, раз уж не получается по-другому, «напрямую». К сожалению (я опять же сужу по приходящим в редакцию письмам), пока не в силах помочь и пресса — родители наглухо замкнулись в гордом молчании. Зато дети...

Я часто думаю — на чем основана легенда о замкнутости и неконтактности подростка? За многие годы постоянного общения с представителями этого «трудного» и прекрасного возраста у меня, например, сложилось обратное впечатление. Мне кажется, никто другой так не открыт навстречу собеседнику! И никто другой не способен часами излагать свою точку зрения на глобальные проблемы человечества или, за худой конец, на неоспоримые достоинства любимой рок-группы. А вот слушать подростков умеет куда хуже... И абсолютно, просто на дух не переносит долгих и поучительных монологов, к которым, увы, склонно старшее поколение. А вам, мой взрослый читатель, вам понравились бы ежедневные почти слово в слово повторяющиеся и смертельно скучные нотации? Вот увидите...

Ну ладно, пусть мне всю жизнь везло и попадались на моем пути какие-то особенные, нетипичные и уникальные подростки; они и ввели меня в заблуждение и толкнули к неправильным выводам. Только вот могут ли вестись в заблуждение десятки и сотни писем, написанных с такой пронзительной откровенностью, подделывать которую невозможно?

Конечно, характеры бывают разные. Кто-то отроду открытый и коммуникабельный, другому милее одиночество и размышление, а третий застенчив и раним. Тем не менее нужда в общении существует даже у самого замкнутого; а бывают минуты, часы, недели, когда она становится необходимой как воздух... И к кому же тогда бежать за помощью, если не к самому родному на всем белом свете человеку?

«Раньше я говорила маме все, что думала, делилась всеми тайнами, но теперь... Я думала, если я расскажу ей все свои тайны, то она — как мать и женщина — посоветует мне, поможет разобраться и НИКОМУ НЕ СКАЖЕТ...».

Не бог весть какие страшные тайны пыталась доверить маме четырнадцатилетняя Светлана. У кого из нас их не было милых, полудетских секретных пустяков, входивших в нашу жизнь вместе с ощущением пробуждающейся женственности... Пригласил на школьном вечере потанцевать мальчик, который нравился еще с шестого класса — и смотрел при этом как-то особенно... Незнакомый прислал записку с признанием — а вдруг шутка? И вообще, кто бы это мог быть? А в классе появилась новенькая и сразу стала у маль-

чишек «королевой» — завидно и обидно, неужели я навсегда останусь такой некрасивой? Пройдут годы, и повзрослевшей Светлане забавно будет вспоминать о своих девчачьих секретах. Но сегодня эти, может быть, первые «настоящие», очень личные тайны распирают душу, ими просто необходимо поделиться — с самым верным, самым чутким, самым надежным человеком. С мамой.

«Но я ошиблась... Мама сядет со мной, слушает так внимательно, советует якобы от души... Расскажу ей, с каким мальчишкой что у меня было, а она потом, в выгодный для нее момент, возьмет и попрекнет меня за это. Опозорит перед отцом, которого я очень люблю, или перед гостями, которых я терпеть не могу».

Тайна исповеди — нарушение ее у христиан во все времена считалось одним из непрощительных грехов. У нас, судя по всему, уже и мелким грешком не считается. Будто бы дочка для матери значит меньше, нежели верующий для исповедника... Будто бы ничего уже не стоят кровные узы, и даже «корпоративное» женское начало исчезло из отношений мамы с дочерью... Я уже не говорю о соображениях обыкновенной порядочности — они-то куда подевались?

Раз, другой, третий натолкнулась девочка на мамину бестактность и несдержанность, почувствовала, что не случайны эти качества, поняла, что не стоит рассчитывать на мамину надежность. И — замкнулась, оскорбленная в поруганной своей вере, больно ушибленная неожиданным предательством.

Светина печальная история, увы, типична.

«Они постоянно поучают меня, что нельзя подслушивать, плохо подматривать. А сами — перенчивают все МОИ письма!» — справедливо возмущается наша анонимная корреспондентка из Павлодара. Своими переживаниями делится и ее ровесница, четырнадцатилетняя ленинградка Тана.

«Четыре года назад у меня было что-то вроде дневника. Там были мои радости и печали, упреки и обиды. А потом на лето я уехала в лагерь. Но когда вернулась, то в моем ящике не осталось «ничего лишнего», а были лишь детские рисунки и фантики. Больше я не рискую заводить личный дневник — обязательно исчезнет со своего тайного места. И теперь, не имея личной тетради, ношу все беды и озорчения в своей душе. А радостей у меня не бывает. Откуда им взяться?»

К сожалению, тайна переписки и тайна личного дневника в глазах многих родителей заслуживают не большего уважения, чем тайна исповедального разговора с сыном или дочерью. Впрочем, я далека от того, чтобы искать причину беспардонного обывательского любопытства только в отношениях родителей и детей. Такое впечатление, что нынешнее общество сверху до низу поражено микробом этой мешанской болезни. В очередях обсуждают туалеты супругов Президента. На службе увлеченно спорят по поводу очередного мужа знаменитой поп-звезды. В гостях с удовольствием обмениваются слухами о чьих-то зарплатах, дачах, автомобилях и прочих благах. И за этими «животрепещущими» проблемами исчезают, все больше размы-

ваются нравственные устои, благодаря которым нация выжила в страшнейших испытаниях и благодаря которым нашу страну по сей день некоторые называют «последним оплотом духовности». А духовность эту многие поколения с давних пор черпали в семье... И источник тот казался бездонным, неисчерпаемым. Неужто добрались до доньшка?

«Опомнитесь, одумайтесь! Я хочу, чтобы поняли те матери, которые не сумели подарить детям свою нежность и ласку, а теперь винят их. За что? В чем вина ваших детей? В том, что не хотят они быть птицей в клетке?» Эти строки — из письма девочки с поэтическим именем Асель. Ей тоже четырнадцать лет, но судьба уже успела отпустить ей испытания не по детскому счету. Восемь лет назад умер ее отец, оставив вдову и троих сирот, из которых Асель была самой старшей. А вслед за тем семья лишилась и последней поддержки — умер и дедушка. *«Я не знаю, — пишет Асель, — как хватило у мамы сил, чтобы нас вырастить, обути, одеть, накормить — на мизерную зарплату. А ведь она у нас такая чуткая, чувствительная — стоит кому-то из нас кашлянуть, мама уже в тревоге... Но всегда и во всем мама помогает каждому из нас. И всегда спокойная, ласковая, приветливая...».*

Такой любовью, такой нежностью пахнуло на меня от письма из далекой Кокчетавской области, что как-то сразу я поверила: нет, далеко еще до доньшка, если есть такие мамы и такие дочери! Жаль, что редко редакционная почта приносит подобные письма — то ли стесняются люди поделиться своим счастьем, сохраненным вопреки всем невгодам, то ли считают неловким «хвастаться», когда кругом столько горя и непонимания? Вот ведь и Асель в конце своего письма просит не указывать ее фамилию.

Не знаю, распознает ли себя мама Асель в портрете, написанном благодарной и любящей девочкой; но увидеть себя со стороны если и не всегда так приятно, как в данном случае, то наверняка полезно. Только не стоит сразу вставать в позу обиженной добродетели. Пусть многие письма подростков написаны под влиянием момента, сиюминутной и острой еще обиды, со свойственным возрасту эгоцентризмом и столь же типичной страстью себя пожалеть — давайте условимся прощать нашим юным корреспондентам эмоциональные крайности. Суть-то остается — какими видят нас они, повзрослевшие и очень внимательные наши дети?

«Что ни сделаю — все не так, ничего не делаю — тоже не так. Из-за каждого пустяка оскорбляют. Я у них всегда и во всем виновата уже заранее».

«Дома такие отношения, что иногда жить невыносимо. Наверное, мне не место в моей семье — здесь меня ненавидят. Создается впечатление, будто я не родная дочь своим родителям».

«Понимаете, раньше, когда я хотела, чтобы родители со мной поговорили, им было не до меня. А сейчас я уже не могу и не хочу им ничего рассказывать. Зачем? Уже нет надежды, что меня поймут».

«Меня поражает мамин бескультурье, ее нечистоплотность, полнейшее нежелание понять окружающих. И то, что меня она вообще за человека не считает. Так и гово-

рит мне, что я пока — ничто».

«Решила вам написать, потому что не могу так больше. Мне кажется, я люблю маму, но разговаривать с ней так, как с другими, не могу. Меня раздражает каждое ее движение, каждый жест...»

Остановимся на последней выдержке из письма шестнадцатилетней Жанны. Похоже, здесь отношения докатились уже до последней грани, за которой — пропасть. Видите ли, на мой взгляд, между матерью и детьми могут быть непонимание, конфликты, ссоры — лучше, разумеется, чтобы их не было, но что ж тут поделаешь... Однако всегда остается какой-то, иногда даже последний мостик к примирению. Бывает, довольно маминой улыбки, одного слова — и вот уже воюющие стороны сидят обнявшись, и смех мешается со слезами, и все в этот миг забыто. Остаются лишь родные руки, мокрая щека и единственный в мире голос... Мне почему-то кажется, что беды, о которых рассказывается в большинстве писем, вполне поправимы. Повзрослеют дочки, спохватятся мамы — и многое утрется само собой.

А вот утрется ли у Жанны с ее мамой? Из сумбурного и безысходно-печального письма девочки трудно понять, отчего не получается у нее с мамой контакта. Может, нашла коса на камень? Так случается, когда двое похожи характерами; и характеры эти — не из самых благодатных. Или мама чересчур занята своими проблемами и не замечает, что рядом вырос и страдает от тягостного одиночества уже почти взрослый, но хрупкий человек? Как бы то ни было, мне тревожно за Жанну, за ее до времени иссохшую душу; но ничто так не опустошает личность, как нарушение естественных человеческих привязанностей. Не возьмусь заочно рассудить, кто в этом конфликте прав, кто виноват больше. Могу лишь снова повторять вслед за Аселью — опомнитесь, мамы, решившись во что бы то ни стало доказать свое верховенство, растапывая личность подростка... Понятно, все случается — можно вспылить, ошибиться, совершить несправедливость не со зла, а по незнанию или от отчаянной усталости. Важно другое — вовремя понять ошибку и постараться исправить ее как можно скорее. Пока не поздно! Иначе не постигла бы вас судьба той женщины, о которой пишет пятнадцатилетняя дочка так:

«Вы не поверите, но я совсем не люблю свою маму. Раньше я как-то над этим не задумывалась, а теперь, когда остаюсь одна, понимаю и плачу долго, пока не засну...»

В своем письме девочка искренне и довольно подробно излагает «историю не любви», и вот что страшно — нет в повествовании ее матери ничего из ряда вон выходящего, криминального и прочего. Разве такая деталь: «Представляете себе, меня до сих пор бьют — если опоздаю прийти домой к восьми вечера. Мне очень стыдно перед окружающими, даже писать вам об этом — и то стыдно...» Не знаю, как вам, дорогие читатели, но мне — тоже стыдно. Потому как, что бы там ни говорил в древности Владимир Мономах, но поднимать руку на чадо свое — недостойно человека цивилизованного. Да и просто человека.

Но, повторяю, кроме пристрастия к «те-

лесному воспитанию», эту мамашу вроде бы и упрекнуть не в чем. Семья благополучная, не пьют в ней и не курят даже. И девочку, судя по всему, неплохую вырастили — хорошо учится, целеустремленная, а за отличную работу на практике награду получила. Соседка узнала и похвалила от души: «Вот умница, вот молодец!» А мама хвалить не стала, только буркнула что-то совсем неприветливое. И никак дочка понять не может: «Что же, выходит, соседи меня любят больше, чем родная мать?» Да нет, девочка: это у мамы такой метод воспитания. И такая странная любовь...

О странностях родительской любви пишут с обидой и непониманием преимущественно девочки. Это не случайно, ведь природа отпустила женщине и большую эмоциональность, и большую потребность любить и быть любимой. Значит, и эмоциональный дефицит девочка, девушка, женщина ощущает значительно острее... Впрочем, дело не только в этом. Прошу извинить за сравнение, но вспомните дресировщика Владимира Дурова, который создал свою систему обучения цирковых животных, основанную исключительно на ласке, любви и похвале... Откуда же взялось в семье — человеческой, не звериной! — предпочтение педагогике окрика, команды, кнута?

Наверное, не стоит здесь лишний раз теоретизировать, ибо сегодня любой мало-мальски культурный человек способен понять, что авторитарная политическая и административно-хозяйственная система за семь десятилетий глубоко проникла не только в официальную, школьную педагогику, но и в семейное воспитание. Мы, сегодняшние родители, — дети и внуки этой системы. Сознательно или механически, но мы неминуемо привносим в семейное бытие многое из привычных и дискредитировавших себя методов управления. В экономике результатом стало катастрофическое положение народного хозяйства, в политике — гордые узел проблем. Но печальным итогом школьно-семейной авторитарной педагогики становятся живые люди — с изломанными судьбами, большой психикой и ушербоной нравственностью.

И здесь, в нашей «семейной крепости», — нужны неотложные перемены. И для начала — оглянуться на самих себя, так точно и четко отраженных зеркалом подростковых писем. «Врачу, исцелись сам!» — предупреждает нас евангелист Лука. Это же первейшая заповедь воспитателя, рассчитывающего на успех: спроси прежде всего с себя. И тогда, быть может, перестанут раздражать усилия пятнадцатилетней Наташи навести в доме порядок. И не нужно будет маме криком утверждать свое хозяйское главенство — надо стать настоящей хозяйкой. А еще лучше — самой предложить подростковой дочке сотрудничество и спокойно объяснить: мол, видишь, на работе устаю, ничего не успеваю, давай как-то разделим обязанности... Увы, Наташиной маме не хватает смелости взглянуть на себя критически и уж тем более признать себя в своих недостатках дочери.

Наверное, нет смысла повторять общеизвестные истины по поводу внутрисемейного поведения всех членов семьи. Просто давайте перестанем удивляться грубости сына и развязности дочери,

коли сами позволяем себе распускаться до крайности — и в присутствии детей, и в их отсутствии — они все равно ведь многое видят, замечают. И не прощают.

«Я слышала, что у крикливых родителей и дети становятся крикливыми. И вот теперь я себя часто спрашиваю: неужели же я стану такой, как мать? Не хочу!»

«Мама называет меня злой, бессердечной, хотя сама часто ругает и даже бьет мою младшую сестренку. Даже подруги мои не хотят ко мне ходить, говорят, что мама у меня злая, все время ругается из-за мелочей, из-за всего...»

«Она постоянно попрекает меня «женщинами» и обзывается ужасными словами... Почему она постоянно кричит на меня и не хочет хоть раз поговорить спокойно и с пониманием?»

«Я мечтаю хорошо закончить одиннадцатый класс и поступить туда, куда хочу. Но прежде — чтобы мать с папой развелись, и я ушла бы к папе. Без нее и он стал бы совсем другим, я уверена в этом. И жили бы мы с ним хорошо и спокойно...»

Боюсь, что терпение взрослого читателя уже истощилось: «Сколько же можно давать слово этим неблагодарным девочкам?» Я бы и рада была сократить количество цитат, но и так уж беру по минимуму. И знаете, как человек взрослый, я отлично понимаю, что где-то девочки пережимают, ибо не затухла еще ссора и горячая обида. Но даже если десятая часть этих подростковых сетований полностью соответствует действительности (а на самом деле, думаю, «процент истинности» куда как выше) — то и тогда надо бить тревогу!

Еще несколько лет назад, встречая в письмах подростков жалобные угрозы «попилишь себе вены, отравиться какими-нибудь таблетками» и тому подобные, я не придавала им особенного значения. Вспоминая свою юность с резкими спадами настроения и страшными переживаниями, когда свет становится не мил, я так же хорошо понимала ту силу жизни, которая удерживает от рокового шага. Разные были ситуации и в жизни моих друзей, знакомых, но ни разу за все мои школьные одиннадцать лет не довелось мне слышать хоть об одном самоубийстве подростка, школьника... А сейчас — открываю газету, включаю телевизор и читаю, слышу страшные цифры. Уже не удивляюсь даже, сильною хотя бы понять — как же так, в нормальной семье, с мамой-папой дома, с учителями в школе, с друзьями во дворе — и вдруг остался один? Каким же нестерпимым должно было быть то одиночество, каким невыносимым — непонимание, если полный жизни, здоровый юный человек, у которого все еще впереди, вдруг отказался от этого всего и ушел в небытие?

Я не буду больше приводить выдержек из редакционной почты. Поверьте мне на слово, почти в каждом из детских писем рефреном звучит примерно одно и то же: «Не могу больше жить... Не хочу больше такой жизни...»

Опомнитесь! Одумайтесь! Услышьте своих детей!

ПИСЬМА

Два класса — за год

Дорогая редакция!
Хочу поделиться нашим с сыном опытом — может быть, он кому-то покажется полезным.

Начну все по порядку. Сыну было чуть больше четырех, когда мы остались вдвоем. Вместе «воевали» с бесконечными болячками, которые не позволяли посещать детский садик. В любое время года ездили за город, вели дневники наблюдений за природой, много читали. Гриша уже в четыре с половиной года свободно читал.

В школу мальчик пошел, умея читать и считать, но преподаватели настояли на том, чтобы зачислять его в первый класс (в то время я еще безоговорочно доверяла школе). В первые дни все было хорошо, но вскоре я заметила, что сыну неинтересно заниматься. «Мама, ну что они — маленькие, что ли, все «а»... «б»..., а сложить вместе буквы не могут, — досадовал Гриша. — Мама, а учительница сказала, чтобы я отвечал только то, что написано в учебнике, а то двойки будет ставить». Словом, когда Гриша в очередной раз заболел, он уже не рвался в школу, как вначале.

За всю начальную школу у нас набралось две четверти учебного школьного времени. Но это никак не отразилось на знаниях сына. Он по-прежнему опережал своих сверстников. И тогда на семейном совете мы решили перейти в школу с углубленным изучением английского языка. Правда, были опасения, что нам могут отказать, потому что иностранный язык начи-

нают изучать со второго класса, а Гриша должен пойти в четвертый. Мы решили попробовать.

Оказывается, когда ставится трудная задача, детям интересно. Мы развесили листочки, как флажки, учили слова, много слушали пластинок с английской речью. Уже

к концу первой четверти мальчик догнал одноклассников, и скоро учительница выделила его среди других. И опять Гриша оказался, что называется, «на голодном пайке» — он сам мог и хотел усвоить больше того, что проходили в школе. И стал заниматься языками самостоятельно.

Надо сказать, что каждое лето мы отправляемся путешествовать то по Волге, то в Карелию, то в Западную Сибирь. Общение с разными людьми и посещение музеев очень обогащают. Наверное, все это сыграло большую роль в становлении личности сына. Он всегда ценил зна-

ния, стремился к ним. И вот в восьмом классе мальчик настоял на том, чтобы ему дали возможность самостоятельно проходить программу по всем предметам. Нашу просьбу школа долго отклоняла. Но я поверила сыну и настояла, чтобы такое разрешение дали.

На первых порах мы вместе планировали порядок прохождения предметов, а потом сын сам пришел к выводу, что учить большими блоками гораздо интереснее и продуктивнее. Каждый день Гриша штудировал два предмета или даже один. Хорошую помощь в такого рода занятиях оказала нам методика Шаталова, мы освоили принципы составления опорных сигналов. К концу ноября программа восьмого класса была уже пройдена. Оставалось только подтвердить это на экзаменах. Они проводятся далеко не в благоприятном режиме. Надо быть готовым к тому, что билеты к экзаменам дадут только за неделю, что консультации по всем предметам будут носить формальный характер. Что экзамены принимает комиссия в составе трех человек. Что каждый экзамен длится около двух часов. Но мы все выдержали. Комиссия высказалась так: «Поздравляем, русский язык на уровне первого курса филологического факультета». Или: «Он прекрасно знает химию». Или: «Как Вам удалось так хорошо подготовиться по английскому языку?!» Программу девятого класса мы одолели за два с половиной месяца. И опять показали высокий уровень знаний на экзаменах.

Сын успешно закончил и одиннадцатый класс. Нельзя сказать, что он сидел за книгами, не разгибаясь. Гриша занимался в кружке «Юный медик», посещал курсы экскурсоводов, много читал.

Пишу я об этом отнюдь не ради похвалы, а для того, чтобы подтвердить результативность домашнего обучения. Наши успехи помогли преодолеть неверие коллектива в «эксперимент».

Приятно, что директор школы оказался не консервативен. Теперь желающим разрешили досрочно сдавать отдельные предметы. Есть учащиеся, которым разрешают свободное посещение занятий в школе. По моему мнению, такие отрядные перемены сти-

мулируют учение, а не сдерживают его, как было прежде, когда дети, теряя время, вынуждены были отсиживать положенные часы в школе. Только нужно еще помогать таким способным ребятам: издавать разработки по предметам, как-то решить вопрос с оплатой консультаций преподавателям, иначе при отсутствии материальной заинтересованности, так и останутся они формальными. Мы учились экстерном, можно сказать, на огуль. Школа не должна уstraняться от участия в судьбе способных учеников. Чтобы никто не сбился с пути, нужен компас, который укажет верное направление.

И. НОГТЕВА
г. Иваново

Руку на дружбу

Мой сын инвалид детства — тяжелый врожденный порок сердца, и еще перенес девять глазных операций. Но, как говорится, где тонко, там и рвется. В больнице, где сын находился после очередной операции, один мальчик ударил его, лежавшего под одеялом (болели от света глаза) подушкой по лицу, и больше Андрей не видит. Сейчас Андрею одиннадцать лет, учится в четвертом классе в школе для слепых детей. Учится хорошо, а главное, мальчишка никогда не унывает, всегда веселый, не может сидеть без дела. Я очень удивляюсь, когда здоровые дети жалуется, что им скучно, нечем заняться. А Андрею скучать некогда. Не расстается с баяном, недавно начал учиться играть на гитаре, немало играет на пианино. Мы сражаемся в шахматы, в шашки. А недавно я научила его вязать крючком и спицами. Связал красивый жилет двухлетнему двоюродному братику, берет с шарфиком двоюродной сестренке и жилет себе. Да так ловко, аккуратно у него получается. Из капельниц (сейчас лежим в кардиологии) сделал так искусно чертики, что все поражаются. Много читает (по Брайлю), очень любит фантастику, перечитал все произведения Жюль Верна, Беляева, увлекается Джеком Лондоном. В свободное время

слушает музыку, у него два магнитофона, один — для прослушивания книг. Мы бываем на концертах в филармонии, предпочитаем органную музыку, на балете «Лебединое озеро» слушали чарующую музыку Чайковского. И дома Андрюша мне помощник — моет пол, посуду.

Вот только друзей у него мало, так как он учится в школе, где все дети из области. А дома у него только один верный друг Витя Саркисов, который не оставил его в беде. Да благодаря телевизионной передаче по десятому каналу откликнулись два мальчика. Мне же хочется, чтобы у Андрея было много друзей, чтобы не чувствовал себя одиноким. Может быть, откликнутся те, кто захочет с ним дружить? С их помощью Андрей побольше узнает жизнь, посмотрит на мир. Наш адрес: 603009, г. Горький, проспект Гагарина, д. 110, кв. 111.

Изольда Викторовна
БЕЗЗУБОВА

Приходите завтра!..

В апреле по Центральному телевидению проходил телемарафон «Чернобыль». Шел сбор средств в фонд помощи пострадавшим от аварии на Чернобыльской АЭС. Весь мир в это время с болью и надеждой следил за марафоном. На призыв откликнулись миллионы людей. Вот и наши дети, третьеклассники, решили внести свой посильный вклад в это святое дело. Ребята собрали деньги, сэкономленные на кино, мороженое и так далее. Пошли в почтовое отделение № 17, чтобы перечислить деньги. Но... как и следовало ожидать, в нашем бюрократическом обществе, прежде чем что-то сделать, нужно основательно побегать и потренировать нервы.

На вопрос детей о номере счета, кассир заявила, что понятия об этом не имеет. И отчитала детей за то, что ходят и морочат людям голову каким-то фондом. А когда узнала, что «Марафон» идет по телевизору, отослала детей домой, чтобы все разузнали как следует. А телевизор-то был на почте. Дети попросили его включить и ловили бук-

вально каждое слово. Но тут стали высказывать свои претензии посетители почты. Какой-то дородный мужчина того поколения, который перенес «все тяготы войны» и не в силах смотреть «на нынешнюю испорченную молодежь», заметил, что дети пришли сюда не ко времени: телевизор можно смотреть и дома. И вообще не их это дело вмешиваться в дела взрослых, самими деньгами не зарабатывают. Дальше последовали неслесные слова о невоспитанности школьников.

И все-таки дети узнали и записали счет, но отправить свои сбережения не смогли. Кассир помогла им заполнить бланк, но, когда стали пересчитывать сумму, оказалось, что у них на один рубль меньше того, что указано в бланке.

Переписывать бланк кассир не стала, сославшись на то, что уже поздно и почта закрывается. Посоветовала прийти завтра. Утром перед школой (ребята учатся во вторую смену) они снова были на почте. Как вы догадываетесь, их опять ждала неудача — аппарат у кассира испортился. И опять они услышали: «Приходите завтра!» После уроков в тот же день дети поехали на почту в другой поселок. Почта работала, аппарат был в исправности, но последовал неуместный вопрос, для каких целей перечисляются средства. Дети растерялись вконец.

После всех проволочек школьники все-таки осуществили доброе дело. Но кто поручится за то, что в дальнейшем у них не пропадет желание протянуть руку помощи человеку, попавшему в беду? Ведь равнодушие, безразличие взрослых могут заглушить, подавить порыв детской души.

Мы можем сколько угодно возносить добро, призывать чутко, внимательно относиться к людям. Но если мы, взрослые, не будем поддерживать человечность — святое светлое чувство в душах детей, оно уступит место злу и хамству.

Анна Викторовна
МАСОРОВА,
Елена Владимировна
ШНЕЙДЕР,
учителя
начальных классов
школы № 2
г. Омск

Никому нет дела

Я хотела бы спросить компетентные органы: «Что выгоднее для государства — работать на производстве и бесконечно «бюллетенить» или воспитывать детей дома?»

Мне 36 лет, трудовой стаж — 11 лет, хронически больная дочь. Какая может быть работа с таким больным ребенком? В трудовой книжке, несмотря на маленький стаж, много записей. Полгода не работала, год провела до-

ма с больным ребенком. В садик отдать дочку нельзя — очень слабая, нет прививок. И вот дома остается одна без присмотра. Естественно, душа разрывается. А если заболевает, то на работе косо смотрят. Никому не нужен работник, который часто бюллетенит. И, толком не вылечив ребенка, выходишь на работу. Ребенок недолеченный, начинаются осложнения, и снова берешь больничный (это в лучшем случае) или «садишься по справке». Но бесконеч-

но отсутствовать на работе нельзя. Выход один — увольняться.

Моей дочке ежедневно надо делать длительную гимнастику, водные процедуры, массаж и прочее. Приходится чуть свет будить ребенка, мама нервничает, ведь она опаздывает на работу, дочка капризничает. Какая при такой дергатуре и нервоотрепке польза ребенку.

У нас в стране очень много больных детей. А если мы не можем позаботиться о здо-

ровье больных детей, какое же это будет будущее поколение? Простит ли оно нам такое невниманье, поймет ли нас? Меня дочь упрекала в том, что я ее родила больную и не вылечила. Мне очень больно это слышать, я для нее делала все возможное, но не все от меня зависит. Бросить совсем работу не могу — прожиточный минимум низок, да и стаж надо заработать, чтоб получить пенсию в старости. Нашла выход — ушла работать в строительный кооператив рабочей, хотя имею высшее образование. Здесь меня никто не ругает, если приходится сидеть с ребенком по болезни. Что заработала, то и получай. Конечно, обидно, но иного выхода пока нет — чего не сделаешь ради здоровья ребенка... Надо бы государству подумать о матерях, имеющих хронически больных детей, предоставить для них льготы. И профсоюз тоже должен войти в наше положение и проявить со своей стороны заботу о таких семьях. А пока до наших детей нет дела никому.

Л. А. ГУРОВА
г. Крымск

ответы

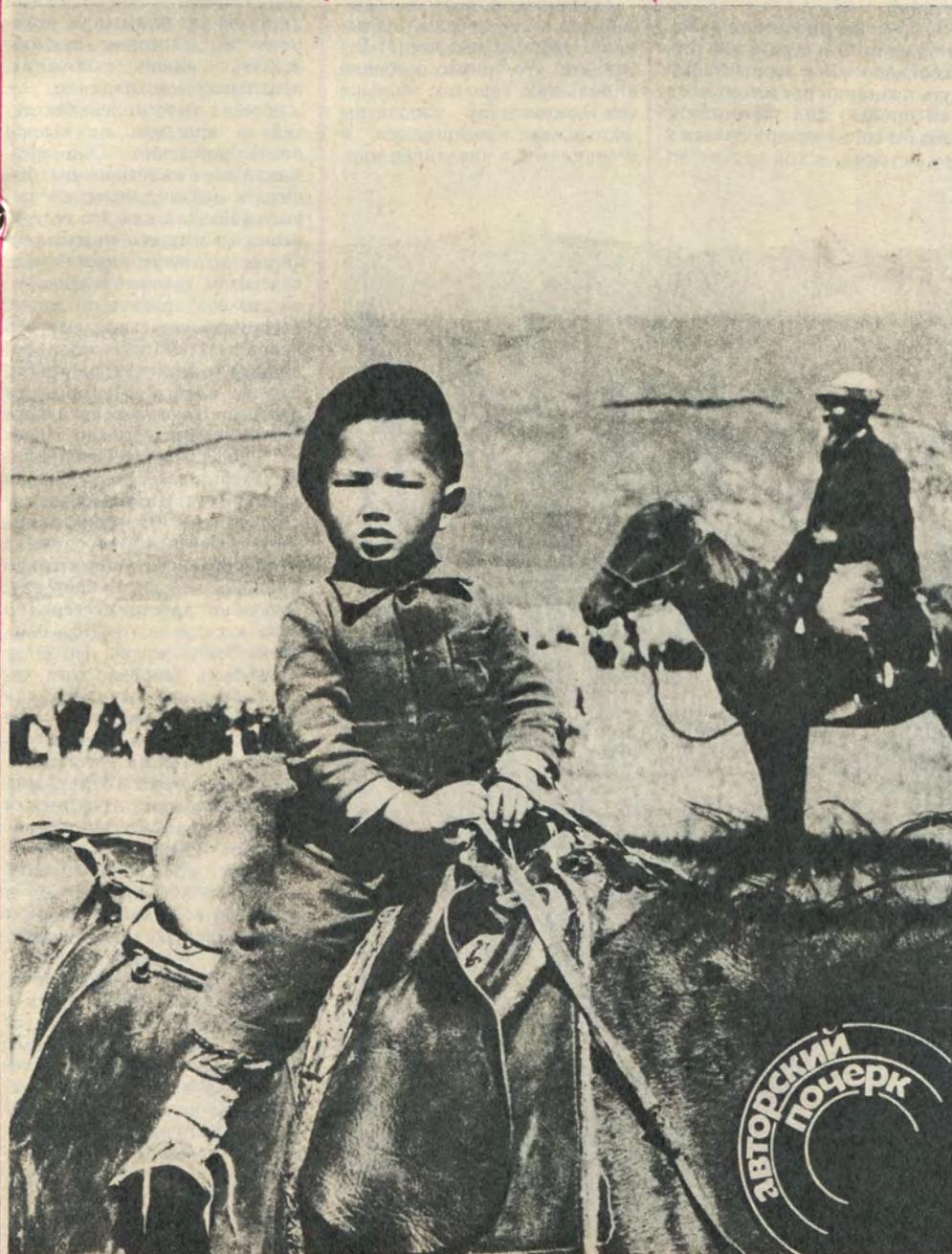
В поисках истины

Здравствуйтесь, дорогая редакция!

Обращаюсь к Вам с очень деликатной просьбой, но верю в то, что Вы мне поможете.

У меня растут две дочери. С детства я внушала им, что Бога нет, говорила, что это доказали и космонавты. Да если был бы Бог, разве погибло бы столько прекрасных людей? Но самое главное — пример Ленина. Именно Ленин не хотел изучать Закон Божий, и именно Ленин подписал декрет об отделении от государства церкви.

И вдруг сейчас повернулись лицом к церкви. По радио зазвучала духовная музыка и оказалось, что она прекрасна, успокаивает душу, После рока и тяжелого металла, которые навязчиво звучали последние годы, которые возбуждали, нервировали — духовная музыка действует умиротворяюще, вводит в мир гармонии и очищения. Мы услышали служителей церкви и оказалось, что призывают они нас (всё чаще раздражи-

АВТОРСКИЙ
ПОЧЕРК

тельных, измотанных, а подчас и злых) — к добру и милосердию.

И в душе родилось сомнение: «Значит, Ленин был неправ? Значит, в Бога надо верить?» Девочки донимают меня вопросами. А как же декрет об отделении от государства церкви? А я уйду от ответов, так как и сама не знаю, как надо правильно и верно отвечать. Девочки тем временем стали просить сводить их в церковь. Но зачем вообще ходить в церковь? Во что надо верить, если Бога нет? Кому молиться? Всё это меня очень волнует, беспокоит, тревожит.

А сегодня вечером вновь звучала духовная музыка. И все в комнате замерли. Слушали. И каждый наедине

со своими мыслями. Девочкам нужен серьезный, добрый разговор на эту тему. Но, к сожалению, в школе об этом не принято говорить. А их это сейчас очень волнует. Меня — тоже. Эта проблема как незримая стена между мной и детьми.

Буду благодарна, если Вы поможете нам. С уважением
ЖУРАВЛЕВА
Лариса Георгиевна
Волгоград

Уважаемая Лариса Георгиевна!

С грустью прочитала я Ваше письмо и подумала о том, какой долгий и мучительный путь познания предстоит всем нам пройти, для того, чтобы снова и снова возвращаться к тем истокам, к той истине, от

которой мы так долго убегали. Годами и годами разрушались церкви, сжигались иконы, духовные книги, смеялись и глумились над верой бабушек и дедушек, а оказалось, что «завучала духовная музыка», и все в комнате замерли, слушали...», как пишете Вы в своем письме. Семьдесят лет пытались уничтожить религию, «опиум для народа», а теперь признали, что это была страшная ошибка. Роковая ошибка, плоды которой сейчас мы пожинаем.

Загляните в церковь какибушь в воскресный день или в субботу вечером. И Вы увидите, что храмы, особенно в больших городах, больше чем наполовину заполнены молодежью, женщинами и мужчинами. в праздники мно-

го детей. Что-то тянет этих людей к храму Божьему. Тоска по духовности, по любви, по истине.

Очень часто люди обращаются к вере в Бога, когда у них случается горе. «Вот горе, так она в церковь бросилась», — говорят на это люди с черствым сердцем. Но это понятно. Пережив несчастье, потерю близких, человек оказывается одиноким и тянется к Богу. Его душа ищет Бога. Ведь именно душа движет всеми нашими поступками. Душа — это тот самый инструмент, благодаря которому мы способны любить, жалеть наших ближних, испытывать сострадание.

У меня трое маленьких детей, я крестила их вскоре после рождения. Они привыкли дома видеть иконы, бывать в церкви, молиться перед едой. Для них это естественно и когда кто-то из мальчишек во дворе смеется над крестиком, который выбивается из-под рубашки моего восьмилетнего сына, ему это непонятно. «Мама, а он говорит, что Бога нет, он просто Его не знает». Моим детям интересно, когда я читаю им что-то из Ветхого или Нового Завета — книг Священного Писания, когда рассказываю им о житиях Святых. Они знают, что, если помолиться Святому Антуану Падуанскому, то обязательно найдешь то, что потерял. Это — не просто суеверие и вера в сказочного Деда Мороза. Это — жизнь. Но я не могу быть уверена, хотя хотела бы надеяться, что они сохраняют эту веру на всю жизнь, — пусть выбирают сами. А вот я сама крестилась, когда мне было 13 лет, мои родители были атеистами и только в сорокалетнем возрасте обрели веру в Бога.

После крещения прошло несколько лет, прежде чем я осознала себя христианкой, я стала прислушиваться к тому, что поют в церкви, спрашивать у других, читать книги, учиться молиться. И потом с годами вера стала необходимостью. Во многих сложных жизненных ситуациях я не чувствовала себя одинокой. Вы ведь видите, что бы ни происходило на земле, в церкви все также идет служба, горят свечи перед иконами, люди приходят к Богу. Сколько людей, сколько различных судеб... Неужели мы должны

думать, что все они — великие ученые, писатели, художники и простые смертные, наши деды и прадеды, были глупее нас?

Вы спрашиваете: «А как же отделение Церкви от государства? Значит, Ленин был неправ? А если он ошибся, если он был неправ, то как же жить дальше?» Да, слишком долго мы привыкли жить по чьей-то указке, привыкли к тому, что еще до нашего рождения за нас все уже решено, решено — во что и как нам верить. И когда одни идеалы сменяются другими, мы оказываемся беспомощными, растерянными, не знаем, как нам жить, боимся прислушаться к голосу сердца, распахнуть свою душу. А ведь человек — свободен, свободен от рождения и сам волен выбирать, во что ему верить. Декрет об отделении Церкви от государства, подписанный в 1918 году Лениным, как раз и закреплял за Церковью право на свободу: Церковь не должна была вмешиваться в государственные дела так же, как и государству не следовало заниматься делами Церкви.

Но в жизни все получилось иначе. Неправильное толкование этого декрета привело к тому, что десятилетиями Церковь притеснялась, верующие считались людьми невежественными, священнослужители — реакционерами, тратились огромные средства на атеистическую пропаганду. Церковь не просто была отделена от нашей жизни, но из сознания нашего общества пытались вытравить представление о христианстве.

Что же в результате? Оказалось, что взамен нравственных постулатов Евангелия, проповеди любви и добра сегодня нам нечего предложить своим согражданам. Сейчас мы стоим перед угрозой деградации личности: безнравственность, бескультурье, неуважение к старшим процветают в нашем обществе, мы забыли о милосердии и сострадании. Необходимо искать выход из общей беды. Мы понимаем, что это — плоды варварского уничтожения Церкви, традиций, сокровищ духовной культуры, оставленных в наследство нашими предками. Что же касается преподавания Закона Божия, то Ленин в гимназии изучал его — как и все его современ-

ники. И сейчас, в наше время, во многих школах принято решение о преподавании Закона Божьего, признана необходимость объективного ознакомления с историей религии. Во многих журналах и газетах, таких, как «Литературная учеба», «Семья», «Литературная Россия» и других, печатаются отрывки из Библии и Евангелия, жития Святых. Даже в журнале «Веселые картинки» печатается так называемая «Детская Библия».

Нужно стремиться к познанию истины, искать ее. Теперь предоставляется такая возможность.

З. СВЕТОВА,
учительница
57-й московской школы

письмо отца — дочери

«Желаю тебе счастья»...

Уважаемая редакция!

Очень долго я искал под- сказки, как провести с дочерью-подростком беседу на тему сексуальных отношений. Вопрос представляется мне столь важным, что я после долгих мук изложил на бумаге свои соображения по этому поводу и передал дочери в виде письма, когда она уезжала на отдых.

Я знаю, как мучаются с подобными проблемами мно-

гие родители, поэтому решил послать вам копию этого письма с предложением напечатать его в журнале, заменив лишь обращение, например, на «доченька».

В. КРАСНОВ
Москва

Дорогая доченька!

Тебе уже тринадцать лет. Из девочки ты постепенно превращаешься в девушку. Наверное, ты сама уже это ощущаешь. Наступает очень ответственный период твоей жизни: в душе, в разуме, в теле просыпаются новые чувства, новые мысли, новые желания, и от того, как ты справишься с этим потоком, во многом зависит твоя дальнейшая судьба. Чтобы этот

период прошел у тебя наименее болезненно, попытаюсь по мере сил своих помочь, подготовить тебя.

В этом возрасте у девочки (у мальчика обычно чуть позже) начинает проявляться самый мощный, самый неукротимый, самый жизнотворный и в то же время один из самых опасных человеческих инстинктов — инстинкт продолжения рода. Или, как говорят медики, половой инстинкт. Благодаря этому инстинкту появились на свет гении, такие, как Толстой и Пушкин, а также много-много просто хороших людей (правда, и плохие люди, и злодеи — тоже). Вот об этом самом инстинкте я и хочу с тобой поговорить. Разговор этот непрост, именно поэтому я и вынужден обратиться к помощи бумаги. Что-то в моих объяснениях будет не так, что-то, быть может, получится слишком грубо или неясно, но, надеюсь, в главном ты меня поймешь.

Итак, как рождаются дети? Постараюсь объяснить это сухо, сжато — по-медицински, но на доступном тебе уровне. Вспомни ботанику, зоологию, то, что известно тебе из анатомии, из жизни, наконец, о разнице полов. Кстати, есть такой анекдот: мальш рассказывает, что видел на пляже группу детей, но не мог понять, мальчики это или девочки, так как они были без одежды, совершенно голые. Так вот, у представителей рода человеческого есть половые органы. У мужчины и женщины они разные. Когда они соприкасаются, входят в контакт, из мужского органа в женский попадают, жизнотворные частички, после чего в результате процессов, происходящих в течение многих месяцев, в материнском чреве формируется организм ребенка, который до поры питается соками матери, а потом дитя выходит на свет (через женский половой орган, что делает роды весьма тяжелыми) и начинает самостоятельное существование.

Так выглядит этот процесс почти для всего животного мира. Инстинкт продолжения рода свойствен и мухе, и кошке, и человеку. Но как отличаются друг от друга их «произведения», так должно отличаться и их отношение к данному вопросу. Мудрая при-

рода сделала так, что от полового общения представителей разных видов (например собаки и кошки, тигра и волка и т. п.) потомства не получается. Но, к сожалению, природа не сделала так, чтобы у людей разных, так сказать, категорий (честного и жулика, палача и мудреца, мерзавца и порядочного) от полового общения не могли получаться дети. И это накладывает на человека большую ответственность.

В юношеском возрасте у людей (у кого раньше, у кого позже, у кого больше, у кого меньше) появляется половое влечение к представителям другого пола. И это чувство порой не различает, перед ними — ничтожество или герой. Девушка и юноша часто принимают физическое влечение за любовь. (Пример тому — увлечение, напоминающее умопомрачение, Наташи Ростовской Анатодем Куракиным в «Войне и мире» Толстого.) А кончается это часто трагедией. Чтобы такого не случилось, чувства наши должны постоянно контролироваться разумом и управляться волей.

Половое общение — это великая честь, оказываемая друг другу мужчиной и женщиной. И право на такую честь дает только величайшее из всех чувств — любовь.

Любовь — это, в моем понимании, гармония, соответствие друг другу двух людей. Это означает единство (или хотя бы стремление к нему) взглядов на все основные проблемы жизни и морали, близкий по уровню интеллект и, конечно, физическое влечение. Помни, дочь, кто бы тебе что ни говорил, но мечта каждого человека — найти своего единственного, любимого, чтобы кроме него никто не был нужен, такого, без которого жить невозможно. Найти такую любовь удается не всем. Удастся достойным: красивым душой, умным и, главное, очень терпеливым.

Как начинается обесценивание отношений юноши и девушки? Сперва теряющая голову от полового инстинкта или просто слабохарактерная девушка позволяет парню взять себя за руку, потом разрешает положить руку на колено, затем — обнять, поцеловать, а потом дело доходит и до полового общения.

У дурных девушек все это происходит неоднократно, с разными парнями, что приводит к моральной и физической деградации. (Я лично считаю, что в идеале нужно стремиться к формуле, которую дал Н. Г. Чернышевский: «Умри, но не дай поцелуя без любви».)

Надо знать, что в паре мужчина — женщина в части половых отношений львиная доля ответственности лежит на женщине, так как она — детородительница. Мужчина из подобных отношений выходит вообще без последствий, особенно если он не обременен моральными принципами. А женщина отвечает не только перед собой, но и перед своим будущим ребенком. Изберет ему в отцы пьяницу и родит урод. Окажется ее партнер психически больным, и родится дитя с такой же болезнью. Связжется с мерзавцем и передаст его черты ребенку... Поэтому половые отношения должны быть у людей только после того, как они хорошо узнают друг друга. Я считаю: только после женитьбы. После того, как все обдумано, взвешено, когда и он и она взяли на себя определенные обязательства. И к тому же — это огромное счастье, когда вершина любви приходится на день свадьбы.

Расскажу тебе, дочь, о двух аспектах легкомысленных половых общений. Больше всего удерживает многих от необдуманных поступков возможность рождения ребенка. С другой стороны, существует операция — аборт, с помощью которой можно от ребенка избавиться. Но это гадкая, античеловеческая операция. Она отвратительна и по форме и по содержанию: из чрева женщины удаляют ребенка. Что может быть ужаснее! К тому же надо добавить, что часто в результате аборта женщина теряет возможность в дальнейшем рожать детей и это очень тяжело сказывается на ее судьбе. А случается, операция приводит к другим тяжелым последствиям для здоровья.

Есть еще одна опасность при случайных половых общениях — заражение СПИДом. Это — ужасная, смертельная болезнь, от которой нет лекарства. Тысячи людей уже умерли от нее, есть первые жертвы и в нашей стране. Следует сказать, что чело-

вечество изобрело способы осуществлять половое общение с пониженной вероятностью деторождения. Для этого применяются различные противозачаточные средства. Но ни одно из них не дает стопроцентной гарантии, угроза аборта или рождения ребенка постоянно висит над каждой легкомысленной женщиной.

Хочу предупредить тебя, дочь, и вот о чем. Девочкам, девушкам, женщинам всегда надо быть настороже в общении с мужским полом. Дело в том, что бывают на свете так называемые сексуальные маньяки, да и просто распущенные или пьяные мужики, которые бросаются на представительниц противоположного пола. Я, конечно, не хочу, чтобы ты панически боялась каждого парня, все должно быть разумно, но все же будь всегда осторожна, не оставайся наедине с незнакомцами да и со знакомыми будь осмотрительна.

Вот, пожалуй, и все, доченька, что я считал необходимым сообщить тебе сегодня по столь деликатному вопросу. В заключение добавлю, больше всего в жизни я горжусь тем, что у своей любимой женщины, твоей мамы, я — единственная любовь. Желаю и тебе такого же счастья. Дождись своего единственного и сделай все, чтобы он мог гордиться тобой — это залог счастья. Будь чистой, принципиальной и смелой девочкой.

И знай, что я всегда готов ответить на любые твои вопросы. Если тебе неудобно, можешь задать их в записке. Я же всегда буду дорожить открытостью и доверием своей дочери.

Любящий тебя папа.

«СЕМЬЯ И ШКОЛА»
№ 8, 1990
Наш адрес:
129278, Москва,
улица Павла Корчагина, 7

З. ГЕЛЬМАН,
кандидат химических наук

КАКОВ ОН. СОВРЕМЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ?

Давно было сказано: каково общество — такова и школа. И называя школу началом начал, мы как бы предполагаем: если что-то перестраивать фундаментально в нашей жизни, начинать надо с нее.

В последнее время появилось немало сообщений о том, как учат детей за рубежом. И на что прежде всего обращает внимание? При достаточно высоком уровне образования все-таки больше всего средств вкладывается в массовую среднюю школу. Почему? А потому, что средняя школа в основе своей консервативна. Это качество, с одной стороны, обеспечивают ей устойчивый фундамент, сохранение традиций, уважение общества, но с другой — тормозит развитие. И чтобы преодолеть неблагоприятную инерцию, в школу нужно постоянно вкладывать солидные средства, заботиться о сохранении высокого профессионального уровня учительства.

Учитель — одна из самых уважаемых профессий во всем мире. А у нас? Став массовой, она многое потеряла в глазах «простого человека» — да еще если считать с тем, что простой труд этого «простого человека» зачастую оплачивается много лучше учительского. Но все же не массовостью или исключительной редкостью должен определяться престиж той или иной специальности — а тем, насколько значительной считает общество работу профессионала. Поэтому сегодня совсем недостаточно говорить только о социальной и общественной значимости труда учителя (деклараций на эту тему было уже предостаточно). На мой взгляд, крайне необходимо отбирать для школы людей так же

строго и пристрастно, как это делается при зачислении, скажем, в космонавты. То есть право называться учителем должны получать только личности.

Прочитал статью В. Лакшина в «Известиях». Он пишет о своем посещении гимназии (здания, в котором она раньше находилась), где учился когда-то А. П. Чехов. Всяк, кто попадает в ее старые стены, невольно испытывает трепет (широкая лестница, высокие своды, много воздуха и света), столь непривычный для нас, проводящих большую часть жизни под низкими потолками, в малогабаритных квартирах, в тесных конторах, в душных классах с плохой вентиляцией. Известный критик и литературовед вспоминает, чем ему запомнились собственные учителя. Не только уроками, но и увлечениями, что лежали за пределами их профессиональных обязанностей. Один увлекался собирательством книг, другой был заядлый филателист, третий писал стихи и печатался. Их всех отличал высочайший уровень культуры, духовной, нравственной. Они были личностями.

А личность не раболепствует перед директором, не страшится инспектора, умеет отстаивать свое мнение. Не боится детей! Да, да, я не оговорился, именно не боится общаться с ними и стремится воспитать в них единомышленников, а не только людей, «усвоивших основы наук»... Он, как родитель, учит ребенка своему пониманию жизни, передает те знания, которые сам постиг, наставляет на путь истинный, поднимает душу. Много ли сейчас в школе таких? Вот то-то и оно...

Я уже двадцать лет учитель. Считаю, мне крупно повезло, что еще в самом начале своей деятельности понял одну очень полезную вещь. Если ребята видят, что учителю абсолютно безразличны их проблемы, если он даже не пытается понять, к примеру, почему Наташа отказывается отвечать, а Сергей вообще не ходит в школу, — контакт между взрослым и детьми оказывается невозможным. Только искренняя заинтересованность, внутренняя сопричастность педагога рождает ответное доверие ребят. Дети от своего учителя всегда ждут сопереживания.

Претензии родителей и детей к школе понять можно. Истинно сопричастного отношения в ее стенах не так уж много. Более того, в подавляющем большинстве учителя и сами к себе относятся плохо — а нередко и уничижительно. И не хватает самоуважения, нет желания раздвинуть границы своего узко профессионального мира. И оснований так думать у меня достаточно.

После защиты кандидатской диссертации я вынужден был уйти с прежнего места работы. Когда пришел устраиваться в новую школу, директор, заглянув в два моих вузовских диплома (я окончил биохимический факультет МГПИ имени В. И. Ленина и заочно факультет английского языка пединститута имени Н. К. Крупской) и узнав о кандидатской, не стесняясь, спросила: «Зачем вам-то школа? Что вы не можете найти себе места получше? Ведь мы тут все — клячи». Так и сказала — и я до сих пор не могу забыть это ее страшное и безна-

дежное признание. Его можно считать свидетельством самой огромной трагедии, которая ныне разыгрывается в школе и имеет тяжелейшие последствия. Разве учителю, осознающему себя «просто клячей», можно подражать, можно считать его эталоном порядочности и человечности? Он и в глазах ребят просто обыкновенная усталая рабочая лошадка. И кого способен он воспитать коли сам себя столь низко ценит? Таких же бессловесных работников, без полета мысли, без индивидуальности, без уважения к себе.

Как же разомкнуть этот порочный круг? Для начала — захотеть бы самому учителю вырваться из того «болота», в котором он ныне пребывает. Но желающих совершить этот рывок находится, увы, немного.

Читая зарубежную педагогическую литературу, я обратил внимание на то, что среди учителей, например в той же Америке, немало «докторов философии» (для профессионалов в любой области знаний это начальная научная степень, эквивалентная нашему кандидату наук). У нас же специалистов такого рода, работающих в школе, — единицы на всю огромную страну. И в глазах коллег они выглядят «белыми воротниками» или того хуже — выскочками. Для нашей среды типичное явление: не учитель-практик, разработавший интересную методику, пишет научную работу и потом «защищается», а какой-нибудь новоиспеченный «младший научный сотрудник», школы-то и не нюхавший по-настоящему.

Беда, коли учитель сам о себе говорит неуважительно. Что же требовать тогда от его окружения? И тем не менее мы продолжаем оставаться под гипнозом газетных передовиц, приуроченных ко Дню знаний или Дню учителя, продолжаем считать, что советский учитель «несет в массы культуру». Но разве это так? Вглядитесь: он давным-давно превратился в «человека из толпы»! И никак и ничем из этой толпы не выделяется. Он может пойти с нею куда угодно и под какими угодно лозунгами, которые в эту массу будут брошены. Не то ли происходило в Баку, Фергане?. Среди тех, кто громил и убивал, было немало учащихся школ и профтехучилищ. Если бы у этих ребят были настоящие учителя, никто из них, уверен, не смог бы стать частью озверевшей толпы. А разве тех, кто в одной из школ Закавказья воздвиг кирпичную стену между армянскими и азербайджанскими классами, можно назвать учителями?

У этого явления одни корни, один источник — бездуховность, бескультурье, безнравственность. А если духовной культурой не обладают люди, призванные воспитывать, что же говорить о воспитуемых? Да и может ли человек, окованный предрассудками, по сути — ущербный, пробудить свободный дух в ученике, воспитать творческую личность? Сомневаюсь...

Ситуацию в школе можно было бы расценивать просто как катастрофическую. Но мой взгляд, ничтожно мало учителей, которые бы захотели вырваться из прокрустовова ложа обязательных программ и методичек, работать, используя предоставляемые им ныне права и возможности. И даже те, кто воспринял новые веяния с радостью, не торопится проявлять инициативу. Очень уж сильны пути привычек,

инерция.

И все-таки встречаются бойцы на этом «невидимом фронте». Кто они? В основном, конечно же, учительницы, хотя вроде бы первое здесь место — сильным мужчинам. Но это еще — «капля в море». Сегодня наша школа крайне нуждается в хорошем, сильным подкреплении. В нее должны прийти новые люди, интеллектуалы, выпускники университетов. Нужен мощный интеллектуальный прорыв. Но нельзя забывать об условиях для работы, о защите этих людей от дураков и воинствующей серости. Не всякий в состоянии выдержать давление администрации и различных инспекций; не всякий выдержит физические перегрузки при плохой оплате за труд, требующий от человека полной отдачи всех сил.

Нельзя не считаться и с тем, что плохо оплачиваемый учительский труд порождает и соответствующее отношение к работникам школы. Платят мало — значит, не очень-то государство ценит работу педагогов. И такое отношение проявляется во всем: и квартиру дают в самую последнюю очередь, и путевку в санаторий надо ждать годами. А чтобы заработать хотя бы на сносное существование, приходится брать лишние «часы», давать дополнительные уроки — в ущерб самообразованию, которое для учителя — жизненная необходимость.

Вот как все взаимосвязано... Учитель, я бы сказал, обречен на постоянное самосовершенствование в своей конкретной специальности. Но при этом ему необходима широта кругозора, иначе — ограниченность, и не только духовная, но и общественная. Современный учитель просто обязан сознавать свое предназначение и соответствовать ему.

Политика по отношению к школе в последнее время меняется. Увеличены ассигнования на образование, принято новое, безусловно, прогрессивное Положение об общеобразовательной средней школе. Но радоваться, на мой взгляд, пока преждевременно. В школьной политике даже самые прекрасные решения не всегда дают ожидаемые результаты. Тем более что шесть процентов на культуру в государственном бюджете — слишком мало, почти ничто в нашей сложной ситуации. А ведь средства, вкладываемые в образование, науку, культуру, всегда окупаются сторицей. Недаром во всех развитых странах эта область капитальных вложений считается одной из самых надежных.

А деньги школе очень нужны, нужны для того, чтобы все учить хорошо, а это значит, всех учить по-разному. Я имею в виду индивидуальный подход, дающий возможность раскрыть способности и возможности каждого ученика. Есть ребята, которые полный школьный курс могут усвоить уже к четырнадцати годам. В 1987 году пятерым моим ученикам, опередившим своих сверстников на два-три года, просто не позволяли поступать в вузы. Посчитали, слишком юны. Ребята стали студентами на следующий год, в пятнадцать лет. Но какая потеря времени! А в других странах такие факты — явление обычное. Если ребенок может, он учится с опережением, шагает через классы. Мы же никак не можем осознать, что потеря времени оборачивается потерями в духовном, научном и техническом развитии общества.

Я — химик, потому положение дел в области естественных наук меня особенно интересует. Кто, посмотрите, у нас Нобелевские лауреаты? Люди, закончившие еще старую российскую школу, учившиеся у старых учителей, а те понимали, что только при внутренней, духовной свободе возможно рождение оригинальных идей и мыслей, которые толкают человека к открытию. Увы, такой свободы никогда не знала советская средняя школа, и среди ее воспитанников что-то не видно отмеченных всемирно почитаемой премией в области химии.

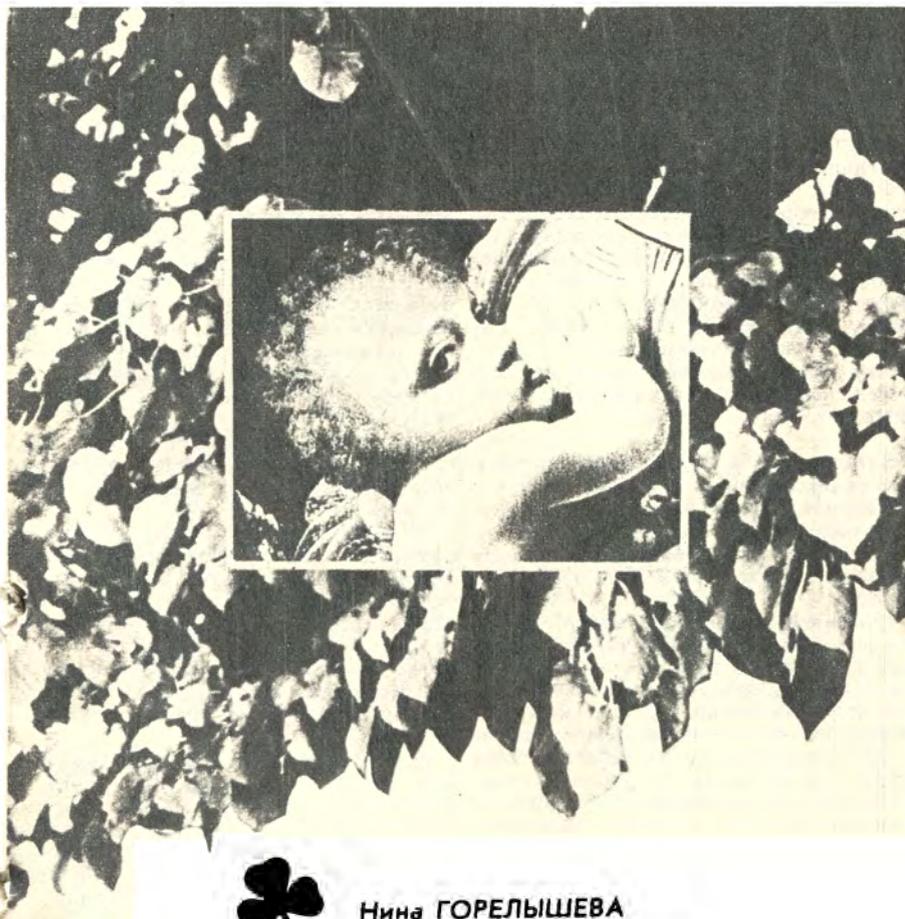
Вся моя работа в школе — это преодоление сопротивления не детей и родителей, а коллег. Ребята, интересующиеся химией, с увлечением занимаются по индивидуальным планам. Учитель же в массе своей вариантов не любит. Не любят в школе и детей, у которых есть особые таланты. Работать с ними нестандартно — это вкладывать больше сил, «болеть» за каждого, не бояться тратить душевные силы.

Ну ладно, профессиональный уровень учительства оставляет желать лучшего... Так, может, учебники у нас толковые, интересные и хоть как-то компенсируют пустоту уроков? Но и тут дела не слишком хороши. У меня лично создалось впечатление, что учебники пишутся для того, чтобы окончательно убить в ребенке интерес к знаниям. И поскольку иных взять негде, решил сам написать пособие, в котором объединил три соприкасающиеся дисциплины — химию, физику, математику. По этому учебнику и учу. А потом нужда заставила подготовить и гуманитарный курс истории науки и культуры...

Конечно, нелепо требовать полной отдачи и творческого подхода в работе от уроководителей, которых в современной школе — большинство. В общем-то, это несчастные люди, не нашедшие себя в профессиональном смысле. Да вот большая беда. Таковыми же несчастными делают они и детей, порождая в их душах ненависть к школе и отвращение к учению, приучая — пусть и против своей воли — лгать и обманывать. Школа буквально пронизана ложью, которая столь привычна, что за обман даже не считается. Те же отметки на выпускных экзаменах. Если бы они не были фиктивными, выпускников в техникумы и вузы принимали бы сразу, при предъявлении свидетельства о полном или неполном среднем образовании.

Оценка знаний, не соответствующая истинному уровню, крепостная зависимость ученика от учителя, учителя от директора, директора от РОНО... О какой культуре может идти речь? Да ее и не может быть в школе, где десятилетиями на уроках истории и словесности культивировалась ложь. И если мы хотим выжить, эту ложь из школы, из программ, из учебников необходимо вымести окончательно. Еще и удивляться приходится, что есть еще, живут среди нас люди, не способные лгать, для которых честность естественное, возможно, генетическое свойство. Остались, чудом сохранились в народе внутренние ориентиры к свету, правде, добру, справедливости, которые и есть гарантия нашего возрождения.

Записала Е. СМОЛКО

Коллек В. Белена

Нина ГОРЕЛЫШЕВА

МЕСЯЦ В МЕЖАДОРЕ

— Ну зачем, скажи, ты едешь в такую даль? Что ты будешь делать? Ты же не педагог! Если хочешь поработать в детском доме, тем более бесплатно, так и в нашей области их немало!

Так или примерно так, восприняли окружающие мое решение поработать свой отпускной месяц в школе-интернате для детей сирот в Сыктывкаре, где директором известный педагог Александр Александрович Католиков.

Я могла бы объяснить, что хочу внести хотя бы маленькую лепту в дело милосердия, надо же что-то делать конкретно, а не только говорить о милосердии. А в Сыктывкар отправляюсь потому, что привлекает личность Католикова. Не каждый директор детского дома позволит заглянуть в его «кухню». Но этот человек, мне каза-

лось, не из тех, кто боится «чужого глаза».

И действительно, я получила ответ из Сыктывкара: «Ваше предложение принято, сообщите о выезде».

Час с небольшим в воздухе и самолет приземлился в сыктывкарском аэропорту. Каким-то образом «вычислившая» меня женщина, сотрудник интерната, приветливо обратилась: «Вы из Свердловска? Александра Александровича нет в городе, он в лагере, а мы поедем сейчас в интернат, через часик за Вами придет машина и Вы тоже поедете в Межадор. Это село в трех километрах от нашего летнего лагеря. А мы привыкли и лагерь так называть. Там хорошо, Вам понравится», — говорила Нина Филипповна (так звали женщину). — А пока что заглянем в школу.

...Крыльцо школы чисто вымыто, в вести-

буле обилие света и цветов. Прямо в потолок уперлась огромная монстера, широко раскинув красивые листья. Четырехгранные колонны облицованы деревом, а примерно на метровой высоте — зеркалами. Мне показалось, что сделано так не для показной красоты, а с умыслом. В интернате много девочек, да и мальчишки с определенного возраста начинают интересоваться своей внешностью, так что, проходя мимо, как бы невзначай, можно взглянуть на себя.

Вскоре пришла машина. В вестибюль стремительно вбежал парень в майке, джинсах и босой.

— Кому в лагерь? Вам? Поехали! — на ходу бросил он. — Редиску я привез, — сообщил он дежурной, — сейчас выгужают во дворе.

Позже я узнала, что это Володя Дмитриев, воспитанник Католикова. Работает здесь же, в детском доме. А когда через час с небольшим мы прибыли в лагерь труда и отдыха «Дружба», я увидела многочисленную босоногую братию, бегающую по песчаным дорожкам, траве, по теплоту асфальту. Лето и здесь стояло жаркое.

На лагерь уже опускались сумерки, когда Александр Александрович Католиков вернулся с педсовета. Высокий, грузноватый, он заслонил собой дверь и без лишней церемонии обратился ко мне, как будто мы были давно знакомы:

— Ну как добрались? Ужином не забыли покормить? С жильем определились?

Мы еще обменялись несколькими фразами. Католиков сказал:

— Устали, наверное, путь неблизкий, да и разница во времени сказывается. Отдыхайте, а с лагерем завтра начнете знакомиться.

В дом, несмотря на поздний час, заходили люди, еще решались какие-то вопросы, директор отвечал, куда-то звонил по телефону...

Я вышла и окунулась в благодатную тишину. Хвойный бор, окружающий лагерь, был торжественно безмолвен. Последние лучи солнца высветили янтарную желтизну нового, еще необжитого бревенчатого, видно, только что достроенного корпуса. Но вот где-то близко послышался шум, похожий на бурлящую воду. Я пошла на этот шум и буквально через две-три минуты увидела блеск речной глади, крутой берег, сбегające вниз дощатые ступени и остатки старой плотины.

Я присела на скамью, наслаждаясь красотой северной природы и тишиной, действовавшей на меня после многолюдного шумного города как целебный бальзам. Почему-то вспомнилась другая река — Сорочь, что на Псковской земле в усадьбе А. С. Пушкина — Михайловском.

...Странные бывают ассоциации. Кажется, нет совершенно ничего общего между опальным поэтом, жившим более полутора столетий среди таких же темных могучих елей в лесной глуши в одиночестве, и шумным лагерем, где живут более трехсот детей в возрасте от трех до семнадцати лет. Но откуда эта параллельность воспоминаний, откуда эти сходные чувства? Не оттого ли, что и среди тех, и среди этих

елей невидимой, но вполне осязаемой тенью бродит оно, человеческое одиночество? И летний месяц в Межадоре, несмотря на звонкие голоса и ребячий смех, на деятельную жизнь лагеря с утра до вечера, это ощущение только укрепил.

Лагерь в Межадоре — это целый городок. Добротные бревенчатые корпуса, уютные коттеджи для малышей, юннатская комната, клуб, танцверанда, эстрадная площадка, лодочная станция, спортплощадки и площадки для игр, большие качели.

Цветов здесь — море. Так богат и так разнообразен цветочный ковер, что враз им не налюбуешься. Цветы высажены вдоль главной аллеи, на клумбах перед корпусами и столовой.

В верхнем конце лагеря, «на горке», — детский городок. Здесь живут дошколята. Рядом медицинский пункт, изолятор, а у самого леса и несколько грядок. Здесь малыши сами выращивают морковку, горох, репу.

В противоположном конце — настоящий зоосад. Здесь есть и учебные классы для ребят, большие вольеры для животных. А живность разная: козы, овцы, гуси, куры, кролики, есть ослик и четыре лошади.

Мне не раз приходилось наблюдать, как пяти-шестиклассники запрягают лошадей, как здорово это у них получается!

Всего же, кроме животноводческого звена, есть еще три — полеводы, овощеводы и строители. Владения овощеводов — пять огромных теплиц, где выращивают, кроме огурцов и помидоров, тыквы, кабачки, патиссоны.

Все звенья объединяются в производственную бригаду. Когда первый раз я пришла на совет бригадиров, была немало удивлена: бригадиров-то из-за стола не видно, но разговор идет очень серьезный.

Вот примерно как распределяется работа одного дня: первый класс идет на заготовку лекарственных трав, на второй класс возлагается уборка территории, третий дежурит в столовой, четвертый заготавливает веники на корм животным и для бани, а баня здесь замечательная — с сауной и с комнатой отдыха! Пятому дано задание нарезать три пшенички редиса, шестому классу поручается заготовка укропа, седьмой идет на прополку свеклы.

Девочки старших классов красят корпус, ребята строят сарай. Эти работы выполняются по нарядам — они будут оплачены. Так же, например, как заготовка укропа и другие работы. А на заработанные деньги ребята могут купить себе какие-то вещи...

У Католикова ребятки и отдыхают под стать тому, как работают: основательно и с пользой для себя. Позже я видела, как провожал лагерь старшеклассников в путешествие по Золотому Кольцу. Отправлялись на двух автобусах, и с ними сам Католиков. Ребята принарядились. Директор накануне, как отец большого семейства, до позднего вечера выдавал карманные деньги — какое же путешествие без расходов. Тем, кто следом отправлялись в Болгарию, выдали по 30 рублей для обмена валюты — тут уж независимо от того, кто сколько заработал. Это были первые группы отъезжающих на отдых. Другие поехали

в Карелию, в Архангельск, на Дальний Восток. Несколько человек с ослабленным здоровьем Александр Александрович послал на лечение в Евпаторию.

Отправляясь с группой по Золотому Кольцу, уезжая более чем на полмесяца, Католиков наставлял остающихся в лагере, в том числе старших девочек, такими словами: «Я вас очень прошу, занимайтесь, пожалуйста, физкультурой, а то будете такими же толстыми и некрасивыми, как ваш директор». Девочки смеялись...

Словом, за месяц я увидела здесь столько доброго и умного, что, без преувеличения, могла бы сказать всем и каждому: интернат Католикова живет, как большая, хорошая, работающая, здоровая семья. И это будет правда. Но не вся. Потому что куда же в таком случае деться тому острому чувству сострадания к одиночеству, которое пришло в первый же вечер в Межадоре и осталось со мной, кажется, навсегда?..

В Межадоре я начала вести дневник, чего не было со мной со времени отрочества. Вероятно, была потребность оставить впечатления где-то еще, не только в душе, разделить их хоть с бумагой. Я приведу часть этих записей не в хронологическом порядке.

19 июля. Я ехала в Сыктывкар с чувством неосознанной робости, словно я виновата перед всеми детьми за их сиротство. Такое чувство, наверное, испытывает человек здоровый, когда приходит навещать тяжело больного близкого. Первые два дня я все присматривалась к ребятам, боясь увидеть на их лицах «печать сиротства». На третий день с облегчением вздохнула; дети как дети, как в любом пионерском лагере: бегают, играют, ссорятся, иногда дерутся. Но нет! Это все-таки не пионерский лагерь. Я поняла это, когда увидела малышей...

Мое появление в группе было встречено бурно. Дети, обступившие со всех сторон, громко кричали:

— Мама, мамочка, пришла!

— Тетя, как тебя зовут?

— Ты нам книги принесла?

Девочка с желтым бантом спрашивала, настойчиво теребя меня за одежду: «Когда придет моя бабушка?»

Растерянная, я не знала, что делать. Но воспитательница, Ольга Викторовна, быстро усадила детей полукругом на стульчики, и я начала читать «Красную Шапочку». Не прошло и пяти минут, как тишина была нарушена вопросом:

— Мама, а ты где живешь?

Напротив меня сидел мальчик с некрасивым, но по-детски милым лицом и, глядя в упор, ждал ответа. Еле выдавила из себя:

— Я живу далеко отсюда...

Книга забыта и снова вопросы:

— А ты к нам еще приедешь?

— Ты всегда будешь читать нам книги?

— Мы подем к тебе в гости?

Едва удалось отвлечь внимание детей; они были возбуждены и не могли сосредоточиться даже на интересной сказке. Им больше всего хотелось общения, живого участия, хотелось поближе сесть, прижаться. То и дело под моей рукой оказывалась чья-то головка.

Я дочитала сказку и раздавала книги, захваченные в библиотеке, надеясь, что де-

ти углубятся в картинки. Но, боже мой, каждый хотел, чтобы именно ему я объяснила, что на картинке, каждый именно мне спешил выразить свои чувства, а не друг другу, например, как это бывает в детском саду.

Пора было уходить, я собрала книги, одну дети порвали. И вновь я услышала:

— Мама, а когда ты к нам еще приедешь?

Я ответила: «Когда склею книжечку, тогда и приду».

Вышла из коттеджа совершенно разбитая... Где вы, родившие этих детей? Ведь в детских домах лишь два-три ребенка из десяти не имеют родителей. А остальные?

20 июля. Тяжелый выдался вчера денек, но и сегодня не легче. Была в группе пятилеток. Там впечатление еще тяжелее. Увидела мальчика с уродливой рукой, только с двумя пальцами, большим и мизинцем, что-то вроде клешни. «Последствия алкоголизма матери», — пояснила воспитательница.

Есть в этой группе дети с признаками олигофрении. Многие совершенно не способны сосредоточиться: мешают друг другу слушать...

18 июля. Сегодня провела занятия по развитию мышления в группе 2-го класса. Выходила с детьми на берег реки Визинги, недалеко от лагеря в сторону кедровника. Места здесь красивые, берега реки крутые, оттого и обзор необъятный. Дети с интересом отнеслись к такой прогулке. Но не все. Некоторым хотелось только побегать. Есть дети, заметно отстающие в развитии от своих сверстников.

Есть в этой группе девочка очень славная, мысленная. Она круглая сирота, ее родители сгорели вместе с домом во время пожара. Обратила я внимание на мальчика: худенький, грудка торчит, весь какой-то прозрачный. Спросила у воспитателя, почему у него такой болезненный вид?

— Что Вы, — ответила Эльвира Степановна, — сейчас Коля выглядит уже справно! Если бы Вы знали, каким он поступил к нам, до него вообще боязно было дотронуться — настолько был истощен.

24 июля. В лагере, видимо, часто бывают гости. Перед моим приездом здесь были конгрессмены из США. В прошлую субботу приезжали 150 ветеранов войны и труда. Сначала провели небольшой семинар по своим делам, а затем для них был дан концерт. Выступали взрослые и дети. Гости остались довольны. Очень трогательно было видеть, как после концерта каждый из малышей на несколько минут обрел «дедушку» или «бабушку». Сидели на коленях у ветеранов, о чем-то толковали, обнимали, целовали. Маленький глобочек тепла. Грустно...

После обеда каталась с девочками на лодке. Света худенькая, с длинными светлыми волосами, очень скромная, застенчивая. Она закончила семь классов. Наташа выпускница и скоро расстанется с интернатом. Она крепкая, темноволосая, общительная. Меня удивляло, что учатся они в разных классах, разные по характеру, но почему же Наташа опекает Свету? Обычно девочки дружат с одноклассниками. Вот и кататься поехали по желанию Светы. Она грести совсем не умеет, Наташа сильная и делает это заправски.

Из разговора я узнала, что обе они жили в Ухтинском интернате, а здесь совсем

недавно. Так вот почему тянутся они друг к другу.

26 июля. Решила выпустить фотозавету «Будни лагеря». Обычно газеты посвящаются каким-либо событиям, но мне хочется показать ребят в их обыденной жизни. Целый день ходила с фотоаппаратом, засняла две пленки, кажется, успела всюду, только на дойку коз запоздала. Один мальчишка попросил сфотографировать его с... любимой курицей. Долго бегал за ней, загнал в конюшню и только там поймал. Вышел счастливый, с курицей в объятиях. Так его и запечатлела.

Девочки с кроликами, ребята на лошадки, с овцами, с собакой, старшеклассники после бани с полотенцами на плечах, овощеводы с огромными кабачками, малыши на игровой площадке — все это войдет в фотозавету.

30 июля. Пересмена. Уезжают водители и воспитатели, а дети остаются. Господи, как же они привязываются ко взрослым людям! Как трудно они расстаются с теми, к кому привязались! Некоторые девочки просто рыдают! Мальчишки крепко обнимают, но и им было несладко. Когда тронулись автобусы, напряжение достигло предела. Я тоже не выдержала... Я, посторонний человек, со стороны...

31 июля. С утра ходила с девочками-семиклассницами на заготовку укропа. Шесть ящиков нарезали быстро. Укроп не вырывается, а срезаем ножницами с таким расчетом, чтобы еще раз снять урожай.

Девочки работают дружно, всем хочется закончить до обеда, чтобы вовремя освободить столы. По столовой терпкий запах укропа. Кто ни зайдет, восклицают: «Ах какой аромат!» А девочки жалуются: «Мы от этого аромата уже угорели...»

Сегодня к одной девочке кто-то приехал. Когда она вышла из столовой, произошел такой разговор между оставшимися: «Чего это она идет так лениво, не спеша? Ее же ждут!» — «Если б ко мне приехали, я бы бегом побежала!» — «А я бы полетела как стрела!» — «А я бы еще быстрее, как метеор!»

И девочки говорили наперебой, выражая свою готовность броситься безоглядно навстречу родному человеку, если бы он вдруг появился здесь...

И как-то сразу после этого всплеска эмоций в воздухе повисла грустная пауза. Только слышно, как стучат по доскам ножи...

1 августа. Газета получилась большая и красочная. Сорок фотографий вместились. На педсовете решили взять ее на выставку, которая откроется в скором времени в Сыктывкаре.

С утра работали в теплице с девочками из овощеводческой бригады. Пасынковали помидоры.

После обеда пошла на пасеку. Узнала, что Католиков решил еще и пчел разводить. Принял дипломированного пчеловода, подыскали подходящее место, закупили ульи, десять семей пчел. Теперь и мед свой в интернате будет.

9 августа. Так втянулась в работу, в жизнь лагеря, что порой забываю о дневнике, а иногда просто нет времени.

В Сыктывкаре ежегодно осенью проходит республиканская выставка «Дары Севера». Интернат постоянный участник этих выставок. Нынешний год не исключение. Выстав-

ка откроется 11 августа, поэтому сегодня дети с поля привезли картофель, огромную репу, твердые, как камень, кочаны капусты, морковь, свеклу, укроп, петрушку, редис. Огурцов собрали 25 сортов! Из теплиц принесли кабачки и патиссоны. Все тщательно промыли и положили сушиться в юннатской комнате на столы, накрытые полотном.

Когда на улице мыли овощи, мимо проходила группа малышей. Налетели, как галчата: «Дайте нам морковки!» Тщательно промыли и дали всем. Довольные, идут, жуют морковку.

Из города приехала Людмила Михайловна Дымова, биолог, заслуженный учитель Коми АССР. 14 августа она летит в Москву, чтобы поздравить выпускницу интерната, которая учится в сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, с вступлением в брак. Везет подарок интерната — сервиз и, конечно, роскошные цветы. Она в отпуске, но в связи с выставкой нужно помочь ребятам.

10 августа. С утра нарезали огромные букеты цветов. Поставили их в ведра. До города добрались благополучно. По дороге, остановившись на несколько минут у подсолнечного поля, срубили (именно срубили топориком) три подсолнуха для оформления выставки. В Музыкальном театре, где она состоится, нам определенное место на втором этаже. До 4-х часов оформляли выставку — трое взрослых и трое старшеклассниц. Получилось неплохо. Мою фотозавету прихватили сюда же. Правда, она уже вид несколько потеряла, помята.

Последние дни в Междоре. Привыкла за месяц, но пора домой: билет куплен на 16 августа. Я уезжаю, восхищаясь энергией, волей, организаторским и педагогическим даром Александра Александровича Католикова. Шестнадцать лет назад он принял школу-интернат, окна которой были забиты фанерой, и по полутемному помещению гуляли сквозняки. На этих сквозняках (во всех смыслах — на сквозняках) жили дети... Я восхищаюсь его бесстрашием — ведь он не просто оформился на работу директора детского дома, а взвалил на себя отцовский груз ответственности за триста детей. Что это именно так, он доказал и доказывает делом. У меня есть сын. Он теперь взрослый, служит в армии. В нашей с ним жизни было всякое, и приятное и горькое время. Порой я сгибалась под грузом ответственности за своего единственного родного ребенка. А у него — 300, и с какими судьбами!

За месяц в Междоре я попыталась примерить на себя «форму» воспитателя интерната Католикова, со всеми требованиями директора, со всем укладом этого дома, со всеми нервными, неизбежными здесь, сверхперегрузками. И поняла: чтобы не остаться в долгу перед этими детьми, необходима та же мера ответственности, что и перед собственным ребенком. Только усиленная сознанием того, что этих один раз уже предали. Каждому ли такое по силам? Нет и нет! Я уезжала из Междора, преклоняясь перед теми, кому это оказалось по силам. Они еще есть среди нас...

Свердловск — Междор — Свердловск

Полвека с фотокамерой

Как-то само собой считается, что за фотографа говорят его снимки. Это, конечно, правильно: именно светопись — тот язык, которым «говорит» фотограф со зрителем. И поэтому даже в статье о творчестве фотомастеров чаще говорится о их снимках, чем о них самих. Но ведь фотограф — свидетель эпохи, он не одушевленное продолжение своей фотокамеры, он живой человек со своей судьбой, своими творческими пристрастиями, своими мыслями и наблюдениями. И чем больший путь он прошел, тем интереснее с ним общаться: его снимки эпохи дополняются живыми воспоминаниями о событиях и людях того времени.

С этой точки зрения жизнь сегодняшнего гостя нашей рубрики Михаила Ивановича Савина просто уникальна. Работать фотокорреспондентом он начал еще в тридцатые годы, прошел всю войну во фронтовой газете и уже сорок пять лет — в «Огоньке». Конечно, всю страну объездил многократно, побывал во многих зарубежных государствах, снимал руководителей и лидеров, передовиков и знаменитостей, исторические события. Но как и у каждого художника, у Михаила Ивановича есть свои пристрастия, свои темы: уроженец Рязанщины, он любит и умеет снимать красоту русской природы; а еще любит детей — и это хорошо видно на его снимках.

В майском номере «Семьи и школы» читатели могли уже видеть подборку фотографий М. И. Савина «Война и дети». Просто удивительно, что даже в те тяжкие дни камера Михаила Ивановича не обошла детскую тему. Мы говорили с ним об этом — о судьбах фотокорреспондентов на войне. Снимать вообще было нелегко: атмосфера подозрительности 30-х годов,

Продолжение на стр. 33

Раиса СКРЫГАН

ГОСУДАРСТВО ВОСЬМОГО

Те, кто родился в год начала «застоя», что может помнить кроме «застоя»? Мы со сверстниками жили, учились, росли в лучшей из стран и не подозревали, что все это — застойное болото. Сдали экзамены по «Малой земле» (которую ныне библиотеки дружно сдали в макулатуру), получили «застойные» еще дипломы и из «умственно отсталых» детей сразу превратились в «молодых специалистов». Мы шли работать в школу и в наших душах золотым тиснением сияло слово «Реформа», которая потом забуксовала почему-то. Мы были искренни в своем бессилии и инфантилизме. Мы все собирались «смочь», но ничего не умели «преодолеть». Посмотрела — в дипломе написано «учитель», и все поздравляют, говорят: «Ты теперь учитель»; и я сама про себя подумала: «Учитель»... Могло ли мне прийти в голову, что учитель — это государственный деятель в том маленьком государстве «школа», которое — лишь точная копия большого, и что маленькие события этого маленького государства... Да ладно. Теперь легко рассуждать. А тогда...

На первую встречу с будущими учениками восьмого «А» я шла в ярко-желтых детских босоножках, приобретенных потому, что стоили дешево и не жали. Но уже на школьном крыльце с грустью подумала: «Как глупо их надевать, когда вольно или невольно личность моя перешла в новое качество». Прежнего боевого настроения как не бывало. Но делать нечего; толкнув громыхнувшую стеклом и железками дверь, вошла в школу. У кабинета биологии на первом этаже кого-то ждали пятеро подростков в пестрой каникулярной одежде. «Неужели меня?!» Я большими шагами прошла мимо них с напускным выражением самоуверенности, поковыряла ключом в замке и распахнула дверь класса. Я так разволновалась из-за этих босоножек, что присмотреться к девочкам и мальчикам, тем более заговорить с ними, мне было не по силам. Они, напротив, судя по всему воспользовались возможностью беспрепятственно разглядеть меня. Видно, я не произвела большого впечатления, потому что, лениво переговариваясь, они с апатичным

видом расположились за партами. Лишь две девочки-блондиночки удостоили меня приветственным кивком.

Пятеро сидели передо мной. Прошло несколько минут. Я терпеливо ждала, когда появятся остальные.

— Зря ждем. Никто больше не придет, — произнес в пространство вполне мужским голосом темноволосый юноша.

— Как это, не придет?! — возмутилась я из-за кафедры, за которой прятала босоножки.

— Не придет, — баском подтвердил блондин в очках.

— Так что вы нам что надо расскажите, и мы спокойненько разойдемся...

Как выяснилось впоследствии, незабываемое впечатление на всех присутствовавших в тот день произвела моя красная модная футболка с желтым — в цвет босоножек — треугольником на груди.

Что значит «провести урок»? Думаете кого-нибудь чему-нибудь научить? Наивное представление! Провести урок — значит,

выстоять, выдержать напор, выползти из-под обстрела и сделать при этом вид, что с тебя все — как с гуся вода. Сто тысяч раз повернуться без передышки вокруг своей оси легче, чем уследить за тридцатью парами рук, ног, глаз и ушей, которые только теоретически принадлежат всего тридцати человеку, а на самом деле способны двигаться в разные стороны совершенно независимо друг от друга, а по звонку с грохотом и криками мгновенно срываются с места и, сметая все на своем пути, пролихиваются в узкую дверь.

Урок закончился. Кабинет опустел. Сиджу, устало рассматривая россыпь бумажек, оставшихся в проходе между партами, грязные следы от ног на линолеуме, парты, раскidanные, словно острова.

Отвратительная картина. Но никто не придет, не наведет порядка. Надо взять тряпку, ведро и приступить к уборке, хотя это, конечно, не входит в мои обязанности. Список дежурных — произведение мертворожденное.

Кроме этого списка да огромного «древа жизни» на фанерном щите, ничто не украшает стен. Мне нравится рассматривать древо. Вот маленькие одноклеточные — основание пирамиды. Вот червяки и пауки — боковая ветвь, заглошшая, изжившая себя, словно средневековый рыцарь. А вот — звери и птицы, наши ближайшие родственники и друзья. Я думаю о том, как в подходящий момент скажу своим школярам, что вон там — на верхней боковой ветке рядом с обезьяной вполне естественно поместить портрет кого-нибудь из нас... Нет-нет, не на вершине, а просто рядом. И тут вспоминаю одну фразу Станислава Ежи Леца... Ее я и повешу вместо лозунга на стене. Сегодня же ночью напишу...

А пока — приступим. Засучиваю рукава, приношу ведро и начинаю уборку.

За окном сгущаются сумерки. А сколько еще дел!

Слышу — стук в окно. Всмотриваюсь: с той стороны торчит голова, беззубо улыбается. Мало того, что на дежурство не пришли, так еще и издеваются. Но радушно киваю и приглашаю в класс. Сама же как ни в чем не бывало продолжаю работу. Физиономия за окном исчезает, но вскоре появляется в дверях.

— Привет.

— Привет. — отвечаю как можно равнодушнее Антону Голицыну.

— А че вы тут делаете?

— Ни че!

— А что, никто не пришел? — лицемерно сочувствует он.

Я молчу.

— Да... — Грустно вздыхает, но не уходит, стоит, переминаясь с ноги на ногу и с огромным интересом следит за тем, как я сгребая мусор в кучу. Поскольку я даже не смотрю на него, начинает рассуждать:

— Не повезло вам. С нашим классом работать тяжело. Все учителя бьются без толку. Никто опять не пришел.

— Ты пришел.

— Нет! Я не пришел! — Подходит к списку дежурных. — Я должен убираться в среду на той неделе. — Антон отходит, взбирается на высокий деревянный стол и продолжает серьезно:

— Все-таки я этого не понимаю, как вы с нами обращаетесь. Неправильно. — Чув-

ствуется, слово это он любит, — посмотрелся мультиков про кота Матроскина.

— Что неправильно? Ты пока парты расставь.

Позабыв напрочь о своей настроенности, идет поправлять парты — нескладный, сутулый, длиннорукий, на самой макушке хохолок. Делая свое дело, он развешивает начатую мысль:

— Вы на нас не орете.

— Это что, плохо?

— Вы зря шутите. На нас все орут. А иначе как? Вы не орете, вот вас и не слушают, — подытоживает он, забыв, что сам-то послушался. — Прошлая наша классная — Галина Викторовна — родителям звонила, кричала.

— И помогло?

— Нет, — грустно вздохнул он. — Она плакала. А вот Тамара Степановна — она парты сдвинул, шторы задернет, чтоб никто не видел, ей же неудобно, и наворачивает тряпкой, наворачивает! А свет-то горит! Мы подкроемся к окну и смотрим!

— За что же вы ее так? — мне стало не по себе.

— Как так? — он озадачен. — Мы как раз ее любили.

Странный народ. Странная любовь.

С утра я закрылась в кабинете, достала из сумки кнопки и свернутый в трубку лист с призывом. Через несколько минут по доске в самом верху тянулась красная на белом фоне надпись: «Человек! Помни! У тебя нет выбора — ты должен быть человеком!»

Но этого показалось мало, мной овладел реформаторский зуд. Подумав с минуту, я вытащила из лаборантской объемные пластиковые пособия, изображавшие вскрытую пчелу, кролика и еще кого-то, похожего на птицу. Макеты были ярко раскрашены и выглядели внушительно. Развесив их и оценив общий вид, осталась довольна. Расставленные твари божьи, по моим представлениям, внушали как раз тот самый священный ужас, который должны испытывать ученики, входя в кабинет биологии.

Первый урок в этот день прошел, на мой взгляд, удачно. Восемиклассники сразу же прилипли взглядами ко всем обновам, и почти десять минут в классе было очень тихо. Дальше все прошло как обычно. Ко второму же уроку я в суете напрочь забыла о лозунге и макетах. Ребята, думаю, тоже...

И лишь часа в три дня я осталась одна за столом перед раскрытым классным журналом. Дверь скрипнула, в кабинете появились две подружки: Мила и Даша.

— Ну что, девочки, убраться?

Они синхронно кивнули. Засуетились, забегали, производя ужасный шум, переговариваясь, хихикая... Судя по всему они были не прочь поболтать со мной, но смушались. И только я настроилась первая начать разговор, как вдруг в класс уверенным энергичным шагом вошла Елизавета Васильевна.

— Ну как, обустроились? — произнесла она, явно гордясь своим знанием русского, будучи по профессии словесником, а завучем — по чину.

Девчушек ее появление заставило притихнуть. Стараясь не шуметь, они продолжали делать свое дело. А для нее, по всей видимости, имело значение их присутствие в классе.

Широким жестом она обвела кабинет и промолвила:

— Наслышаны, наслышаны о ваших подвигах. А как у вас с правилами для учащихся?

— Какими правилами?

— Общими. Странно, чему вас учат в институте?! Вот в параллельном классе правила распечатали на машинке и вклеили каждому в дневник. Вам не следует отставать. Класс у вас сложный. Все ваши трудности нам известны.

Это было лишь вступление. Она приступила к основному.

— Обратите внимание на состояние кабинета.

Для меня это был прекрасный повод вставить слово, сказать и о засоренной раковине, и о разбитом окне, и о том, что собирать с родителей по гривеннику просто неприлично и что парты похожи на дрова — дети рвут форму и колготки каждый день. И о том, что нет проектора, чтобы показывать диафильмы, и что кабинет похож на проходной двор — в нем все время кто-нибудь из посторонних занимается, а я хочу завести рыбок, птиц...

И вдруг она заметила фальшивых жертв анатомического эксперимента:

— Что это?! Это же кишки! Как вы могли повесить такое на стену?!

— Но это по программе...

— Ужасно...

Судя по тону, она видела самое чудовищное, что только могла себе представить. — Снимите! Я уж не говорю об этом странном лозунге. О нем шумит вся школа.

Она ушла, хлопнув дверью. Девочки, о которых я совсем позабыла, тихо-тихо заметили мусор в угол. В моем состоянии, чтобы избавиться от чувства неловкости, простой и полезный труд был кстати, и я остервенело принялась стирать с многострадальной пластиковой поверхности парты чернильного человечка.

Мила вдруг серьезно спросила:

— А как у нас будет с общественной работой? В этом году в комсомол вступать. У нас пока ни одного комсомольца. А без общественной работы не примут.

— Как же вы в прошлом-то году жили?

Даша с Милой переглянулись:

— А у нас каждый сам по себе, никто вместе не хочет.

— Не умеем работать вместе, надо по отдельности! И если у нас тридцать семь человек, будет тридцать семь поручений и тридцать семь общественных деятелей. А я разведу бюрократию.

И вот стою я посреди класса с зажатой в руке тетрадь. А они орут и топают ногами. Был звонок с урока, но дверь заперта. Или они меня растопчут или дадут высказаться.

— Садитесь! — перекрикая шум, командую я. — Надеюсь, в следующий раз мне не придется прибегать к насильственной мере и запирать дверь, чтобы не разбежались. Надеюсь, в следующий раз хватит одного моего слова... Предупреждаю: во время урока митинговать не будем никогда. Урок — есть урок! Смотрите. В этой тетради — ваши фамилии. На каждого отведено несколько страниц. Пока пустых. Есть только телефоны, адреса. Страницы поделены на две части. На одной — ваши дела за год, плохие и хорошие. На другой — мое

мнение, что лично я думаю о каждом из вас. Честное мнение! Тетрадь доступна всем. Берите, читайте. Список заданий и поручений — на стенде. Я учла результаты прошлогодних перевыборов. Не согласны — приходите — разберемся.

В классе стояла тишина. Тетрадь легла на стол. Я пошла открывать дверь. Все потихоньку, как бы страхивая оцепенение, потянулись к стенду. Странно, что обычная логика потрясает их, откровенность изумляет, а апломб приводит в экстаз! В моей решительности и самоуверенности они не увидели фанфаронства. И когда с перепугу я заявила, что знаю, как и что делать — поверили, не почувствовали пустоты этих слов. И передо мной постоянно маячит скорбная тень плачущей предшественницы. Не хочется оказаться в ее положении. «Нет уж, братцы! Я вам не по зубам!» — думала я, составляя эти списки и планы — занятие в корне чуждое моей натуре. И вот уж гипнотизирую своих подопечных «программными» речами, применяю вынужденные меры насилия. На что только не толкает человека инстинкт самосохранения!

Размышляя так, сидела я в пустом кабинете, вновь поджидая дежурных, в полной уверенности, что уж сегодня-то обязательно придут. Но они не торопились.

И я уж совсем было собралась заглянуть в сокровенную тетрадку с домашними телефонами, как в классе появилась невысокая женщина с испуганным выражением лица.

— Здравствуйте, — сказала она. — Я Тамара Степановна, старая учительница ваших ребят. Вот пришла познакомиться. Вы ведь у них не первый классный руководитель...

— Да, я слышана. Но зато уж точно — последний. Восьмой класс.

— А я их всех еще маленькими помню. Все говорят плохой класс, эгоисты. Не верьте. Получше других будут — не сомневайтесь. Хорошие ребята. Талантливые. — И она принялась загибать пальцы, перечисляя имена, вспоминая что-нибудь о каждом. — Только двое — трудные. Но вы разберетесь. Одного пожалеть надо... Другой... Да что с него взять — шут и нахал. Если трудно будет, вы меня спросите, помогу...

Только она ушла, появились Женя Шлезингер и Алик Бурковский. «Глазам своим не верю, ты пришел!» — пропела я, действительно не веря своим глазам. Женя улыбнулся:

— На помойке задержались. Здесь недалеко, рядом с химзаводом. Там такое можно найти, просто обалдеваешь!.. Да вы не волнуйтесь, мы быстро уберем.

Выливал все единым духом, он уже наливал воду в ведро. Был не суетлив, но расторопен — полная противоположность приятелю, который предпочитал помалкивать. На помойке, оказывается, вся школа перебывала. Они нашли какие-то трубки, реактивы. Для чего? Бомбочки делать. Алик с удовольствием поведал о боевых заслугах друга, как тот в прошлом году поджег адскую смесь и бросил с балкона. Думал на земле взорвется, а она в воздухе — трах! Соседи решились — шаровая молния. Судя по всему, историю эту Алик рассказывал не впервые, и Женя решил, что пора переключить внимание товарища на что-то иное. Следуя той же логике, что о другом

легче говорить, чем о себе, он заявил: — Мы забыли сказать вам, Алька старостой не будет никогда! Хоть вы там и написали.

Мне уже не до бомбочек и взрывов: — Но его же выбрали еще в прошлом году!

— Так то же для смеха. Никому не хотелось, и все голосовали от радости, что не их предложили.

— Но Алик никогда не был старостой, а теперь будет. Поздравляю! — Я протягиваю руку, Бурковский неожиданно для себя энергично отвечает на мое пожатие. — С завтрашнего дня начнешь отмечать присутствующих, назначать дежурных. Запомни: ты начальник. Моя правая рука. Дело нехитрое.

Опомнившись, он кричит:

— Меня никто не слушает!

— Будешь справедлив, услышат.

А вечером меня вновь посетил Антон Голицын. Он появлялся теперь ежедневно и просиживал до моего ухода. Я уже знала, что мама у него — медсестра, что отец недавно оставил семью, а всего полгода назад у него родилась сестренка. В шесть вечера у мамы кормление, и его выпроваживают погулять. Знала, что им помогают бабушка. Она старая и живет далеко, приезжает и остается на несколько дней. Комнат — две, и Антон делает уроки на кухне.

— Слушай! Ты ведь у нас в починяльщики записан?

Прошу его забить гвоздь, торчащий из скамейки. Он неторопливо идет в лаборантскую за инструментом. Парень высокий, не красивый, и не урод, одет не плохо и не хорошо, умом не блещет, но по житейским делам удивляет какой-то недетской мудростью. Забив гвоздь говорит:

— Хорошо у нас в классе становится. Цветы, стенды новые. Раковина опять же не протекает.

Стукнул еще раз остался доволен работой.

— Будете проверять?

— А ты своими штанами проверь.

— Нормально.

Я спрашиваю, как сегодня завтрак прошел.

— Опять никому не досталось.

— Как так? Куда же делось?

— Так Кротенко все съел. Он всю дорогу ест. А сегодня сосиски. — Антон махнул рукой.

— Он что, голодный?

— Кто? Жорка-то? — Антон рассмеялся. — Нет. Наглый.

— Что же терпите?

— Он здоровый, толстый, а потом у него своя компания. Если что, изобьют...

Следующий день начался с выяснения обстоятельств личной жизни моих трудных — Георгия Кротенко и Коли Прохорова. Признаться, слово «трудные» всегда мне не нравилось. Можно подумать, есть «легкие» дети или люди вообще.

Георгий жил в другом районе и был переведен в нашу школу по заявлению родителей. Отец — начальник отдела одной из внешнегородских организаций. Мать — артистка Москонцерта. Есть старшая сестра. Семья, судя по бумагам, благополучная, условия жизни — нормальные. Материальное положение — выше среднего.

А с Николаем все обстояло значительно

сложнее. Место работы матери не обозначено. Отец не указан. Написано: сестра — ученица шестого класса. Света Чудакова. Если сестра, то почему Чудакова?

Изучение хранившихся в канцелярии документов ничего мне практически не дало. Начинать же разговор с самими ребятами, не зная подробностей всей их жизни, было бы опрометчиво. Ждать, что разоткровенничаются, — смешно. И тут я вспомнила про Тамару Степановну. Конечно, полагаться на чужое мнение нельзя, но, пожалуй, без разговора с ней не обойтись. Кто шут? Кого жалеть?

Я нашла ее в одном из кабинетов на втором этаже. За ближайшими к учительскому столу партами две девочки старательно выполняли домашние задания. Трое мальчишек на задней парте играли в какую-то настольную игру. В пространстве между рядами и перед доской носились друг за другом два потных малыша. Сама учительница тем временем проверяла работу мальчугана, который, навалившись животом на стол, чуть ли не носом следовал за ручкой, которой Тамара Степановна вылавливала ошибки. Изредка она произносила: «Успокойтесь! Скоро пойдем на улицу. Доделявайте уроки».

Она обрадовалась мне, охотно отложила тетрадь и пригласила садиться.

— А я к вам за советом, по поводу Прохорова и Кротенко. Оба в школе почти не бывают. Что делать — ума не приложу. Хоть в милицию обращайтесь.

Говорила она медленно и тихо. Чтобы расслышать приходилось напрягаться — мальчишки, предоставленные сами себе, расшумелись еще больше. Оказалось, что у Жоры компания из прежней школы. Тамара Степановна недолго его учила, но маму знает хорошо. Та часто бывает в школе (Странно, почему я ее до сих пор не видела).

А у Коли семья, что называется, неблагополучная, даже очень. Отца нет. У матери трое детей от разных отцов. Сейчас в декрете. Есть и бабушка, работает уборщицей в магазине. Обе пьют. Мама Колю родила — восемнадцати не было. Закончила восемь классов в этой же школе.

Тамара Степановна жалостливо смотрит на меня:

— А милиция вам не поможет. Для Кротенко — любое наказание как с гуся вода. Да и с Прохоровым не лучше. Ну поставят Николая на учет, будут ругать, совестить. Что изменится? В представлении этого мальчишка всем окружающим живет лучше, чем ему. Оттого и озлоблен. Признает только власть силы. Он давно потерял доверие к взрослым. Школа не в состоянии что-либо изменить в его жизни. А для милиции он пока не интересен ничем.

Признаться, советы и рассуждения Тамары Степановны не внушили мне доверия. Я понимала, почему ребятам доставляло удовольствие подшучивать над нею: мягка, сострадательна, совсем не умеет постоять за себя. (У нее был какой-то конфликт с администраторшей, из-за чего потеряла в зарплате. Теперь ведет лишь «продленку».) И я решила: мне, пожалуй, надо бы побольше твердости, немного металла в голове и чуть-чуть суровости во взгляде.

Продолжение следует

В. ЗАЦЕПИН,
доктор философских наук

БЕЗ ЖИЗНИ, БЕЗ ЛЮБВИ...

В спектакле кукольного театра С. В. Образцова «Сотворение мира» была в свое время умильная сцена. Оформляя личное дело первого человека на Земле, Адама, архангелы столкнулись с проблемой: что же писать ему в графу «образование». Создатель рассудил: «Образование? Какое у него может быть образование? Не знает ведь ничего... Пишите: среднее». В зрительном зале — хохот. Люди знают цену нашему среднему образованию. При всей нашей технической отсталости квалификация, компетентность работников, людей почти во всех сферах производства значительно ниже той, которую требуют современная техника, работа, профессия.

— Это школа виновата, учителя плохо учат, — говорят родители.

— А как вы его научите, если он ничего знать не хочет, учиться не хочет, если он знает, что аттестат ему все равно выдадут, как бы он ни учился, — отвечают учителя.

И действительно, самая сладкая пора для большинства нынешних школьников — каникулы. Нежелание детей ходить в школу, учиться — явление, к сожалению, все более распространяющееся. Но ведь малыши уже с дошкольного возраста неустанно атакуют родителей и других взрослых своими бесчисленными «почему?», и по несколько раз готовы выслушивать даже пространные ответы. Куда же деваются, почему исчезают эти детские «почему?».

По-видимому, они просто атрофируются, как атрофируются ненужные органы. Потому что дети еще в дошкольном возрасте успевают убедиться — задавать вопросы почти бесполезно. Потому что умного, полноценного ответа от взрослых все равно не получишь. Потому что ни родители, ни воспитатели, ни учителя начальных классов часто не только не умеют ответить, но и просто не знают ответов на многие детские вопросы.

Не будем говорить о малокультурных, необразованных или «случайных», соци-

ально незрелых родителях, которые и не хотят помочь своим детям. Их не большинство. Но ведь и родители с высшим образованием чаще всего имеют лишь «узко-специально-высшее» образование. Ботаник, зоолог очень слабый в литературе и технике, филолог — в технике и естествознании, инженер — в литературе и естествознании, и т. д. А учителя начальных классов? Готовим мы их не в университетах, а пока еще в значительной мере в пединститутах. Но даже в пединститутах мы учим их прежде всего, как учить детей, но не чему учить. А ведь для того чтобы подарить кому-то что-то, надо не только уметь, но еще и хотеть и к тому же иметь, что подарить. Ребенка интересует мир как единое целое, без ведомственных перегородок; а кто из взрослых знает этот наш мир?

Кроме того, средняя, а тем более начальная школа — это прежде всего воспитательное учреждение. Но как может учитель воспитывать младших школьников, переливать свою душу в каждого ребенка, если у него в классе 25—30, а то и больше учеников, и они все разные, и каждый из них неповторим и по склонностям, и по задаткам, и по материальной, моральной и психологической обеспеченности в семье?

Он в две шеренги вас построит.
А пикните, — так миглом успокоит!

Бюрократическое обездушивание нашего общества не могло миновать и школу, которая долгие десятилетия не давала, даже нередко не позволяла детям знать то, что им хотелось знать (и, по их убеждению, нужно знать), зато изо всех сил заставляла их учить, зубрить то, что им не хотелось, а нередко и не очень нужно было знать. Система образования бездумно копировала растущую дифференциацию науки и стремилась объять необъятное. В результате она не столько просвещала молодых людей, сколько засоряла их сознание всевозможной второстепенной, необязательной информацией. Школа не научилась, не при-

выкла порождать у ученика желание учиться, а потому с первых же лет лишала многих детей радости их первого труда, превращая учебу лишь в тяжкую обязанность. До сих пор, перегружая их память, мы не умеем развивать, тренировать их мышление, вырабатывать у них умение складывать эти знания в целостное представление о мире на едином и прочном стержне.

Наконец, материальная обездоленность: отсутствие в школе необходимой кино- и телеаппаратуры, а тем более современных содержательных и интересных учебных фильмов и скудная зарплата учителей — еще один штришок на этой безрадостной картине.

Можно ли надеяться, что наша школа, прежде всего начальная, как основное, главное звено ее, выйдет из нынешнего положения собственными силами уже в ближайшие годы? Едва ли. Каков же выход?

Обучение в школе остро нуждается в демократизации. Речь идет не только о смягчении отношений между руководителями и подчиненными, учителями и учениками, но и об изменении самого процесса обучения. Надо отказаться от авторитарного навязывания программного материала как истины в последней инстанции, которую надо только заучить и запомнить, но даже в начальной школе на уроках природоведения, не говоря уж о старших классах, откровенно говорить, что мы еще далеко не все знаем о мире и о самих себе. Только таким образом и можно пробудить у них стремление самим познавать мир. Но это требует от учителя знать гораздо больше, чем он знает сейчас. И снова: что же делать?

По-моему, единственный выход — оказать срочную всенародную помощь школе, особенно начальной. Бросить на выручку ей весь интеллектуальный потенциал общества. Что имеется в виду? Прежде всего помочь учителям начальных классов и родителям младших школьников в плане

информационном. Срочно издать популярные, хорошо оформленные, информационно насыщенные книги о нашем мире. Вторых, выпустить пакет учебных и научно-популярных фильмов, в которых наш мир был бы преподнесен как нечто единое и развивающееся, показаны связи живой и неживой природы, растений, животных и микроорганизмов, человек и его место в мире; иными словами, краткий и красочный конспект современного научного мировоззрения. С помощью этих книг и фильмов родители младших школьников и учителя начальных классов прежде всего разобрались бы сами в современной научной картине мира, а потом помогли бы своим детям уже в начальной школе обрести тот мировоззренческий «стержень», на который они могли бы легко, безболезненно и с удовольствием «наназывать» любую информацию, укладывая ее на «нужное» место.

В-третьих, не дожидаясь средств от союзного, республиканских и местных бюджетов, с помощью вновь избранных областных Советов народных депутатов, развязать руки тем хозяйственникам, которые традиционно шефствуют над школами, где учатся дети их работников (имеется в виду руки дающие, естественно). Для чего? Чтобы на эти средства Совет каждой школы мог провести такие, например, «мероприятия»:

а) там, где возможно, разгрузить начальные классы до оптимального уровня (10—15 человек в классе);

б) перевести наиболее отстающих (а может быть, к тому же, и наиболее «опережающих», развитых) учеников на индивидуально-репетиторскую форму обучения под контролем Совета школы и завуча начальных классов;

в) в некоторых школах собрать в один-два класса по 8—10 человек и отдать особо одаренным и значительно выше оплачиваемым (за счет этого дополнительного фонда) учителям отстающих учащихся младших классов.

Где-то, безусловно, найдутся и другие формы, способы, пути перестройки начального образования. Важно лишь вернуть в школу любовь к знаниям, к учебе, радость учебного и всякого иного труда. Без этой любви нам не прийти к гуманному обществу: приученные к насилию с первых лет жизни, люди будут только поддерживать его или подчиняться ему. Без этого мы не изживем подростковый вандализм, не снизим число детских колоний, несовершеннолетних правонарушителей. И уровень детского здоровья так невысок, что школе забывать об этом нельзя ни на минуту. Учить же нездорового ребенка намного сложнее, чем крепенького. А самому ему, пропускающему занятия четвертями, и того тяжелее. И школе, не развязав клубок этих проблем, не приходится надеяться на общее оздоровление. А на дополнительные затраты на школу уже сегодня готовы многие предприятия, колхозы и совхозы, кооперативы и даже отдельные люди. Так, может быть, и начнем, не дожидаясь общей команды?

ЧТОБЫ ПОМОЧЬ КАЖДОМУ

Все проблемы средней школы закладываются еще в начальной; не все дети, переступившие порог первого класса «дозрели» и смогут приспособиться к условиям и требованиям обучения; часть их чувствует дискомфорт, отстает в развитии, а главное, — теряет здоровье.

Есть ли здесь выход? На этот вопрос по-разному отвечают доктор философских наук профессор из Херсона Вениамин Иванович Зацепин и сотрудник НИИ общей педагогики АПН СССР, кандидат педагогических наук Галина Федоровна Кумарина.

Корр. По данным медиков, уже 30 процентов поступающих в школу детей имеют отклонения в здоровье, а среди выпускников школы этот процент возрастает до 40%.

Среди десятиклассников дети с первой группой здоровья, абсолютно здоровые, — на что недавно обратил внимание в интервью корреспонденту газеты «Труд» заместитель министра здравоохранения СССР А. А. Баранов, — фактически отсутствуют. Не свидетельствует ли столь тревожная статистика о значительном «вкладе» школы?

Г. Кумарина. Не только школы, но и школы тоже. Часть причин, вызывающих снижение уровня здоровья школьников, что называется, лежит на поверхности: несбалансированность учебного плана, в котором явно мало места отдано видам деятельности, необходимым для здоровья и гармоничного развития ребенка; плохая организация школьного питания; нарушение санитарно-гигиенических требований к школьной мебели, освещению.

Однако я считаю важным остановить внимание на другом — несовершенной организации самого учебного процесса. На мой взгляд, этой причине принадлежит первое место, и вместе с тем она меньше других осознается и педагогами, и родителями. Главные для школы вопросы: как учить и чему учить — мы долгие годы решали и продолжаем решать отстраненно, не глядя в лицо тем, кого учим. Из множества качеств, которыми один ребенок не сходит с другим, — в школе принимается во внимание только одно — возраст. Всех детей в семь или, как скоро будет, в шесть лет принимают в школу и учат в одинаковых условиях, ко всем предъявляя одинаковые требования.

А ведь дети разные! Они отличаются друг от друга состоянием здоровья, зрелостью необходимых для включения в школьную жизнь физиологических функций; уровнем подготовленности; типом нервной системы, предопределяющим выносливость, работоспособность ребенка, темпы его работы. И, наконец, общими и специальными способностями, в том числе — способностями к книжному учению.

Здравый смысл говорит: унифицируя средства школьной работы, мы тем самым предопределяем и программируем различия как в результатах учения (неизбежное производство отстающих, троечников, отличников), так и в физиологической плате за эти результаты. Единый метод обучения, составляющий саму сущность традиционной педагогики, неизбежно заставляет «пришпоривать» одних и сдерживать других. Все это одинаково пагубно и для развития, и для здоровья детей. Ведь здоровье, как его сегодня понимают медики, — это не только отсутствие болезней, здоровье — это еще и «состояние полного теленного, душевного и социального благополучия», предполагающее, что заложенные в человеке природные силы и способности имеют возможность проявляться наиболее полно и гармонично. При нынешней ориентации на «среднего» о «полном и гармоничном проявлении» говорить никак не приходится. Строить учебный процесс, опираясь на понятие «средний ученик», — это то же самое, что, скажем, лечить больных, ориентируясь на их среднюю температуру.

Корр. Для кого же «цена» школьного учения оказывается наиболее высокой?

Г. К. Как это ни странно, но среди «потерпевших» есть дети с высоким интеллектуальным потенциалом, склонностью к теоретическому мышлению, для которых, казалось бы, учеба — занятие необременительное. Перегрузка у этих детей связана с неразумной и педагогически неоправданной тратой их физических сил. Ведь для усвоения того, на что им хватило бы одного урока, приходится тратить три — столько, сколько предусмотрено для «среднего» ученика.

Но еще сильнее страдают дети, которые по состоянию здоровья и развития уступают сверстникам. Таких сегодня довольно много; и количество их, увы, продолжает расти. Исследования показывают, что более 20 процентов семилеток и около 30 процентов шестилеток, поступающих в школу, не обладают достаточной зрелостью физиологических функций. Увеличивается и количество детей со слабым физическим здоровьем, с пограничными отклонениями

в нервно-психической сфере.

Школьный режим, выполнение его обязательных требований вызывают у всех этих детей чрезмерное напряжение. Учителя, постоянно жалуясь на поведение таких детей на уроках, — объясняют это, как правило, невоспитанностью, недисциплинированностью, нежеланием учиться. А между тем все это — лишь естественная реакция на непосильные нагрузки, способ защиты от переутомления.

Поэтому так мало приносят дополнительные занятия и меры дисциплинарного нажима: ведь они лишь усугубляют недовольство школой, раздражение и усталость. А те, став постоянными спутниками ребенка в школе, уже сами начинают выполнять разрушительную по отношению к его здоровью роль.

Корр. Из Ваших рассуждений следует, что дифференциация обучения должна начинаться именно с первых классов.

Г. К. Здесь она просто необходима! Особая чувствительность, восприимчивость детей к внешним влияниям — как положительным, так и отрицательным — в младшем школьном возрасте значительно ярче и выразительнее, чем в последующие годы. Не случайно еще Я. А. Коменский в свое время говорил: «Природа всех рождающихся существ такова, что они являются гибкими и всего легче принимают форму, пока они в нежном возрасте, окрепнув, они не поддаются формированию. Мягкий воск можно лепить, придавая ему новую форму, но если он затвердеет, то его легче обратить в порошок...»

Поэтому по отношению к начальной школе справедливо говорить не о дифференциации содержания — специальные способности у детей этого возраста проявляются не часто, — а о разных условиях обучения, которые позволили бы всем детям первого класса овладеть знаниями и навыками, не платя за это здоровьем.

Корр. Ваша лаборатория разрабатывает формы дифференцированного обучения для детей, которые приходят в школу, уступая сверстникам в здоровье и развитии. Может ли школа уже сегодня им помочь?

Г. К. Считаю, одной из форм помощи таким детям могут стать так называемые коррекционные классы или классы здоровья, как их еще называют. До сих пор такие классы были экспериментальными. Однако сейчас положение изменилось. Организация коррекционных классов по решению Совета школы предусматривается Временным положением о средней общеобразовательной школе СССР (пункт 15). Сегодня коррекционные классы работают в школах Москвы, Смоленска, Орла, Ярославля, Брянска, на Украине.

От обычных они отличаются меньшим количеством учащихся (их максимальная наполняемость шестнадцать человек), щадящим распорядком учебных занятий с чередованием труда и отдыха. В каждом классе своя группа продленного дня, в которой самоподготовкой руководит основной учитель класса. Много времени отведено специальным физкультурно-оздоровительным, развивающим и коррекционным занятиям. Медицинские работники школы и врачи-специалисты наблюдают за здоровьем учащихся.

Главная особенность экспериментальных классов — сам процесс обучения, отбор и

использование педагогических методов работы, которые ориентированы на типические особенности этих детей. И они позволяют каждому ученику добиваться успехов.

Статистика — вещь скучная; поэтому приведу лишь две цифры. Когда в такие классы направлялись дети, уже отставшие в учебе по двум-трем предметам, успеваемость их удавалось преодолеть в среднем в 80 процентах случаев; когда же оказывались в таком классе с начала учения — успевающими становилось абсолютное большинство — более 90 процентов детей.

Корр. Но некоторые педагоги и родители считают неэтичным «разведение» по разным классам сильных и слабых учащихся. И все-таки не без оснований полагают, что отсутствие в классе сильных учеников лишает детей одного из важных стимулов развития — образца, на который следует равняться.

Г. К. Думаю, более неэтичной можно признать ситуацию, когда слабый и сильный поставлены в одинаковые условия. Этим мы обрекаем слабого на то, что он с первого класса становится отстающим — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Взрослые как-то не особенно задумываются над тем, чем это для него оборачивается, — и в школе бранят, и дома ругают.

Если хотите, чтобы человек стал личностью, заметил один из умных философов, поставьте его с самого начала, с детства, в такие условия, при которых он мог быть ею. Отстающему ученику в праве быть личностью с высокой самооценкой, с признанием и уважением окружающих — показано. Одноклассники относятся к нему пренебрежительно, с ним не хотят дружить, сидеть за одной партой. В классе он никогда не будет званым, в игре — командиром...

Примириться с таким положением человеческая натура не может! И вот уже к четвертому — пятому классу мы бьем тревогу: караул, — трудный! Одни уходят от постоянных неприятностей в миражи, «глуки», другие стараются утвердить себя в делах различных «неформальных» групп. Статистика показывает, что формы отклоняющегося поведения, правонарушений несовершеннолетних и отставание ребенка в школе (даже когда оно завуалировано натянутой тройкой) преемственно связаны. Борьбой с токсикоманией, наркоманией, поисками дел, в которых могли бы утвердиться подростки, сейчас озабочена вся общественность. Но ведь главное-то в том, чтобы школу сделать естественной сферой самоутверждения растущего человека! И прежде всего — через учение — главный вид деятельности ребенка.

Что же касается образца для подражания, то и здесь надо неспешно разобраться. Мнение, что слабые равняются на сильных и это равнение служит для них стимулом к соревнованию, нельзя принять за абсолютно справедливое.

Во-первых, потому что не все так просто с преодолением отставания, когда в его основе — природные, в том числе и психологические причины. Стремление слабого во что бы то ни стало не отстать от сильного может обернуться для него скорее вредом, чем благом.

Наблюдения за детьми, зачисленными в

коррекционные классы, показало, что, например, по темпу деятельности они существенно отстают от здоровых сверстников и одним стремлением не отстать эту разницу не перекрыть. Что объективная разница в деятельности сильных и слабых, ярко обнаруживающая себя в обычных классах, не столько стимулирует развитие слабых, сколько задерживает его, угнетая их мотивационную сферу: убеждаясь в том, что старания заслужить одобрение, похвалу учителя, не дают результатов, эти школьники теряют надежду на успех.

Что же касается соревнования, то именно в экспериментальных классах оно и получает почву для развития. Как показывают социальные психологи, стимулы к соревнованию появляются лишь тогда, когда уровень передовиков не кажется недостижимым, а реальным, достижимым — успех здесь зависит только от настойчивости и старательности.

Введение коррекционных классов создает условия для повышения эффективности педагогической работы и в параллельных классах, где слабых учащихся не остается: освободившись от них, учитель получает реальную возможность более динамично и плодотворно вести урок.

Корр. Но если дети в коррекционных классах так существенно — в два-три раза — отстают по темпу деятельности от школьников обычных классов, то каким же образом удастся пройти учебную программу за то же, что и в обычных классах, время? А если дети приходят в такие классы со второго года обучения, то даже быстрее: по существу, за два года программу трех лет? Не приносит ли ущерба здоровью столь явная интенсификация учебной работы?

Г. К. Эта, на первый взгляд, парадоксальная ситуация при ближайшем рассмотрении — вполне объяснима. Ведь что происходит в обычном классе? Дети, о которых идет речь, на уроках хоть и присутствуют, получают очень мало. Как показывают наблюдения, слабые ученики в обычных классах продуктивно работают на уроках не больше десяти минут. Остальное время пропадает для них зря. Либо они приобретают отрицательные навыки: учатся списывать, ловить подсказку, развлекаться посторонними делами. То же с домашней работой. Даже если дома есть кому помочь, ребенок начинает переучиваться, тратя на это время, необходимое ему для отдыха.

В коррекционных классах ребенок в единицу времени выполняет ту работу, которую может выполнить, — и этим проблема исчерпывается.

Дети за время обучения в экспериментальных классах окрепли, оздоровели. Психологические исследования показывают, что у большинства из них уменьшилось количество признаков психоневрологической симптоматики, на 25 процентов уже к концу первого года учебы снизилась общая заболеваемость.

В экспериментальных классах детям работает спокойно: над ними не висит дамоклов меч порицания, плохой отметки (отметок в течение двух лет вообще не ставят). Напротив, в любую минуту учитель готов поддержать, прийти на помощь.

И еще об одной особенности, которая оказалась присуща всем ученикам коррекционных классов, хочется сказать — об яр-

ко выраженной зависимости характера и продуктивности их работы от ее внешних условий — санитарно-гигиенических, дидактических. Учителя, работающие в экспериментальных классах, и мы, исследователи, почувствовали эту жесткую зависимость очень отчетливо.

В условиях шадящего режима, в благоприятной психологической атмосфере, при повышенной нагрузке и соответствующим особенностям детей темпе учебной работы эти школьники хорошо себя чувствуют, много и плодотворно работают.

И наоборот, любые упущения, всякое нарушение режима школьного или домашнего, любые неумелые учительские просчеты в тоне общения, нюансах отношений, в дозировке давления сразу сказывались и на работоспособности детей, и на результатах их деятельности. Например, результаты работы значительно ухудшались по мере все большей ее регламентации. Два года назад в третьих классах школ Москвы были введены переводные экзамены. Вопрос: «А будут ли наши дети сдавать экзамены?» — волновал учителей в марте-апреле больше всего. Спрашиваю: «Вы что, бонтесь?» И выясняю, что дети боятся самого слова «контрольная». Уже сколько раз замечали: когда пишем обычную учебную работу — все нормально. Стоит только сказать: дети, а сегодня у нас контрольная и дать работу точно такой же сложности — результаты значительно ухудшаются.

Учительница школы № 298 К. Г. Евтеева указывает тетради. Павлик В. 26 ноября, восстановление деформированного текста. Очень сложная работа. Но не на отметку — как большинство в экспериментальных классах. Правильный, красивый почерк, строгое соблюдение линейки. 27 ноября. Контрольный диктант. Если бы я не увидела это своими глазами — не поверила бы, что это тот же Павлик. Вместо букв — каракули в буквальном смысле слова. Линейки не соблюдаются, строчки вкрив и вкось.

Конечно, не сама контрольная была виновата, а то, какие воспоминания и переживания она пробудила у детей. И результаты этой второй работы более, чем что-либо иное, показали то душевное смятение, которое, можно без ошибок предположить, ассоциировалось в прежнем их учебном опыте с этим словом.

Наибольших успехов в коррекционных классах смогли добиться учителя, которые поняли: «субъективные переживания» детей — это объективный фактор в учебном процессе, не учитывать который нельзя. Отсюда и ровный, доброжелательный стиль общения, способность вовремя прийти на помощь, доверительные отношения, рождающие у детей чувство «защищенности».

Корр. Галина Федоровна, классы, о которых Вы рассказали, упоминая опыт Прибалтики, и Украины, раньше назывались классами выравнивания. Чем вызвано их переименование?

Г. К. Дело в том, что в Положении о реформе школы название «классы выравнивания» по неясным причинам оказалось отнесенным к классам для детей с задержкой психофизиологического развития, которые, входя в систему специального обучения, сегодня стали тоже открываться в общеобразовательных школах. Для таких

детей дефектологи НИИ АПН СССР обосновали необходимость увеличения срока обучения: на год больше, чем в обычных классах. Поэтому классам, о которых я рассказываю, дано новое название.

Корр. Конечно, не в названии суть. Видно, важна та функция, которую приобретают коррекционные классы. Насколько я понял, они дают возможность удержаться в массовой школе детей, которых значительно больше, чем детей с задержкой умственного развития, и которые при теперешней организации школы оказываются без надлежащей помощи.

Г. К. Вы совершенно правы. Медики давно подметили закономерность: чем глубже дефект развития, тем реже он встречается. Детей умственно отсталых и с задержкой умственного развития относительно немного (по свидетельству специалистов — соответственно в среднем — 2,5 и 5,6 процента). Детей же, о которых здесь идет речь, — с недоразвитием школьно значимых психофизиологических функций, пограничной психоневрологической симптоматикой, слабым здоровьем, педагогически и социально запущенных — «группы риска» — значительно больше. Эти дети могут и должны учиться в обычной школе, по обычным программам — но при особо организованном учебном процессе. Отсутствие таких условий обрекает детей на хроническое отставание или выталкивает в неадекватную для них систему специального обучения, что совершенно недопустимо.

Корр. А есть ли возможность перед началом обучения выделить эту категорию детей, детей «группы риска» из общего контингента детей с задержкой умственного развития и сразу направлять каждую из этих групп в соответствующий их особенностям класс?

Г. К. Поставить так вопрос можно. Но вот практически решить его очень трудно. Безусловно, можно и нужно уже до школы диагностировать уровень школьной зрелости детей. Психолого-педагогические методики такой диагностики уже разработаны. Определение детей с низким уровнем школьной зрелости и слабым здоровьем в коррекционный первый класс уже с 1 сентября было бы решением многих проблем. Ребенок, который преодолевает свое недоразвитие в ходе обучения в таком классе, в любой момент может быть переведен в обычный класс, так как учится по общей программе.

Что же касается выделения детей с задержкой умственного развития, то я считаю ошибочной саму постановку такой задачи до начала обучения ребенка, без практической апробации его учебных возможностей.

Отсутствие надежных критериев разграничения видов и тем более степеней пограничных отклонений в развитии, уязвимость диагностических процедур в области пограничных состояний неизбежно приведет к ошибкам. И ошибкам, конечно, не в пользу ребенка. В условиях обследования на медико-педагогической комиссии, которой дано право решать вопрос о направлении ребенка в специальное учебное заведение, результатов выше своих возможностей он, естественно, не покажет. А вероятность того, что он не выполнит или выполнит плохо те задания, которые он мог бы в другой обстановке и настроении сделать более

успешно, очень велика.

Когда на начальном этапе экспериментальной работы в Донецкой области и в Москве дети, переведенные из-за неуспеваемости во вторые классы адаптации, были обследованы медико-педагогическими комиссиями, результаты были такими: у 75 процентов была установлена выраженная задержка психического развития и дано направление в специальный интернат или специальный тип классов, а 10 процентов был поставлен диагноз «олигофрения».

Большинство этих детей, однако, продолжило обучение в классах адаптации и за два года этого обучения не только смогло преодолеть отставание за первый класс (а не успевали они, как уже говорилось раньше, по двум-трем предметам), но и вполне удовлетворительно освоить программу II и III классов. А 10 процентов из них стали учиться на «4» и «5», 70 процентов — на «3» и «4»!

При открытии в школах коррекционных классов все слабые дети, безусловно, начнут учиться именно в них. И в этих условиях сами классы станут естественным средством диагностики для детей с разными отклонениями в интеллектуальном и физическом развитии. Если ребенок обнаружит неуспеваемость в шадающих условиях коррекционного класса — значит,

действительно, есть основания говорить о каких-то серьезных отклонениях в развитии, о необходимости глубокой их диагностики и определения типа специального обучения. Только в этом случае и следует направлять ребенка на медико-педагогическую комиссию.

Корр. Галина Федоровна, не может ли получиться так, что, обеспечивая слабым детям комфорт в начальной школе, мы переведем их в четвертый класс психологически недостаточно подготовленными к тем условиям, которые их там ожидают? Что показывает опыт школ, где такие классы существуют давно?

Г. К. В школе № 22 Макеевки Донецкой области коррекционные классы давно получили постоянную прописку. Опыт этой школы показывает: когда весь педагогический коллектив чувствует свою причастность к судьбам этих детей и в средней школе все идет нормально, то и проблем с ними не больше, чем с остальными. А в чем-то считает Н. П. Кралько, бессменный директор этой школы, даже меньше, потому что за годы учения в экспериментальных классах они приобрели ответственность, организованность и работоспособность.

Корр. А как решается проблема обучения у таких детей в других странах?

Г. К. Поиск действенных форм педа-

гогической помощи активно ведется сегодня и в мировой педагогике. По данным Всемирной организации здравоохранения, рост числа таких детей с 1973 по 1984 год составил 25 процентов. Количество же неуспевающих в основной школе детей в странах Европейского экономического сообщества, например, составляет по обобщенным данным 15—20 процентов.

В западных странах разработки в этой области идут по двум направлениям, в корне отличным друг от друга. Одни ученые отстаивают идею интеграции таких людей в объединенной школе, другие — видят выход в необходимости введения двух уровней преподавания общей программы, соответственно и двух уровней экзаменов.

Представляется, что наш подход — более гуманный и демократичный. Вместо дифференциации содержания образования (уменьшения объема и соответствующего снижения уровня подготовки учащихся) предлагаются различные условия обучения: они-то и призваны обеспечить и, как свидетельствуют результаты эксперимента, обеспечивают слабым учащимся усвоение единого учебного материала в те же сроки, как и в обычных классах.

Беседу вела Ж. БЫКОВА

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Анатолий ЦИРУЛЬНИКОВ

Мы миновали эпоху монолитного единства, «дружной семьи народов». Жизнь все-таки показала, все мы — разные. У нас разные исторические корни, различные культуры, традиции. И даже — что казалось немыслимым вчера — не одинаковы политические взгляды и представления о свободном обществе. Настолько разные, что крепкая семья грозит распасться.

В личной жизни это всегда боль, душевная драма, которую мы, однако, научились, с грехом пополам, достойно переживать. В жизни же общественной мы просто не имеем опыта расставания и потому воспринимаем его как конец света. Между тем что меняется оттого, что один свободный народ начинает жить рядом с другим свободным? Разве от этого рвутся связи, общее прошлое и общее будущее? Да и неизбежен ли «развод»? Скорей, ошибочны наши представления о «семье народов». О «старшем брате» и «младших». В своей собственной жизни мы ведь поднимаемся, в конце концов, до понимания того, что живущий рядом с тобой человек имеет право на свою самость, свой особенный взгляд на мир, свое свободное волеизъявление. Без понимания этого права, без уважения самости другого нельзя достойно, по-человечески жить вместе. Это то самое, что скрепляет не только индивидуальные человеческие судьбы, но и судьбы исторические. На собственном опыте мы все больше убеждаемся, что центробежным силам, которые растаскивают нас, нельзя противопоставить силу. Можно лишь разум. Такт. Культуру.

Какие возможности таят культура и образование для сближения нас друг с другом? Как использовать эти возможности? Об этом и пойдет разговор.

Мысленно возвращаюсь в прошлое горячее лето, когда в балтийской республике бурлило Певческое поле, разноцветные национальные флаги развевались над старинными башнями и красные — над заводскими трубами. Тогда я спросил Каляя Лутса, консультанта ЦК Компартии Эстонии по вопросам народного образования: «Что это, политическая борьба? Межнациональный конфликт?» Мой собеседник пожал плечами: «Я думаю, это разный уровень носителей культуры».

Он сделал ударение на «носителях», но я и так понял — ни эстонская, ни русская культура тут ни при чем. Суть дела в конкретном человеке — носителе культуры. В том, что мы из нее выносим. Осмыслить это в те напряженные дни и собралась в Нарве люди на учительский семинар под названием «Русская школа в Эстонии». Что это за проблема? Звучит ново: но на самом деле это старая проблема школы «наименьшинств» в республике. Только опрокинутая: русское

население в республике составляет меньшинство. Какая у него школа?

Обычно ее называют русскоязычной — по основному языку преподавания. Таких школ в Эстонии около девяти десятков, в масштабах страны — песчинка. Но в них учится более трети молодежи республики. Эти школы входят в ведение Госкомитета Эстонии по народному образованию, но обучение в них ведется по программам Министерства народного образования РСФСР. Если сравнить их с теми, по которым учатся дети в эстонских школах, картина получается выразительная. В начальных классах русскоязычной школы втрое меньше уроков изобразительного искусства, вдвое меньше музыки и физкультуры. В шестом классе эстетический цикл вообще заканчивается; а в эстонской школе хоры поют и в выпускном классе. В средней русскоязычной школе иностранного языка меньше на три часа в неделю, науки о человеке и обществе — на два часа, предметов по выбору — по наклонности, способностям, интересам — на 21 час меньше! И при этом в русскоязычной школе еще чудовищные перегрузки, поскольку учатся в ней дети десять (теперь одиннадцать) лет, в то время как в эстонской — на год больше.

Думается, что эта «общекультурная основа» русскоязычной школы (не только в Эстонии) не нуждается в комментариях. Что ж тогда нам жаловаться на низкий культурный уровень, косные и реакционные формы мышления, отсталую, разваленную экономику, если очевидно, что они едва ли не осознанно воспроизводятся из года в год в массовых масштабах...

Теперь о специфике русскоязычной школы в республике. На эстонский язык в программах Минпроса РСФСР отводится в два-три раза меньше времени, чем на русский в эстонских школах. Об эстонской истории и литературе и говорить нечего — во многих школах просто нет соответствующих преподавателей. Когда выпускники поступают в техникум, институт,

то это может быть в Ленинграде, Пскове, Томске, но очень редко в Таллинне или Тарту. Сюда они не идут даже не потому, что боятся провалиться на экзаменах (почти все здешние вузы имеют русскоязычные отделения), а просто их ничего не связывает со средой обитания...

Почему это происходит? Однозначно объяснить ситуацию не берусь, она, как говорится, — порождение сложных и глубоких деформаций в жизни всего общества. Одну из причин, характерных не только для Эстонии, отметили на семинаре в Нарве демографы: за последние двадцать лет через республику с полуторамиллионным населением проехало туда-сюда около 7,5 миллионов «пассажиров». Среди них и ученики русскоязычных школ, которые сегодня учатся в Эстонии, а завтра, может быть, в Казахстане. Возникла своеобразная «железнодорожная школа» — нестабильная, с постоянной текучкой учителей и учеников. В такой школе, как показывают медико-психологические исследования, велик «фактор риска» — повышенная возбудимость, дезадаптация, правонарушения, психические отклонения. Так наши дети расплачиваются за не столь давние насильственные перемещения громадных людских масс, сорванных со своих родных мест во имя великих строк социализма. И вовсе не интернационализм, а искусственная изоляция от жизни «окружающей среды» имеет место в такой школе.

Поясню на фактах. Довелось побывать в районе бывшей всесоюзной ударной стройки. Это не только экологически опасная зона, но настоящая ведомственная колония. Меньше всего в этом виноваты рабочие люди. Они живут в ведомственных, далеко не роскошных домах, пользуются ведомственным магазином, больницей, клубом, у них свой ограниченный круг контактов.

Надо ли удивляться, что и школу пропитывает дух ведомственности, отчуждения? Лишь десять процентов учителей русскоязычных школ получают образование в национальной республике. Это означает, что девяносто процентов учителей биологии, географии, истории, труда и т. д. приходят в школу, ничего не зная о здешней природе, культуре, ценностях, традициях. Вот и получается, как заметила начальник нарвского объединения учреждений народного образования Людмила Савина, что «русскоязычная школа существует как будто вне времени и пространства».

К чему это приводит? Прежде всего, выпускник такой школы чувствует себя в республике неуютно. Языка не знает. Здешнюю историю, в которой нашлось место и незаконной аннексии, и депортации населения, и массовым репрессиям, тоже представляет очень смутно. Когда в этой истории — части нашей общей — начинает происходить что-то очень существенное (вовсе не «националистическое»), он этого просто не понимает. Неадекватно оценивает. Конечно, молодой человек живет не на Луне. Он знает Петера из соседней школы, может поговорить о современной музыке. Но многое из того, что Петера сегодня беспокоит, ему не понятно. Хотя, может быть, и его то же самое беспокоит! Но у него другая компания...

Все это гораздо серьезней, чем может

показаться на первый взгляд. И если внимательно приглядеться к многочисленным общественно-политическим движениям в национальных республиках, думаю, что в их конфронтации или диалоге можно разглядеть и черты старых школьных проблем. Ведь действительно диалог (и это подчеркивают сегодня многие) можно строить только на культурной основе.

Пожалуй, первый шаг к такому диалогу сделан: учительский семинар в Нарве зарегистрирован как Русское общество просвещения в Эстонии. Выработаны и опубликованы в местной прессе на эстонском и русском языках ключевые позиции обновления и развития русскоязычной школы. Одна из них состоит в том, чтобы не замыкаться, а интегрироваться с эстонской, да и вообще мировой культурой, воспринять и освоить все умное и полезное, что происходит в сфере образования. В Эстонии, кстати, это осознали немного раньше, чем в других местах. В середине 80-х годов по инициативе министра народного просвещения Эльзы Гречкиной началась глубокая реформа образования. Учителя, ученые, преподаватели университетов, деятели культуры (около 430 человек), объединившись, создали концепцию национальной школы, оригинальные программы и учебники. Возник научно-практический центр развития образования. Места инспекторов в Минпросе заняли высококвалифицированные «советники». Родились Общество народного образования, Академическое общество в Тарту, Союз учителей республики, Совет просвещения, Совет директоров и ректоров... Новое явление? Пожалуй, да — для тех, кто не помнит историю. И прежде всего российскую, где школы министерские издавна соседствовали со школами земскими, кооперативными, частными, духовного ведомства... Раскройте старые газеты: только за первый квартал 1915 года (в разгар первой мировой войны) открылось свыше трехсот культурно-просветительских обществ в Риге и Вильно, Ашхабаде и Баку, Тифлисе и Якутске... Происходили невиданные для нас явления, например конкуренция, «соревнование городов» за открытие в провинции высших учебных заведений. Тридцать тысяч российских кооперативов, потребительских и кредитных обществ, товариществ (это свыше 10 миллионов — вполне цивилизованных кооператоров) имели свои образовательные программы, издавали, проводили съезды, открывали школы и народные дома, распространяли «вольшебный фонарь» и передвижной кинематограф. В те годы только в средней полосе России для учителей и воспитателей издавалось тридцать пять журналов! Культурная среда, разветвленное, пестрое, многоукладное образование — та почва, без которой прогресс в обществе невозможен. К сожалению, эта азбучная истина была забыта. Но далеко не во всем мире.

Отто Амер, председатель совета школьных директоров Эстонии, говорит, что аналогичный совет в Финляндии справил уже свое сорокалетие. Имеет печатный орган, бюджет в один миллион марок, свой дом в Хельсинки. Совет Амера ничего этого пока не имеет; но по тому, как развертываются дела, думаю, что за финским образцом обязательно появится эстонский.

Гуманитарный институт в Таллинне — на кооперативных началах — уже появился. В нем читаются 54 цикла лекций по истории, философии, искусству, литературе, музыке, кино, теории родного языка, десяток иностранных, не считая древнегреческого и латыни... Все вместе это и составляет культурную основу программы регионального хозрасчета или, как говорят здесь, «самодумающей Эстонии».

И здешняя русскоязычная школа тоже должна думать, как вписаться в эти процессы, что вынести из культуры и что внести в нее. По сути своей, эта школа интернациональна, но не в том смысле, что обезличена. Одну из ключевых позиций развития школы Русское общество просвещения усматривает в необходимости освоения разных национальных культур учащимися разных национальностей — русскими, белорусами, поляками, татарами, евреями... Как именно это сделать в русскоязычной школе: обучать на родном языке в первом классе? Открывать воскресные школы при культурных национальных обществах? В стремлении решить сложные проблемы культурной школы волюно или невольню мы вновь обращаемся к истории.

Примечательный факт: учителя из Нарвы заметили, что эстонцы — старые нарвчане испытывают удовольствие, говоря по-русски. Оказывается, до войны здесь была русская гимназия (ее здание и сейчас стоит рядом с эстонской). Местные краеведы выяснили, что в них ежегодно проводились конкурсы научных работ, итоги которых объявлялись в католической и православной церквях. В одном из школьных документов того времени отмечается, что лучшее сочинение на пушкинскую тему написал ученик эстонской школы, а два русских гимназиста стали лауреатами премии эстонского фольклора. Снова убеждаемся, что культура не терпит перегородок. Вот тому еще одно убедительное доказательство: очаги русской культуры в Эстонии возникли в прошлом в центрах эстонской, вообще мировой культуры. Например, Тарту еще в начале тысячелетия стал центром проникновения в Эстонию древнерусской культуры. А в начале прошлого века с возникновением Тартуского университета началось бурное развитие и русского культурного центра, с которым связаны имена Жуковского, Языкова, Соллогуба, Далая... Да и сегодня вместе с эстонскими коллегами здесь трудится целая плеяда талантливых философов, филологов, профессоров, имеющих свои научные школы: одно имя пушкиноведа Юрия Лотмана многого стоит. Недавно здесь возникло и русское культурное общество. Понятно, что и русскоязычная школа здесь может быть особенной. Не отчуждаемой от культур других народов и в то же время построенная на родной культурно-национальной основе.

В этом состоит еще одна ключевая позиция развития русской школы в Эстонии. Ведь диалог отличается от монолога тем, что в нем на равных, интересуюсь друг другом, обогащаясь в общении, участвуют по меньшей мере двое. Два ученика, две культуры. А не ультиматумы. Не флаги над башнями и трубами.

помноженная на реальные боевые условия, заставляла окружающих видеть в каждом фотографе потенциального или реального шпиона. Кроме того, и фото-корреспонденты были плоть от плоти детьми своего времени, снимали в основном только успехи: трудовые, боевые, партизанские, тыловые — то, что могло быть опубликованным. В каждом из корреспондентов, и снимающих, и пишущих, сидел свой внутренний редактор, который говорил, когда надо расчехлять фотокамеру или доставать авторучку...

И все же, прорываясь через внешние и внутренние препоны, Михаил Иванович смог преодолеть и время, и себя и сделал целую серию правдивых и честных снимков о войне и о детстве.

В сегодняшней подборке фотографий М. И. Савина — дети пятидесятых, шестидесятых и семидесятых годов. Приметы времени в них не столь заметны, как в снимках военных, но внимательный глаз их увидит. Увидит он, несомненно, и другое — необыкновенную теплоту, с которой автор живописует (светописует?) своих юных героев. Это не только свойство характера Михаила Ивановича, но и своеобразная черта времени.

Снимки в подборке столь незатейливы, столь просты, что могут показаться излишне сентиментальными и даже нереальными — такого, мол, в жизни не бывает. Но эта простота изобразительного языка «работала» на правду: герой в них именно ребенок — не оптика, не свет, не антураж... Так что Михаил Иванович в конечном, главном, счете оказался прав — его снимки не только отразили время, они это время пережили.

...Планируя «Авторский почерк» М. И. Савина в августовский номер журнала, мы не знали ничего о предстоящем юбилее фотокорреспондента. 26 августа 1990 года Михаилу Ивановичу исполняется 75 лет! Из них он более полувека с фотокамерой. Мы поздравляем с юбилеем признанного мэтра фотографии и надеемся, что снимки его будут теперь частыми гостями на наших страницах.

Н. ТАЛЫЗИНА,
действительный член
Академии педагогических наук СССР

До сих пор и в науке, и в практике обучения существуют две противоположные точки зрения на природу человеческих способностей. Согласно одной из них, способности определяются наследственностью человека; обучение, в общем, бессильно изменить заложенный ею умственный потенциал. Следуя этому подходу, надо стремиться как можно раньше выяснить, каковы возможности детей и воздать «всем сестрам по серьгам» — учить каждого в соответствии с теми способностями, с которыми он родился. В самом деле, зачем мучить детей, не имеющих интеллектуальных способностей, сложными программами? Надо учить тому, что им доступно, что доставляет радость, а не слезы...

Однако скоро было замечено: измеренным с помощью тестов «высоким уровнем способностей» обладают преимущественно дети из семей, где ребенок имел возможность многое усвоить до поступления в школу. Да и житейский опыт любого человека с ясной очевидностью подтверждает: если не заниматься с ребенком, способности у него едва ли «прорежутся». Бывает, конечно, и такое — но редко.

Точка зрения, согласно которой наследственность есть лишь одно из условий становления способностей, но отнюдь не их гарантия, представлена в науке весьма весомо. Согласно этой точке зрения, человек не рождается с готовыми математическими или музыкальными способностями: он их может приобрести, только приобщившись к миру математики, к миру музыки. Не рассматривая подробно всех «за» и «против» в споре «наследственности» и «среды», отметим лишь: многолетняя практика тестирования не подтвердила фатальной зависимости способностей человека от наследственности и дала тем самым дополнительные аргументы в пользу социальной их природы.

В развитии способностей главную роль отводят обучению. Но всякое ли обучение ведет к формированию способностей? Вы понимаете, что вопрос этот — в значительной степени риторический: каждый припомнит — из своего ли опыта, или близких, — как неправильно организованное обучение, например музыке, математике, отбивает всякий вкус и склонность к этим предметам. К сожалению, в таких случаях родители и учителя сразу берут на вооружение первую из рассмотренных точек зрения: у ребенка нет, мол, к этому способностей — такая уж его природа...

Чем же отличается способный ребенок от неспособного? Представьте, что перед

СПОСОБНОСТИ И ОБУЧЕНИЕ

вами две девочки-первоклассницы; обе обучались письму и пока что усвоили по восемь букв русского алфавита. Давайте предложим им теперь еще одну букву, с которой они до сих пор не встречались. Одной из девочек потребовалось более тридцати повторных воспроизведений контура, чтобы научиться, наконец, писать букву правильно; вторая написала ее правильно с первого раза! Аналогичные результаты оказались и тогда, когда мы предложили им написать букву грузинского алфавита, нарисовать несколько предметов по картинке. Думаю, мы бесспорно признаем вторую девочку более способной. Как мы видим, и в этом и в других случаях о способностях человека судят по быстроте и легкости овладения новым материалом, по умению использовать имеющиеся знания в новых условиях, по умению самостоятельно найти решение задачи. Так проявляют себя способности с внешней стороны, в поведении, доступно наблюдению других людей. Ну а если попытаться «проникнуть вовнутрь»?

Для чего люди (и дети, в частности) учатся? Вопрос может показаться странным. Разумеется, для того чтобы иметь хорошие знания. А что это значит — хорошие знания? Что значит вообще — «знать»? Боюсь, этот вопрос для многих покажется неожиданным — но и затруднительным. А между тем одно и то же «знание» человек может «знать» по-разному. И здесь ключ — к пониманию природы способностей!

Вот, например, научные понятия, с которыми школьники и студенты имеют дело при изучении любого предмета. Когда ученик, к примеру, дает определение — «существительное — это...» — он, разумеется, обнаруживает знание. Но это вовсе не гарантирует, что завтра он не отнесет слово «беготня», как название действия, к глаголам: умея воспроизвести определение понятия, он далеко не всегда сможет распознать объекты, относящиеся к этому понятию. И точно так же знание геометрической теоремы может выступать лишь как умение воспроизвести ее формулировку и ранее заученное доказательство. Но ученик может и научиться применять эту теорему при решении каких-то задач или, наконец, «исходя из нее», научиться самостоятельно доказывать и другие теоремы.

Как видим, знать можно по-разному. Качество знания зависит от особенностей той деятельности, в которую оно включено, и от того, насколько широко включены эти знания в разные виды деятельности.

Так, выполняя действие по написанию буквы, ученик может ориентироваться на особенности, характерные именно для этой буквы. Научившись ее писать, он, в этом случае, ничего больше не приобретает. Но можно его деятельность сформировать так, что при воспроизведении буквы он будет «видеть» то, что характерно для любой буквы — составленность ее из «единиц» контура разного направления. В этом случае ученик, освоив несколько типичных букв русского алфавита, овладеет деятельностью, которая годится для воспроизведения не только любой буквы, но и любого контура вообще: ведь любой контур может быть разделен на определенное число отрезков относительно неизменного направления. Такое значение позволит ему ус-

пешно справляться с написанием букв любого алфавита: грузинского, арабского, латинского и т. д. Дети, обученные этой деятельности, начинают вдобавок и намного лучше рисовать. Вот про них-то уже можно и сказать, что у них есть графические способности. Таким образом, способность — это деятельность, которая ориентирована на то существенное, что лежит в основе большого числа частных явлений. И тот, кто овладел подобного рода деятельностью (сам или с помощью учителя), в дальнейшем без всякого обучения успешно справляется с любым частным явлением данного класса. И он считается способным!

Наоборот, если человек, решая отдельные, частные задачи, использует каждый раз деятельность, пригодную лишь для данного случая, при каждой встрече с новой разновидностью этих явлений ему придется словно бы сызнова учиться. И способным его едва ли назовут...

Итак, можно получить знания по математике, на йоту не развив математических способностей, не проникнув в сущность математики, не научившись думать математически, а ориентируясь лишь на внешние признаки математических явлений.

Остановимся теперь на условиях, которые необходимо соблюдать при формировании способностей у детей.

Во-первых, почти у каждой из способностей есть свой излюбленный, «золотой» возраст. Совершенно очевидно, скажем, что способности, связанные с усвоением нового языка, намного успешней формируются в дошкольном детстве, чем в студенческие годы. Если бы учитывали это в практике образования, то не тратили бы, во многом впустую, огромные силы и деньги на иностранные языки в высшей школе, а решали бы эту проблему в детсаду, где ребенок без всякого напряжения может освоить устную речь. Школа может внести свой вклад в чтение и письмо на иностранном языке. Высшая же школа должна лишь помочь в профессионализации иностранного языка, используя его в процессе подготовки специалиста.

Второе важное условие успешного формирования способностей тоже связано с возрастными особенностями детей, но оно — более общего характера. Для каждого возрастного этапа развития ребенка есть своя ведущая деятельность. Для детей от трех до семи лет таковой является игра; именно «играючи» в основном и происходит в эту пору развитие ребенка. К сожалению, не все родители знают это, а многим кажется, что самый верный путь развития — как можно раньше включить ребенка в учебную деятельность. Игра в их глазах — занятие несерьезное, ума в ней ребенок не наберет. А на самом деле — именно там он его и набирает! Чем полнее ребенок выражает себя в игре, чем щедрее предоставленные ему здесь взрослыми возможности, тем лучше и быстрее он подготавливается к деятельности учебной. И наоборот: если ребенок «не доиграл», его могут ждать немалые трудности. И нередко оказывается необходимым вернуться к игровой деятельности — и с ее помощью сформировать те способности, которые необходимы для успеха в школе.

Очень важным условием развития способностей является также правильный выбор узловых звеньев и последовательности

продвижения в той или иной сфере, человеческого опыта. Как часто родители с гордостью демонстрируют, что их четырехлетний сын или дочь умеет считать до десяти; знает, что если к одному прибавить один — получится два и т. п. Обычно именно с этого и начинают математическое образование детей. На практике же оказывается, что за этими умениями ребенка, как правило, ничего собственно математического не содержится — все это он запомнил чисто механически. Да и в школьном возрасте нередко можно наблюдать нечто подобное. Вот третьеклассник бойко складывает два числа «столбиком»; но оказывается в полном недоумении, если его спросить, почему, когда у него получается, допустим, семнадцать, он семь пишет, а один — «замечает»? Нельзя ли наоборот: один написать, а семь «замечать»? В ответ он лишь пожимает плечами или говорит, что «так объясняла учительница».

Для того, чтобы ребенок успешно овладел начальной математикой — был способен к ней! — начинать работу надо совсем с другого. Главное здесь — это понятие числа, принцип построения системы числения и некоторые другие. Начало начал — число! А в нем главное — что оно обозначает отношение того, что измеряется к тому, чем измеряется. Вот этого-то учащиеся часто и не понимают! Покажите ребенку карандаш и спросите: «Сколько?» Он, не колеблясь, ответит: «Один». Этот ответ верен лишь в том случае, когда единицей измерения является отдельность. Но ответ должен быть совсем другим, если вопрос касается длины карандаша, его веса и т. д. И человек, правильно усвоивший понятие о числе, должен в данном случае ответить на вопрос вопросом: «А чего сколько?» Если вы такому ученику скажете, что вас интересует, допустим, вес, то он обязательно задаст еще вопрос: «А какой мерой будем пользоваться?» Действительно, вес можно измерить в миллиграммах, граммах и т. д.

Для того, чтобы ребенок оказался способным усвоить понятие числа, начинать его подготовку надо с выделения свойств в предмете, их дифференцировки. Вот посмотрите, как иногда ведут себя даже ученики второго класса...

Ученику предъявляются две совершенно одинаковые бутылочки с длинными узкими горлышками, наполненные подкрашенной водой до одного и того же уровня.

Между учеником и экспериментатором происходит следующий диалог:

— Саша, скажи, пожалуйста, в бутылочках одинаковое количество жидкости или не одинаковое?

— Одинаковое.

— Посмотри внимательно, где тебе кажется меньше или больше?

— Нигде.

— Значит, одинаково?

— Да.

— Ну хорошо. А теперь посмотри, что я сделаю: возьму вот эту бутылку и переверну (экспериментатор ставит одну из бутылочек на горлышко). А теперь одинаковое количество жидкости в бутылочках или нет?

— Нет.

— А где меньше, где больше?

— Здесь больше (показывает на перевернутую бутылочку).

— Ты уверен в этом, Саша?
 — Да.
 — А если я опять поставлю бутылочку вот так (экспериментатор ставит бутылочку на донышко), то теперь как?
 — Поровну.
 — А если я теперь переверну бутылочку (первая бутылочка ставится на горлышко)?
 — Здесь (показывает на первую бутылочку).
 — Ты уверен?
 — Да.
 — Что за нелепость — скажете вы — ведь он же видит, что вода никуда не отливается, — почему же он считает, будто ее становится меньше то в одной бутылочке, то в другой?

А дело-то в том, что не различает в данном случае ученик двух свойств: объема жидкости, который остается постоянным, и ее уровня в бутылочке, который меняется при перевертывании. Лишь научившись выделять и дифференцировать свойства предметов, ребенок сможет перейти к измерению величин! Работая с разными мерами, большими или меньшими, он легко поймет зависимость числа как от измеряемой величины, так и от выбранной меры; усвоит, что при измерении одной и той же величины разными мерами можно получить разные числа.

Сходное положение — с подготовкой детей к изучению языка, к письму. В семье стремятся как можно скорее научить ребенка различать буквы, писать отдельные слова. В этом больше вреда, чем пользы, если перед тем ребенок не научен звуковому анализу слов, ориентировке в пространстве по отношению к определенным точкам отсчета, не владеет мелкой мускулатурой руки и т. д.

Звуковой анализ слов — основа и чтения, и грамотного письма. Если начать с букв, то для ребенка звуки будут выступать как названия букв (а это неверно!); такое обучение приведет его к буквослагательному чтению, к пропуску букв при письме и другим трудностям. Другими словами, неверное начало в обучении — путь в беспосильные ученики.

Особенно много неудач бывает с музыкой. Как часто развитие музыкальных способностей начинается с нот и игры по ним на пианино... Хорошо ли это для развития, например, звуковысотного слуха? Вводит ли это ребенка в мир музыки, в мир искусства вообще?

Исследования показали, что приобщение к музыке надо начинать не с «прикрепления» ребенка к тому или иному инструменту, не с игры по нотам. Дело в том, что ноты избавляют человека от ориентировки на звуковые образы, а игра на пианино, где высота звуков фиксирована, не стимулирует развитие звуковысотного слуха. Вот почему начинать надо с пения, с подстраивания голоса под задаваемые звуковые образы. А если выбирать исходный инструмент, то в этом отношении гораздо полезнее скрипка, где нет фиксации высоты. Еще лучше, когда ребенок имеет доступ к разным инструментам, когда движется не от готового музыкального произведения, а от действительности к музыке: вслушивается в капель, в зимнюю вьюгу, бой часов, ворчанье собаки, мурлыканье кошки... и т. д. И, слушая то или иное

музыкальное произведение, он ищет, где и как эти звуки изображены. Постепенно дети дифференцируют звуки по тембру, ритму, высоте, длительности, силе, учатся определять, какие инструменты больше подходят для изображения тех или иных звуков (вьюги, колокольчика, рева медведя и др.). Пианино же осваивается уже после всех этих занятий. Важно и то, чтобы дети, параллельно с музыкой, для изображения одной и той же действительности использовали рисование, стихи. Это дает возможность раскрыть перед ребенком разные средства изображения действительности, показать в них и общее, и особенное.

Важнейшее правило приобщения ребенка к той или иной области человеческого опыта — начинать надо не с каких-то отдельных, конкретных знаний и частичных умений, а с общих способов работы.

Способности человека обычно делят на общие и специальные. Разница между ними состоит в том, что специальные способности связаны с теми или иными специфическими областями: математикой, музыкой и т. д. Общие способности помогают человеку при работе в любой области. К их числу относятся организационные способности, поисковые, способность к логическому мышлению и т. д.

Формированию этих способностей обычно не уделяется должного внимания. Они оказываются на положении «бесхозных»: каждый учитель, обучая своему предмету, стремится плохо или хорошо, но формировать способности учащихся, необходимые для изучения данного предмета. Общие же способности остаются в стороне. А именно их отсутствие и вызывает нередко трудности в изучении тех или иных предметов. Так, например, изучение математики с первого же класса предполагает овладение целым рядом логических приемов мышления: подведение под понятия, сравнение, выведение следствий... Обследование детей, закончивших первый класс, показало, что эти приемы мышления у большинства из них остались не сформированными. Это означает, что математика усваивалась этими детьми не на должную глубину: ребенок вместо рассуждения брал памятью. И этим ученикам пока закрыт путь и к сути математики, и к увлечению ею.

Все сказанное означает, что при любом обучении, при изучении любого предмета главной заботой учителя должно быть формирование основных видов познавательной деятельности — как общих, так и специальных. Успех в решении этой задачи во многом зависит от учета возрастных особенностей обучаемых, от знания учителем законов усвоения.

Овладевая такими видами деятельности, ученик ориентируется на существенные особенности, лежащие в основе широкого круга явлений. В этом случае он оказывается способным самостоятельно продвигаться по разным направлениям как в этой области, так и за ее пределами.

КАК БЫТЬ

В математике известно доказательство «от обратного» или — «от противного». Вот так, «от обратного» и построены заметки А. Варги. Слово противный здесь тоже к месту — оно больше всего подходит для очистки «процесса воспитания». А результат его, в лучшем случае, можно назвать печальным, в худшем — ужасным.

«Ужас-то в том, что непонятно, зачем они нужны. Лично вот тебе. Что они приносят в мир, кроме усталости, досады, несбывшихся надежд. Ты думаешь, твой сын будет президентом или мясником в соседнем магазине, а он, сопляк, в грязных штанишках. И нет никаких в нем задатков ни президента, ни мясника. На него надо тратить уйму денег и времени, а отдачи никакой. Все время думаешь, что без него было бы лучше. Или не думаешь всерьез, а так, какая-то серая мышишка покопшилась за ушами и пропадет, а осадок останется — стыд и горечь. Материнская любовь, все ради нее. Вот уж глупо».

Из разговора на приеме у психолога

Воспитание детей в наше время — серьезная проблема. Этому учат в книгах и с экранов телевизоров, предлагают разные теории воспитания, включая Руссо, Корчака и доктора Спока. Видимо, это прогресс. Так же, как рост детских домов, жестокого обращения с детьми, количества родителей, лишенных родительских прав. Диалектика...

Как получаются безвольные дети

Формирование безвольного характера нужно начинать в тот момент, когда ребенок пробует самостоятельно передвигаться.

Не давайте ему свободно ползать по полу — пусть сидит в манеже; так будет обеспечено необходимое ограничение свободы. Когда малыш начнет ходить — водите только за руку. Очень способен делу, если внушать ребенку чувство опасности окружающего мира. Для этого надо систематически повторять: «Осторожно, упадешь, голову разобьешь, ручки-ножки сломаешь».

Не давайте ребенку есть самому. Во-первых, он весь перемажется и запачкает стол и пол — значит, вам лишняя работа. Во-вторых, стремление делать что-либо самостоятельно приводит к выработке ини-

А. ВАРГА,
кандидат психологических наук

ПЛОХОЙ МАТЕРЬЮ

циативного характера, а этого надо обязательно избегать. Так что кормите с ложечки. Ручки ребенка можно бинтом привязать к телу: чтобы он, неряха, не пытался выхватить у вас ложечку или брать пальцами еду с тарелки. Кормить насильно не рекомендуется: можно добиться полной потери аппетита и заболеваний желудочно-кишечного тракта, а это в данном случае не входит в нашу задачу. Итак, кормите сами с ложечки и приговаривайте: «Не трогай ложечку, подавишься; не бери вилочку — язычок проколешь, в глазки попадешь, ослепнешь». Эти ключевые фразы можно говорить ребенку любого возраста. Даже если он еще не понимает смысла слов, он все равно почувствует тревогу в вашем голосе, увидит ее в ваших глазах. Кстати, следите за выражением лица и тоном голоса: уместнее всего визгливый голос, повышенный тон, быстрая речь, бледное лицо, расширенные зрачки, резкие, быстрые прикосновения... Если на прогулке ребенок стоит рядом с вами, обнимая вас, держится за вашу руку, не хочет играть с детьми — его можно похвалить: «Молодец, стой рядом с мамочкой, не ходи в песочек, детки глаза песком засыпят, игрушки отнимут».

Спите с ребенком в одной комнате и, когда он просыпается среди ночи, кидайтесь к нему с громким криком: «Что случилось, ты заболел?» Утро полезно начинать вопросом: «Что у тебя болит?»

Если ребенок говорит: «Ничего», не принимайте это во внимание — щупайте лоб, ставьте градусник, загляните в горло.

В детский сад (про ясли и говорить нечего!) ни в коем случае не отдавайте. До школы ребенку лучше всего находиться дома вместе с бабушкой, — она-то уж подержит принятый в семье стиль воспитания. К поступлению в школу ребенку надо уметь прыгать через скакалку, кататься на двухколесном велосипеде, плавать. Желательно избежать всяких путешествий, — зачем ребенку обилие впечатлений? Словом, самое важное, чтобы в школу он пошел с двумя твердыми убеждениями: 1. мир — страшное место, полное бед и опасностей; 2. я — самый не защищенный человек в этом мире.

Если раньше все было сделано как надо, у ребенка по мере накопления школьного опыта обязательно сформируется низкая самооценка. Он будет думать, что он хуже всех в классе, постарается ни на что не претендовать. Если ему будет грозить не-

успех в каком-либо деле, он будет стараться не делать его вовсе. Например, не отвечать у доски, не писать классных и контрольных работ. Разумеется, уроки следует делать вместе с ребенком с первого до последнего дня школы. Помогая ребенку делать уроки, не забывайте напоминать ему в любой форме, что он глуп, ленив, туп и вообще... Также следует по-прежнему не одобрять и запрещать любые проявления самостоятельности; но непременно требовать, чтобы он в чем-либо да отличился. Не пускайте гулять одного, провожайте в школу за руку, осматривайте карманы, портфель, ящики письменного стола, не отправляйте в пионерский лагерь; но при этом ставьте в пример бойкого Петю (Колю, Машу...) и, главное: требуйте отличной учебы, примерного поведения на уроках.

Поставленный в условия противоречивых требований, с младенчества испуганный, поневоле робкий, с низкой самооценкой, ребенок отбросит последние стремления к самостоятельности. Прекрасный результат!

Чтобы сын не женился, пока жива его мать

Это задача трудная, но выполнимая. Стоит постараться! В самом деле: до старости рядом преданный друг, сильный, молодой, воспринявший и усвоивший ваши ценности, ваши идеалы, живущий по вашим меркам, смотрящий на мир вашими глазами. Завидная жизнь, чудесная, покойная старость...

Есть, однако, некоторые условия, которые необходимо выполнить для успеха нашего предприятия. Во-первых, мама должна быть несчастна в личной жизни. Годится все: и не очень счастливый брак и просто одиночество. Во-вторых, необходимо оставить всякие попытки устроить свою личную жизнь. Если еще при этом безропотно и настойчиво выращивать из мальчика собственную надежду и опору, то все как раз и получится.

Начинать надо рано, безусловно еще до школы. Ни в коем случае не поощряйте дружбу с другими детьми. Это просто недальновидно. Все эти «друзья», на самом деле, ваши конкуренты. Смело находите их слабые стороны и без стеснения указывайте на них своему ребенку: «Зачем ты хочешь к Пете в гости? Он такой шумный, все время обижает тебя, игрушки не дает». Или: «Не надо звать Васю к нам, сыночек, он в прошлый раз твою

машинку сломал». Общие правила такие. Правило № 1. Своего ребенка хвалите: «Ты у меня хороший», а всех других детей ругайте: «Они все плохие», ругать не обязательно грубо, можно доверительно, интимно. Это даже лучше так заговорщически обсудить с малышом лет пяти, какие его приятели гадкие, просто мизинца его не стоят.

Это правило (одно из самых важных!) должно неукоснительно проводиться в жизнь всегда — в школе, в институте, на работе, — но по отношению к друзьям мужского пола. По отношению к девочкам и девушкам придерживайтесь правила № 2. Внушайте исподволь недоверие и брезгливость: «Тебе не кажется, что она хочет посмеяться над тобой?», «Мне очень понравилась Тата, Катя (и т. п.), но извини, милый, по-моему, она совершенно не чистит зубы». Или: «Она редко, по-видимому, моется, от нее дурно пахнет». Или: «Она дурно воспитана, чавкает за столом». Годится в такое: «У нее грязное платье, грязные волосы...» и так далее. Материнское сердце подскажет вам нужную фразу. Когда подружки подрастут, ваши средства должны стать более тонкими, на вооружение берется легкая ирония. «В прошлый раз, когда у нас была Лена, ты совершенно напрасно завел со мной разговор о... (балете, музыке, книгах — что-нибудь в этом роде). Ей было скучно, она в этом не разбирается, и просто невежливо было утомлять ее». Если же девочка очевидно более образованна, чем вы с сыном, то годится другой ход: «Сыночек, она заскучет с нами, ей бы все об умном, а мы с тобой — простота».

Вы заметили, что в приведенных формулировках всегда «мы» и никогда «ты» — «у нас», «с нами»? Это совершенно не случайно! Самое главное семейное Мы: вы и сын, а все остальные — Они. Не к тебе в гости, а к нам в гости, не твои друзья, а наши друзья. Смело стройте маленькие заговоры против друзей и любимых девушек вашего ребенка, стойте на страже этого Мы.

Еще немного о стратегии действий на внешнем фронте. Никогда не поддерживайте недовольства и жалобы на вашего мальчика посторонних людей: ни воспитателей детского сада, ни школьных учителей, ни соседей, ни тренеров, ни даже бабушек и тетюшек. Ваш союз не потерпит такого предательства. Ругать мальчика позволительно только вам: от назиданий

и упреков, идущих «снаружи», его надо оберегать — независимо от того, справедливо недовольство или нет. Ребенок ленится, не делает ни домашнюю, ни классную работу? А как ее сделать? Программа в школе сумасшедшая, и на дом задают неприлично много. Бедному ребенку невозможно ни отдохнуть, ни погулять. Здоровье дороже! (Про классную работу вообще не стоит говорить. Если ребенок не делает классную работу, то в этом виноват педагог — не может найти подхода, знаете ли!) Лучше всего защищать сына публично и в его присутствии, выслушайте невольно все жалобы, не горячитесь, не перебивайте; а затем веско, достойно дайте отпор. Намек на недостаток профессионального мастерства бьет наповал во всех случаях, когда вы разговариваете с учителями, воспитателями, тренерами. Если докучают соседи или родственники, то, выслушав все и прямо глядя в глаза собеседнику, спросите тихим голосом: «Скажите мне теперь, что же на самом деле вы имеете против моего мальчика? Я давно замечаю, что вас (тебя) прямо-таки корчит при встречах с ним. Стыдно преследовать ребенка своей ненавистью». Горестно замолчите и ни за что не вступайте в разговор по существу. Неважно, что ваш сын действительно набедакурил. Дайте понять противнику, что все его жалобы — ерунда, на самом деле он, по всей вероятности, просто садист, и ему доставляет удовольствие мучить вас и ребенка. Еще раз напоминаю: делать это надо в присутствии сына! Это поможет вам убить сразу двух зайцев: показать себя его верной сторонницей и заступницей и одновременно внушить идею, что весь остальной мир жесток, несправедлив и враждебен.

Даже самый глупый и доверчивый ребенок при таком подходе к воспитанию поймет, где для него надежная пристань.

Осталась еще пара правил поведения дома, на внутреннем фронте. Первое: создавайте сыну полный комфорт. Обстирывайте, поите, кормите, одевайте. Не в том смысле, что надо покупать много новой и модной одежды — это хорошо, но это не главное. Буквально — одевайте, особенно если мальчуган спешит. Завязывать шнурки в ботинках стоит лет до шестнадцати (это же касается и пуговиц). Помогайте мыться в ванне до зрелого возраста и решительно пресекайте все попытки посмущаться и постесняться. Все это надо делать с восхищением. Слова «красавец» и «умница» должны произноситься часто, но разнообразно. Драматическим шопотом в спину, когда сын уходит в школу, как бы незначая, когда вы слушаете его рассказы. Но главное — со страстной убежденностью — и перед сном, и даже когда ребенок спит. Возможности внушения во сне не стоит преуменьшать!

Второе: не превращайтесь в прислугу. Это сильно снизит моральную цену вашего ухода за сыном. Необходимо иметь внутренний мир и делиться им с ребенком. Для внутреннего мира годится все: рассказы о разговорах в очереди и о прочитанных книгах, об интригах на работе и спорах с приятельницами, о кончившихся перед самым вашим носом французских сапогах и о ваших научных изысканиях.

Лишь одного не должно быть в вашем внутреннем мире: кавалеров и ухажеров. Единственный близкий вам мужчина — ваш сын. Иногда ему стоит намекать на эту вашу жертву.

Третье: не бойтесь демонстрировать женские слабости. Нужно дать возможность ребенку почувствовать себя мужчиной. Беспочинная слабость с головной болью и неспособность вбить гвоздь — это банальные женские слабости. Капризы — вот где нужно творчество и вдохновение. Пусть подтыкает вам на ночь одеяло, ведь у вас мерзнут ноги. Пока он этого не сделает, вы просто не можете заснуть. Смущайтесь, называйте это глупостью, просите не обращать внимания; но при этом будьте уверены, что он не посмеет задержаться вечером в гостях. Итак, капризы, особенно те, которые ограничивают свободу сына — это венец всего предприятия.

Следуя нашим рецептам аккуратно и неукопительно, вы обеспечите себе спокойную старость и внесете свой посильный вклад в демографическую проблему.

Золушка в вашем доме

Стоит ли объяснять, чем удобна прислуга? Нашу многотрудную жизнь помощница по хозяйству могла бы очень и очень облегчить. Но, увы, прислуга — призрак прошлых времен: в наше время ее не найдешь, а если найдешь, так за бешеные деньги, да и то воровку. Выход один — создать ее самим, вырастить в собственном доме. Для этого годится ребенок, желательно женского пола. Предпочтительно — ваша родная дочь; она, по крайней мере, всегда под рукой. Правда, при такой тонкой работе, как создание бесплатной прислуги, нужно соблюдать множество условий.

Во-первых, необходимо иметь соответствующую идею, которая позволит объединить в одно целое родное дитя и прислугу. На такую роль вполне годится идея трудового воспитания. Для начала забудем о том, что прислуга нужна как воздух. Лучше обратите свое внимание, как балуют детей современные родители.

Просто чудовищно балуют! Иная девушка, выходя замуж, не знает, как яйца сварить. Дети от безделья чумуют: слушают рок-музыку и впадают в преждевременное половое созревание. Так и в подоле недолго принести. Наши бабки работали с младых ногтей, жили долго, умирали совершенно здоровыми и за эту долгую трудовую жизнь очень много успевали: вырастить детей, похоронить пьяницу-мужа, вести хозяйство, а также — беспощадно поднимать промышленность и сельское хозяйство. Словом, плюсы трудового воспитания очевидны.

Кроме того, вы не лошадь, чтобы, наломавшись восемь часов на работе, потратив время на дорогу, начинать снова вкалывать дома. Тем более что муж совершенно не считает нужным помогать по хозяйству: он, ясное дело, тоже устает на работе.

А тут как раз дочка подрастает. Сразу оговоримся, на роль Золушки годится не всякий ребенок. Только счастливые совпадение характеров матери и дочери даст нужный эффект.

Чтобы стать качественной Золушкой, дочка должна обладать чувствительным

характером. С детства должна отличаться робостью и боязливостью, страшиться темноты, собак, бояться быть одной дома. Не любить шумных игр и бойких подруг, стесняться незнакомых, быть послушным, «домашним» ребенком. Упреки и наказания должны вызывать слезы и отчаяние. На этом фоне быстро развивается повышенное чувство долга и ответственности. Все эти свойства глупо не использовать! Жесткое, требовательное, холодное отношение — вот что требуется от вас. Не бойтесь перестараться. Такие девочки обожают своих родных, даже если их каждый день пороть «просто так». Будьте непреклонны, не впечатляйтесь детскими слезами, года в три будущая Золушка должна уметь не только самостоятельно одеваться и раздеваться, стелить свою постель, но и: подметать пол, протирать его мокрой тряпкой, стелить постель своим родителям, подавать маме и папе тапки. Если во время уборки девочка испачкает свое платье — сурово накажите. Бить, впрочем, не обязательно, достаточно строгого выговора: слезам и раскаянию конца не будет, а ваша принципиальность будет вознаграждена робкой, но преданной любовью. Не надо много игрушек и одежды, не забывайте, что это глупый расход: игрушки поломаются, а из одежды дети быстро вырастают. Лучше всего покупать на вырост и следить за тем, чтобы платье бережно носилось. В первом классе девочка должна ходить за покупками, убирать жилье, мыть посуду, готовить для вас завтрак. Конечно, всему, этому ее все же придется научить, потратить свое время и силы. Что делать, вынужденные неудобства... Никогда не хвалите за сделанное: ведь это то, что само собой разумеется.

А вот за лень, за нерасторопность наказывайте методично. Не стоит заставлять девочку быть отличницей, достаточно того, чтобы она училась без троек. Не мучайте ребенка спортом и занятиями в кружках. О прогулках с подружками не может быть и речи — все это ее личные дела, они делаются во вторую очередь. А вот общесемейные дела — прежде всего! Осталось время от покупок и уборки — пусть помое лишний раз плитку, дверные ручки протрет, по плинтусам пройдет — все лучше, чем без дела сидеть.

Наша Золушка взрослеет, силы ее растут. В подростковом возрасте она делает все то же самое, что и раньше. И вдобавок готовит обеды, моет окна, стирает покрывала и занавески, а также вещи всей семьи. Наконец-то вы можете вздохнуть спокойно. Ваши труды вознаграждены: готовая бесплатная прислуга тут как тут. Теперь можно и принца поджидать для нашей малютки. Он не заставит себя долго ждать.

Это тот самый завсегдачный винного отдела ближайшего магазина, который давно присмотрел себе это кроткое, безропотное существо в еженедельных очередях. Не исключен и незаконнорожденный внучок, зачатый в подвале или подъезде, ну, может быть, под кустом. А что же удивительного? Запуганная, неразвитая, лишенная общения со сверстниками, не успевшая ощутить себя не то что хорошенькой девушкой — просто человеком — самая подходящая подружка для такого принца.

У НАС В ГОСТЯХ-

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Сегодня в «Семье и школе» — гость из Академии наук СССР — «Психологический журнал». Что же это за журнал, и что он печатает?

Это — журнал научный, он им, по всей видимости, и останется. Но все больше и больше, вот уже несколько лет, в нем публикуются материалы, которые с немалым интересом читаются всеми. И ценны они, помимо всего прочего, своей научной достоверностью, точностью. В то же время мы, редакторы, боремся за то, чтобы язык сугубо специальных статей был более-менее понятен обычному читателю. Лично я всегда лелею надежду на то, что нашим журналом заинтересуется невзначай какой-нибудь любопытный мальчишка, который, возможно, затем сделает революцию в психологической науке.

Есть еще одно неоспоримое преимущество научно-журнала, в данном случае «Психологического», — приводимый в конце каждой статьи довольно обширный список литературы по теме, который поможет более углубленно изучить тот или иной предмет, найти дополнительные сведения. Ну вот, возьмем одну из статей, посвященную особенностям мифов, которыми потчевали наш народ в период культа личности Сталина. Статья называется «Великий психолог» (1989, № 5), в ней рассматриваются черты мышления самого Сталина. За умение манипулировать массами, отдельными людьми, управлять их чувствами, мыслями, поступками, играть и заставлять верить их в эту игру — автор называет Сталина «великим психологом». Здесь приводятся высказывания многих людей (дана также обширная библиография), в том числе представителей давно минувших дней, например Д. Макиавелли, жившего несколько столетий тому назад, который писал, — и, думаю, Сталин воспользовался этой мыслью: «Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят одновременно, однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбирать страх» (1989, № 5, с. 115).

А вот другая тема, которая всех нас взяла в тиски и держит в них до сих пор. — телепсихотерапия А. М. Кашпировского и А. В. Чумака. В № 3 за 1990 год в «Психологическом журнале» опублико-

ван большой материал об этом. Это запись дискуссии «Телепсихотерапия: пределы реального», в которой приняли участие академики, члены-корреспонденты, доктора наук, представители прессы, телевидения, искусства. Как они рассматривают этот феномен, что говорят об этом? Тут надо сказать, прежде всего, вот о чем. Современный, терзаемый сложностями сегодняшней нашей жизни человек ищет и ждет утешения; а на него нынче тоже дефицит. Кроме того, у него «срабатывает» жажда чуда. Велик и авторитет средств массовой информации, в данном случае телевидения. Все это во многом способствовало пленению телепсихотерапией. Впрочем, никакой психотерапии, по мнению ученых, здесь нет, как как нет взаимного контакта между врачом и пациентом (врач не видит больного, не корректирует их состояние). Есть только самовнушение! В материале приводятся результаты медико-психологических исследований последствий от этих сеансов. Многое в этих данных тревожит. Но отмечается и то, что сеансы телепсихотерапии — это социальные феномены, которые требуют дальнейшего серьезного изучения.

Будет интересно познакомиться с опубликованным письмом одного из читателей (у нас есть рубрика «Мнения. предложения читателей»), которое озаглавлено: «Через воспитание и самовоспитание — к здоровью» (1988, № 5). В нем он пишет: «Обычный путь к оздоровлению лежит через болезни и страдания. Проще сохранить здоровье, но как убедить человека в этом? Почему так редко обращаются к этому пути? Кто поможет выработать обоснованную психологическую убежденность в необходимости оздоровления?» (с. 158). Далее он говорит о том, что у нас не созданы программы оздоровления, забыто такое направление медицины, как профилактическое. И далее: «Статистика показывает, что от 50 до 80 процентов людей в стране — это те, кто не здоров и не болен, а находится в так называемом промежуточном, третьем состоянии. Активность, работоспособность, производительность этих людей ущербны, они не могут работать с полной отдачей и высокой ответственностью за свой труд. Нас угнетает также и то, что масса людей еще имеет

тягу к курению и пьянству. Это постоянный источник для пребывания в третьем состоянии» (там же).

О курении — еще одна информация... Сотрудники ВНИИ центра профилактической медицины МЗ СССР в опубликованном письме (1989, № 2) сообщают: «...Лишь 28,7 процента опрошенных указали, что курение подвергалось со стороны коллектива негативным санкциям (в семье эта цифра составляет 76,8 процента); 44,8 процента респондентов указали, что «коллеги по работе курят вместе с ними» (в семье же такое совместное «временное сопровождение» не поощряется)» (с. 151). Кстати, в том же материале приводятся еще некоторые любопытные данные: «Существует взаимосвязь между удовлетворенностью отношениями в производственном коллективе и частотой заболеваемости. Так, среди тех, кто удовлетворен отношениями в своем коллективе и ни разу не болел за последний год, 50,8 процента; среди тех, кто не удовлетворен отношениями и не болел, всего 4,3 процента» (там же).

Вновь вернемся к письму, с которого мы начали разговор о здоровье, где автор сокрушается по поводу отсутствия в нашей стране «действенных программ оздоровления» (1989, № 5, с. 158—159). Являясь активным пропагандистом здорового образа жизни, он рассказывает: «Пять лет тому назад на Центральном стадионе имени В. И. Ленина мне удалось организовать Народный университет физической культуры и здоровья, с тем чтобы обучать науке о здоровье сразу сотни людей. Программой университета явилось изучение и практическое освоение элементов физической культуры. Результаты не заставили себя долго ждать: в каком бы возрасте люди, измученные долгими и тяжелыми недугами, ни прибегали к занятиям физической культурой в ее комплексном понимании, они начинали прямо на глазах оживать и расцветать. Происходит неспецифическое, общее оздоровление организма как саморегулируемой, самонастраивающейся и самосовершенствующейся системы. На помощь человеку, обездвиженному, незакаленному, дышащему неправильно, не умеющему регулировать свое психическое состояние и, наконец, неверно питающемуся, приходит при-

рода... Человек обретает здоровье и активное долголетие» (с. 158—159). Автор предлагает создать Государственный совет с большими полномочиями и возможностями. Далее он пишет: «Но и этого недостаточно. Решающую роль здесь должны сыграть психологи. Только им по силам раскрыть потребность каждого человека в оздоровлении в современных условиях... Возможности психологов здесь не просто велики, они безграничны. Разработка данных вопросов — это решение важнейших социальных проблем. Может быть, вначале следует заинтересовать людей просто самовоспитанием... Надо преодолеть психологический барьер, мешающий оздоровлению огромной массы, главным образом городского населения, лишенного физического труда» (с. 159).

А вот выдержка из письма, присланного нам из США: «Настало время обратить внимание на проблему, как лучше человеческой психике противостоять усиливающимся воздействиям со стороны все усложняющихся технологий, все усложняющейся общественной жизни». Далее в нем говорится о том, что человеку необходимы упражнения для укрепления психики, улучшения его психологических качеств. «Ежедневные упражнения для психики, — делится своим опытом американский автор, — могут быть так же полезны, как и упражнения физические, которые, надеюсь, многие из нас делают по утрам». И далее: «Для каждого человека определенного склада характера, имеющего определенную профессию, необходимы индивидуальные программы, базирующиеся, однако, на общем системном подходе. Как дорожная карта поможет вам сориентироваться на местности, так и образное воспоминание об успешном действии, будь то хорошо проведенное вами совещание, быстрое овладение игрой на инструменте, иностранным языком — мы называем это образами мастерства, поможет вам обрести чувство уверенности в успехе и его добиться... Мысли несут мощный заряд, способный активно содействовать формированию общего здоровья, повышению работоспособности... В спорте — это мысленная тренировка, в медицине — управляемое воображение, снятие стресса, в педагогике — ускоренное обучение... Каждый из перечисленных способов призван поддерживать высокую психическую и физическую форму посредством направленного мысленного сосредоточения... Осваивает новые подходы и педагогика. Техника ускоренного обучения, к примеру, связывает звуковые ритмы с навыками образного мышления... Мысленное сосредоточение... образное мышление, тренируемое особым способом, — эффективное средство для повышения уровня образования, работоспособности, улучшения здоровья».

...Неблагополучна наша армейская жизнь. Все чаще можно слышать о социальной незащищенности военнослужащих, о таком явлении, как «дедовщина». Предлагаем вашему вниманию — «Дедовщина: социально-психологический анализ явления» (1990, № 1, с. 109—116). «Социально-психологические предпосылки

военной реформы» (в наборе).

Одна из последних тем в нашем обзоре — слепоглухонмота. В «Психологическом журнале» публиковалась статья «Проблемы формирования и саморазвития личности в условиях слепоглухоты» (1988, № 5, с. 97—106), в которой автор А. В. Суворов, слепоглухой человек, размышляет над путями преодоления трудностей в практике воспитания и обучения слепоглухонемых людей. В ответ на эту публикацию пришли читательские отзывы. Вот выдержка из одного из них: «...Меня потряс высокий уровень интеллекта и философско-психологической культуры, который удалось достигнуть этому «слепоглухому» человеку. Ставя кавычки, я хочу подчеркнуть, что этот комплекс физических недостатков не помешал ему подняться в способности мирозерцания выше подавляющего большинства людей. Это невероятно! Даже простое наблюдение за этой незаурядной личностью является для нас сверхценным, не говоря уже о том, что опыт и исследования проблематики «сотворения» мира личности — это, безусловно, бесценный вклад в науку человековедения» (1989, № 2, с. 150).

Проблемам слепоглухонмоты посвящены и еще два материала: «История выдающегося эксперимента: мифы и реальность» (1988, № 5, с. 107—116) и «Дифференциальный подход к проблеме слепоглухонмоты» (1989, № 3, с. 144—146).

Напоследок хочу еще сообщить о том, что на страницах журнала публикуются ответы психологов на различные вопросы читателей. Какие же вопросы интересуют читателей? Самые разные. Например: «Могут ли быть особенности психики человека заложены в его генах еще до рождения?» (1988, № 5, с. 161). Психолог дал развернутый ответ. Задавайте и вы их, дорогие читатели. Пишите нам. Наш адрес: 129366, Москва, И—366, ул. Ярославская, 13, редакция «Психологического журнала». (Индекс журнала для подписки — 70742. Периодичность издания — один раз в два месяца. Количество страниц — 175. Цена одного экземпляра — 1 р. 70 коп.)

Желаю здоровья и добрых дел!

В. АРТАМОНОВ,
редактор отдела общей психологии
«Психологического журнала»
АН СССР.

*Мы предлагаем
внимание наших читателей
опубликованную
«Психологическим журналом»,
впервые на русском языке,
31-ю лекцию из книги Фрейда
«Лекции по введению в психоанализ».
Речь в ней идет об одной
из центральных идей учения Фрейда —
о его понимании
психической структуры личности.
Текст публикуется
с незначительными сокращениями.*

РАЗДЕЛЕНИЕ ПСИХИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Уважаемые дамы и господа! Я знаю, что в своих взаимоотношениях с лицами или вещами вы сами определяете, что является исходным пунктом. Так было и с психоанализом: для развития, которое он получил, для отклика, который он нашел, было безразлично, что начал он с работы над симптомом, самым чуждым для Я элементом, который имеется в душе. Симптом происходит от вытесненного, являясь одновременно его представителем перед Я, но вытесненное для Я — это чужая страна, внутренняя заграница, так же, как реальность (разрешите такое необычное выражение) — заграница внешняя. От симптома путь лежал к бессознательному, к жизни влечений, к сексуальности, и это было время, когда против психоанализа выдвигались глубокомысленные возражения, что человек — существо не только сексуальное, но знаком и с более благородными и более высокими порывами. Можно было бы добавить, что, вдохновленный сознанием этих высоких порывов, он нередко позволяет себе несуразные мысли и игнорирование фактов.

Вам лучше знать, что с самого начала у нас считалось: человек страдает от конфликта между требованиями жизни и лечением и сопротивлением, которое поднимается в нем против них, и мы ни на миг не забывали об этой сопротивляющейся, отклоняющей, вытесняющей инстанции, которая, как мы полагали, обладает своими особыми силами влечения Я и которая совпадает с Я популярной психологии. Только ведь при всех трудных успехах научной работы и психоанализа не под силу было одновременно изучать все области и высказывать суждения сразу по всем проблемам. Наконец, дело дошло до того, что мы смогли направить свое внимание с вытесненного на вытесняющее и встали перед этим Я, казавшимся таким само собой разумеющимся, в твердой уверенности и здесь встретить вещи, к которым мы могли быть не подготовлены; однако было нелегко найти первый подход. Вот об этом-то я и хочу с вами сегодня побеседовать!

Предлагаю, однако, что это мое изложение психологии Я подействует на вас иначе, чем введение в психическую преисподнюю, которое ему предшествовало. Почему это так, с точностью сказать не могу. Как казалось мне сначала, вы подумаете, что ранее я сообщал вам факты, пусть даже непривычные и своеобразные, теперь же вы услышите преимущественно мнения, т. е. умозрительные рассуждения. Но это не так; получив все взвесив, я должен сказать, что удельный вес мыслительной обработки фактического материала в нашей психологии Я не намного больше, чем в психологии неврозов. Другие обоснования своего предположения я тоже вынужден был отбросить; теперь я считаю, что каким-то образом это кроется в характере самого материала и в непривычности нашего обращения с ним. Все же я не удивлюсь, если в своем суждении вы проявите еще больше сдержанности и осторожности, чем до сих пор.

Ситуация, в которой мы находимся в начале нашего исследования, сама должна указать нам путь. Мы хотим сделать предметом этого исследования Я, наше наисобственнейшее Я. Но возможно ли это?

Ведь Я является самым подлинным субъектом, как же оно может стать объектом? И все-таки, несомненно, это возможно. Я может взять себя в качестве объекта, обращаться с собой, как с прочими объектами, наблюдать себя, критиковать и бог знает что еще с самим собой делать. При это одна часть Я противопоставляет себя остальному Я. Итак, Я расчленимо, оно расчленяется в некоторых своих функциях, по крайней мере на время. Части могут затем снова объединиться. Само по себе это не ново; возможно, здесь имеет

место лишь непривычный взгляд на общеизвестные вещи. В то же время нам знакома точка зрения, что патология своими преувеличениями и огрублениями может обратить наше внимание на нормальные отношения, которые без этого ускользнули бы от нас. Там, где она обнаруживает слом и срыв, в нормальном состоянии может иметь место расчленение. Если мы бросим кристалл на землю, он разобьется, но не произвольно, а распадется по направлениям своих трещин на куски, грани которых, хотя и невидимо, все-таки predetermined структурой кристалла. Такими растрескавшимися и расколовшимися структурами являются душевнобольные. И мы не можем им отказать в чем-то вроде почтительного страха, который испытывали древние народы перед сумасшедшими. Они отвернулись от реальности внешней, но именно поэтому больше знают о реальности внутренней, психической и могут нам кое-что выдать, что иначе было бы недоступно. Об одной группе таких больных мы говорим, что они страдают бредом наблюдения. Они жалуются нам, что постоянно и вплоть до самых интимных отправлений находятся под удручающим наблюдением неизвестных сил (вероятно, все-таки лиц) и в галлюцинациях слышат, как эти люди объявляют о результатах своих наблюдений: «Сейчас он хочет сказать это, вот он одевается, чтобы выйти» и т. д. Это наблюдение еще не то же самое, что преследование, но близко к нему;

оно предполагает, что больному не доверяют, ждут, как бы застать его за запретными действиями, за которые его должны наказать. Что было бы, если бы эти сумасшедшие были правы, если бы у нас у всех была такая наблюдающая и угрожающая наказанием инстанция в Я, которая у них лишь резко отделена от Я и по ошибке смещена во внешнюю реальность?

Не знаю, произойдет ли с вами то же, что и со мной. Но с тех пор как под сильным впечатлением этой картины болезни мною овладела идея, что отделение наблюдающей инстанции от остального Я может быть в структуре Я закономерной чертой, она меня не оставляет, и я вынужден был заняться изучением других характерных особенностей и отношений этой отделенной таким образом инстанции. Вскоре был сделан следующий шаг. Уже содержание бреда наблюдения намекает на то, что наблюдение является лишь подготовкой к суду и наказанию. Таким образом, мы узнаем, что у этой инстанции есть другая функция, которую мы называем своей совестью. Вряд ли в нас найдется что-либо другое, что мы бы так постоянно отделяли от своего Я и так легко противопоставляли ему, как совесть. Я чувствую склонность что-то сделать, что обещает мне наслаждение, но отказываюсь от этого: не позволяет совесть. Или, поддавшись чрезмерному желанию наслаждения, я делаю что-то, против чего поднимается голос совести, и после проступка моя совесть наказывает меня упреками стыда, заставляет раскаиваться за содеянное. Я мог бы сказать просто, что особая инстанция, которую я начинаю различать в Я, является совестью, но более осторожным было бы считать эту инстанцию самостоятельной и предположить, что совесть является одной из ее функций, а самонаблюдение, необходимое как предпосылка судебной деятельности совести, — другой. А так как, признавая самостоятельное существование какой-либо вещи, нужно дать ей имя, я буду отныне называть эту инстанцию в Я «Сверх-Я».

А теперь жду от вас иронического вопроса, не сводится ли эта ваша психология Я вообще к тому, чтобы буквально понимать общепутребительные абстракции, превращая их из понятий в предметы, многого не выигрывая этим. Отвечу: в психологии Я трудно будет избежать общезвестного, здесь речь будет идти скорее о новых точках зрения и систематизациях, чем о новых открытиях. Так что оставайтесь пока при своем уничтожающем критическом мнении и подождите дальнейших рассуждений. Факты патологии дают нашим исследованиям фон, который мы напросто искали бы в популярной психологии. Далее. Едва мы примирились с идеей такого Сверх-Я, которое пользуется известной самостоятельностью, преследует собственные намерения и в своем обладании энергией независимо от Я, как перед нами неизбежно встает картина болезни, в которой со всей ясностью обнаруживается строгость, даже жестокость этой инстанции и изменения ее отношения к Я. Имеется в виду состояние меланхолии¹, вернее

¹ В сегодняшней терминологии мы, вероятно, сказали бы «депрессия» (Ред. «Психологического журнала»).

приступа меланхолии, о котором и вы тоже достаточно много слышали, даже если вы не психиатры. При этом недуге, о причинах и механизмах которого мы слишком мало знаем, наиболее яркой чертой является способ обращения *Сверх-Я* (про себя вы можете сказать: совести) с *Я*. В то время как меланхолик в здоровом состоянии может быть более или менее строг к себе, как любой другой человек, в приступе меланхолии *Сверх-Я* становится сверхстрогим, ругает, унижает, истязает бедное *Я*, заставляет его ожидать самых строгих наказаний, упрекает его за давно содеянное, которое в свое время воспринималось легко, как будто оно все это время собирало обвинения и только выжидало своего теперешнего прилива сил, чтобы выступить с ними и вынести приговор на основании этих обвинений. *Сверх-Я* предъявляет самые строгие моральные требования к отданному в его распоряжение беспомощному *Я*, оно вообще представляет собой требования морали, и мы сразу понимаем, что наше моральное чувство вины есть выражение напряжения между *Я* и *Сверх-Я*. Это — весьма примечательный результат наблюдения: мораль, данная нам якобы от бога и пустившая столь глубокие корни, выступает (у таких пациентов) как периодическое явление. По этой причине через несколько месяцев все моральное наваждение проходит, критика *Сверх-Я* умолкает, *Я* реабилитируется и вновь пользуется всеми человеческими правами вплоть до следующего приступа. Правда, при некоторых формах заболевания в промежутках происходит нечто противоположное: *Я* находится в состоянии блаженного опьянения, оно торжествует, как будто *Сверх-Я* утратило всякую силу и слилось с *Я*, и это ставшее свободным, маниакальное *Я* позволяет себе действительно безудержное удовлетворение всех своих прихотей. Процессы, полные нерешенных загадок!

Вы ждете, конечно, больше, чем простой иллюстрации, услышав от меня, что мы кое-что знаем об образовании *Сверх-Я*, т. е. о возникновении совести. Основываясь на известном высказывании Канта, сравнившего нашу совесть со звездным небом, набожный человек мог бы, пожалуй, почувствовать искушение почестить оба их за прекрасные создания творца. Небесные тела, конечно, великолепны, но что касается совести, то здесь бог поработал не столь много и достаточно небрежно, ибо подавляющее большинство людей получили ее лишь в скромных размерах или в столь малой степени, что об этом не стоит и говорить. Мы ни в коей мере не отрицаем ту часть психологической истины, которая содержится в утверждении, что совесть — божественного происхождения, но это положение требует разъяснения. Если совесть тоже является чем-то «в-нас», то это ведь не изначально. Это — полная противоположность сексуальной жизни, которая действительно была с самого начала жизни, а не добавилась лишь впоследствии. Но маленький ребенок, как известно, аморален, у него нет внутренних тормозов против стремлений к удовольствию.

Роль, которую позднее берет на себя *Сверх-Я*, исполняется сначала внешней силой, родительским авторитетом. Родительское влияние на ребенка основано на проявлениях знаков любви и угрозах наказаниями, которые доказывают ребенку утрату любви и сами по себе должны вызывать страх. Этот реальный страх является предшественником более позднего страха совести: пока он царит, нет нужды говорить о *Сверх-Я* и о совести. Только впоследствии образуется вторичная ситуация, которую мы слишком охотно принимаем за нормальную, когда внешнее сдерживание уходит вовнутрь, когда на место родительской инстанции появляется *Сверх-Я*, которое точно так же наблюдает за *Я*, руководит им и угрожает ему, как раньше это делали родители в отношении ребенка.

Сверх-Я, которое таким образом берет на себя власть, работу и даже методы родительской инстанции, является не только ее преемником, но и действительно законным прямым наследником. Оно и выходит прямо из нее, и мы скоро узнаем, каким путем. Но сначала остановимся на рассогласовании между ними. Кажется, что *Сверх-Я* односторонне перенимает лишь твердость и строгость родителей, их запрещающую и наказывающую функции, в то время как их исполненная любви забота не находит места и продолжения. Если родители действительно придерживались строгого воспитания, то кажется вполне понятным, что у ребенка развивается строгое *Сверх-Я*, однако против ожидания опыт показывает: *Сверх-Я* может быть неумолимо строгим даже тогда, когда воспитание было мягким и добрым, если угроз и наказаний по возможности избегали. Позднее мы вернемся к этому противоречию, когда будем говорить о превращениях влечений при образовании *Сверх-Я*.

О превращении родительского отношения в *Сверх-Я* я не могу сказать вам так, как хотелось бы, отчасти потому, что этот процесс так запутан, что его изложение не уместится в рамки введения, которое я хочу вам дать, а также потому, что мы сами не уверены, полностью ли его поняли. Поэтому довольствуйтесь следующими разъяснениями. Основой этого процесса является так называемая идентификация, т. е. уподобление *Я* чужому *Я*, вследствие чего первое *Я* в определенных отношениях ведет себя как другое, подражает ему, принимает его в известной степени в себя. Идентификацию не без успеха можно сравнить с оральным, каннибальским поглощением чужой личности. Идентификация — очень важная форма связи с другим лицом, вероятно, самая первоначальная, но не то же самое, что выбор объекта. Различие можно выразить примерно так: если мальчик идентифицирует себя с отцом, то он хочет быть как отец; если он делает его объектом своего выбора, то он хочет обладать, владеть им; в первом случае его *Я* меняется по образу отца, во втором это не необходимо. Идентификация и выбор объекта в широком смысле независимы друг от друга; но можно идентифицировать себя именно с этим лицом, изменяя *Я*

в соответствии с ним, выбрав его, например, в качестве сексуального объекта. Говорят, что влияние сексуального объекта на *Я* особенно часто происходит у женщин и характерно для женственности. О наиболее поучительном отношении между идентификацией и выбором объекта я уже как-то говорил вам в предыдущих лекциях. Его легко наблюдать как у детей, так и у взрослых, как у нормальных, так и у больных людей. Если объект утрачен или от него вынуждены отказаться, то достаточно часто потерю возмещают тем, что идентифицируют себя с ним, восстанавливая в своем *Я*, так что здесь выбор объекта как бы регрессирует к идентификации.

Этими рассуждениями об идентификации я сам не вполне удовлетворен, но будет достаточно, если вы сможете признать, что введение в действие *Сверх-Я* может быть описано как удачный случай идентификации с родительской инстанцией. Решающим фактом для этой точки зрения является то, что подобное новообразование превосходящей инстанции в *Я* теснейшим образом связано с судьбой эдипова комплекса, поэтому *Сверх-Я* является наследием данной столь значимой для детства эмоциональной связи. Мы понимаем, что с устранением эдипова комплекса ребенок должен отказаться от интенсивной привязанности к объектам, которыми были его родители, а для компенсации этой утраты объектов в его *Я* очень усиливаются, вероятно, давно имевшиеся идентификации с родителями. Такие идентификации как следствия отказа от привязанности к объектам позднее достаточно часто повторяются в жизни ребенка, но эмоциональной ценности первого случая данной замены вполне соответствует то, что в результате этого в *Я* создается особое положение. Тщательное исследование показывает нам также, что *Сверх-Я* теряет в силе и завершенности развития, если преодоление эдипова комплекса удается лишь отчасти. В процессе развития на *Сверх-Я* влияют также те лица, которые заместили родителей, т. е. воспитатели, учителя, идеальные примеры. Обычно оно все больше отделяется от первоначальных индивидуальностей родителей, становясь, так сказать, все более безличностным. Но нельзя также забывать, что ребенок по-разному оценивает своих родителей на различных этапах жизни. К тому времени, когда эдипов комплекс уступает место *Сверх-Я*, они являют собой нечто совершенно замечательное, утрачивая очень многое впоследствии. И тогда тоже происходит идентификация с этими более поздними родителями, они даже обычно способствуют формированию характера, но это касается только *Я*; на *Сверх-Я*, которое было сформировано более ранним образом родителей, они уже не влияют.

Надеюсь, у вас уже сложилось впечатление, что понятие *Сверх-Я* описывает действительное структурное соотношение, а не просто персонализирует абстракцию наподобие совести. Мы должны упомянуть еще одну важную функцию, которой мы наделяем это *Сверх-Я*. Оно является также носителем *Я*-идеала, с которым *Я* соизме-

ряет себя, к которому оно стремится, чье требование постоянного совершенствования оно старается выполнить. Несомненно, этот Я-идеал является отражением старого представления о родителях, выражением восхищения их совершенством, которое ребенок им тогда приписывал.

Знаю, что вы много слышали о чувстве неполноценности, которое характеризует как раз невротиков. Оно появляется, в частности, в так называемой художественной литературе. Писатель, употребивший словосочетание «комплекс неполноценности», считает, что он удовлетворяет всем требованиям психоанализа и поднимает свое творение на более высокий психологический уровень. В действительности искусственное словосочетание «комплекс неполноценности» в психоанализе почти не употребляется. Он не является для нас чем-то простым, тем более элементарным. Сводит его к самовосприимчивому возможному недоразвитию органов, как это любят делать представители школы так называемой индивидуальной психологии, кажется нам недальновидным заблуждением. Чувство неполноценности имеет глубоко эротические корни. Ребенок чувствует себя неполноценным, если замечает, что он нелюбим, и точно так же — взрослый. Единственный орган, который может рассматриваться как неполноценный, это — рудиментарный пенис, клитор девочки. Но по большей части чувство неполноценности происходит из отношения Я к своему *Сверх-Я*, являясь так же, как чувство вины, выражением напряжения между ними. Чувство неполноценности и чувство вины вообще трудно отделить друг от друга. Возможно, было бы правильно видеть в первом эротическое дополнение к чувству моральной неполноценности. Этому вопросу разграничения понятий мы в психоанализе уделяли мало внимания.

...Вернемся к *Сверх-Я*! Мы наделили его самонаблюдением, совестью и функцией идеала. Из наших рассуждений о его возникновении получается, что оно обусловлено чрезвычайно важным биологическим, а также определяющим судьбу психологическим фактором, а именно длительной зависимостью ребенка от своих родителей и эдиповым комплексом, которые опять-таки внутренне связаны между собой. *Сверх-Я* является для нас представителем всех моральных ограничений, поборником стремления к совершенствованию, короче, тем, что нам стало психологически доступно из так называемого более возвышенного в человеческой жизни. Поскольку оно само восходит к влиянию родителей, воспитателей и им подобных, мы узнаем еще большее о его значении, если обратимся к этим его источникам. Как правило, родители и аналогичные им авторитеты в воспитании ребенка следуют предписаниям собственного *Сверх-Я*. Как бы ни расходилось их Я со *Сверх-Я*, в воспитании ребенка они строги и выскательны. Они забыли трудности своего собственного детства, довольны, что могут наконец полностью идентифицировать себя со своими родителями, которые в свое время налагали на них тяжелые ограничения. Таким образом, *Сверх-Я* ребенка строится собственно не по примеру родителей, а по родительскому *Сверх-Я*; оно наполняется тем же содержанием,

становится носителем традиций, всех тех сохранившихся во времени ценностей, которые продолжают существовать на этом пути через поколения. Вы легко угадаете, какую важную помощь для понимания социального поведения человека (например, для понимания беспризорности) или даже практические советы по воспитанию можно извлечь из представления о *Сверх-Я*. Видимо, так называемые материалистические воззрения на историю грешат недооценкой этого фактора. Они отделяются от него замечанием, что «идеологии» людей суть не что иное, как результат и надстройка действующих экономических отношений. Это правда, но очень вероятно — не вся правда. Человечество никогда не живет полностью в настоящем, в идеологиях *Сверх-Я* продолжают жить прошлое, традиция расы и народа, которые лишь медленно поддаются влияниям современности, новым изменениям, и, пока это прошлое действует через *Сверх-Я*, оно играет значительную, независимую от экономических отношений роль в человеческой жизни.

В 1921 году при изучении психологии масс я попытался использовать дифференциацию Я и *Сверх-Я*. Я пришел к формуле: психологическая масса является объединением отдельных личностей, которые ввели в свое *Сверх-Я* одно и то же лицо и на основе этой общности идентифицировались друг с другом в своем Я. Она относится, конечно, только к тем массам, которые имеют одного вождя. Если бы у нас было больше примеров подобного рода, то предположение *Сверх-Я* перестало бы быть совершенно чуждым для нас, и мы совсем освободились бы от той робости, которая все еще охватывает нас, привыкших к атмосфере преисподней, при продвижении в более поверхностные и высокие слои психического аппарата. Разумеется, мы не думаем, что, выделяя *Сверх-Я*, мы говорим последнее слово в психологии Я. Это скорее начало, с той лишь разницей, что тут трудное не только начало.

Ну а теперь нас ждет иная задача, так сказать, выявление другой стороны Я. Она возникла благодаря наблюдению во время аналитической работы, наблюдению, собственно говоря, очень старому. Как уже не раз бывало, им давно пользовались, прежде чем решились признать. Как вы знаете, вся психоаналитическая теория, собственно, построена на признании сопротивления, которое оказывает нам пациент при попытке сделать сознательным его бессознательное. Объективным признаком сопротивления является то, что его ассоциативные мысли остаются необъяснимыми или далеко отклоняются от обсуждаемой темы. Субъективно он может и признавать сопротивление тому, что испытывает ощущение стыда, приближаясь к теме. Но этот последний признак может и отсутствовать. Тогда мы говорим пациенту, что из его отношения мы заключаем: он находится сейчас в состоянии сопротивления; он же отвечает, что ничего об этом не знает и замечает только затруднения (в появлении) ассоциативных мыслей. Обнаруживается, что мы были правы, но тогда его сопротивление было тоже бессознательным, как вытесненное, которое мы выявляли. Следовало бы давно поставить вопрос: из какой части его душевной жизни исходит такое бессознательное сопротивление? Новичок в

психоанализе быстро найдет ответ: это и есть сопротивление бессознательного. Двусмысленный, неприемлемый ответ! Если под этим подразумевается, что оно исходит из вытесненного, то мы должны сказать: это не так! Вытесненному мы скорее припишем сильный импульс, стремление пробиться к сознанию. Сопротивление может быть только выражением Я, которое в свое время осуществило вытеснение, а теперь хочет его сохранить. Так мы всегда и понимали это раньше. С тех пор как мы предполагаем в Я особую инстанцию, представляющую ограничивающие и отклоняющие требования, *Сверх-Я*, мы можем сказать, что вытеснение является делом этого *Сверх-Я*, оно проводит вытеснение или само, или по его заданию это делает послушное ему Я. Если налицо случай, когда сопротивление при анализе пациентов не осознается, то это значит: либо *Сверх-Я* и Я в очень важных ситуациях могут работать бессознательно, либо — что было бы еще значительнее — некоторые части того и другого, Я и самого *Сверх-Я*, являются бессознательными. В обоих случаях мы вынуждены прийти к неутешительному выводу, что *Сверх-Я* и сознательное, с одной стороны, и вытесненное и бессознательное — с другой, ни в коем случае не совпадают.

...Свое сомнение, могут ли Я или само *Сверх-Я* быть бессознательными или они только способны осуществлять бессознательные действия, мы с полным основанием решаем в пользу первой возможности. Да, значительные части Я и *Сверх-Я* могут оставаться бессознательными, обычно являются бессознательными. Это значит, что личность ничего не знает об их содержании и ей требуется усилие, чтобы сделать их для себя сознательными. Бывает, что Я и сознательное, вытесненное и бессознательное не совпадают. Мы испытываем потребность основательно пересмотреть свой подход к проблеме сознательное — бессознательное. Сначала мы были склонны к тому, чтобы снизить значимость критерия сознательности, поскольку он оказался весьма ненадежным. Но мы поступили бы несправедливо. Здесь дело обстоит так же, как с нашей жизнью; она немногого стоит, но это все, что у нас есть. Без света этого качества сознания мы бы затерялись в потемках глубинной психологии; но мы имеем право пытаться сориентировать себя по-новому.

То, что должно называться сознательным, не нуждается в обсуждении, здесь нет никаких сомнений. Самое старое и лучшее значение слова «бессознательный» — описательное; бессознательным мы называем психический процесс, существование которого следует предположить, поскольку мы выводим его из его воздействий, ничего не зная о нем. Далее мы имеем к нему такое же отношение, как и к психологическому процессу другого человека, только он-то является нашим собственным. Если выразиться еще конкретнее, то следует изменить предложение следующим образом: мы называем процесс бессознательным, когда предполагаем, что он активизировался сейчас, хотя сейчас мы ничего о нем не знаем. Это ограничение заставляет задуматься о том, что большинство сознательных процессов сознательны только короткое время; очень скоро они становятся

латентными, но легко могут вновь стать сознательными. Мы могли бы также сказать, что они стали бессознательными, если бы вообще были уверены, что в состоянии латентности они являются еще чем-то психическим. Таким образом мы не узнали бы ничего нового и даже не получили бы права ввести понятие бессознательного в психологию. Но вот появляется новый опыт, который мы уже можем продемонстрировать на примере ошибочных действий. В частности, для объяснения какой-то оговорки мы вынуждены предположить, что у допустившего ее образовалось определенное речевое намерение. По происшедшей ошибке в речи мы со всей определенностью догадываемся о нем, но оно не осуществилось, т. е. было бессознательным. Если мы по прошествии какого-то времени приводим его говорившему и тот сможет признать его знакомым, то, значит, оно было бессознательным лишь какое-то время; если же он будет отрицать его как чуждое ему, то, значит, оно длительное время было бессознательным. Возвращаясь к сказанному, из этого опыта мы получаем право объявить бессознательным и то, что называем латентным. Учитывая эти динамические отношения, мы можем теперь выделить два вида бессознательного: одно, которое при часто повторяющихся условиях легко превращается в сознательное, и другое, при котором это превращение происходит с трудом и лишь со значительными усилиями, а может и никогда не произойти. Чтобы избежать двусмысленности, имеем ли мы в виду одно или другое бессознательное, употребляем ли слово в писательском или в динамическом смысле, договоримся применять дозволенный простой паллиатив. То бессознательное, которое является только латентным и легко становится сознательным, мы назовем предсознательным, другому же оставим название «бессознательный». Итак, у нас три термина: «сознательный», «предсознательный» и «бессознательный»; их достаточно для описания психических феноменов. Еще раз: чисто описательно и предсознательное бессознательно, но мы так его называем разве что в свободном изложении, если нам нужно защитить существование бессознательных процессов вообще в душевной жизни.

Надеюсь, вы признаете, что это пока не так уж сложно и вполне пригодно для употребления. Да, но, к сожалению, психоаналитическая работа настойчиво требует употребления слова «бессознательный» еще и в другом, третьем, смысле, а это, возможно, и вносит путаницу. Под новым и сильным влиянием того, что обширная и важная область душевной жизни обычно скрыта от знания Я, так что протекающие в ней процессы следует признать бессознательными в правильном динамическом смысле, мы понимаем термин «бессознательный» также и в топическом или систематическом смысле, говоря о системе предсознательного и бессознательного,

о конфликте Я с системой бессознательного (Ubw*), все больше придавая слову скорее смысл области души, чем качества психики. Явно расходящееся с общепринятыми взглядами открытие, согласно которому даже части Я и Сверх-Я в динамическом плане бессознательны, мы воспринимаем, здесь как облегчение, ибо оно позволяет нам устранить осложнение. Мы видим, что не имеем права называть чуждую Я область души системой Ubw, так как неосознанность не является исключительно ее характеристикой. Хорошо, не будем больше употреблять слово «бессознательный» в систематическом смысле, дав прежнему обозначению лучшее, не допускающее неправильного толкования названия. Вслед за Ницше и по примеру Г. Гроддека мы будем называть его в дальнейшем Оно. Это безличное местоимение кажется особенно подходящим для выражения основного характера этой области души, которая чужда Я. Сверх-Я, Я и Оно — вот три царства, сферы, области, на которые мы разложим психический аппарат личности, взаимодействиями которых мы займемся в дальнейшем.

Прежде только одна короткая вставка. Догадываюсь, что вы недовольны тем, что три сферы психического аппарата не сочетаются в три мирно согласующиеся пары, видя в этом нечто омрачающее наши результаты. Однако, по моему, сожалеть об этом не стоит, и мы должны сказать себе, что не имеем права ожидать такого приглаженного упорядочивания. Позвольте привести сравнение — правда, сравнения ничего не решает, но они могут способствовать наглядности. Представьте себе страну с разнообразным рельефом — холмами, равниной и цепями озер, со смешанным населением; в ней живут немцы, мадьяры и словаки, которые занимаются различной деятельностью. Распределение могло бы быть таким: на холмах живут немцы, они скотоводы, на равнине — мадьяры, которые выращивают хлеб и виноград, на озерах — словаки, они ловят рыбу и плетут тростник. Если бы это распределение было безукоризненным и четким, то Вильсон мог бы ему порадоваться,* это было бы также удобно для сообщения на уроке географии. Однако очевидно, что, путешествуя по этой стране, вы найдете здесь меньше порядка и больше пестроты. Немцы, мадьяры и словаки живут в перемешку, на холмах тоже есть пашни, на равнине также держат скот. Кое-что, естественно, совпадает с вашими ожиданиями, т. е. в горах не занимаются рыболовством, а виноград не растет в воде. Да, картина местности, которую вы представили себе, в общем и целом будет соот-

ветствовать действительности, в частности же вы допустите отклонения.

Не ждите, что об Оно, кроме нового названия, я сообщу вам много. Это — темная, недоступная часть нашей личности; то немногое, что нам о ней известно, мы узнали, изучая работу сновидений и образование невротических симптомов: большинство этих сведений носит негативный характер и допускает описание только в качестве противоположности Я. Мы приближаемся к пониманию Оно при помощи сравнения, называя его хаосом, котлом, полным бурлящих возбуждений. Мы представляем себе, что у своего предела Оно открыто соматическому, вбирая оттуда в себя инстинктивные потребности, которые находят в нем свое психическое выражение... Благодаря влечениям Оно наполняется энергией, но не имеет организации, обнаруживает не общую волю, а только стремление удовлетворить инстинктивные потребности при сохранении принципа удовольствия. Для процессов в Оно не существует логических законов мышления, прежде всего тезиса, о противоречии. Противоположные импульсы существуют друг подле друга, не отменяя друг друга и не удаляясь друг от друга, а в лучшем случае для разрядки энергии под давлением экономического принуждения объединяясь в компромиссные образования. В Оно нет ничего, что можно было бы отождествить с отрицанием, и мы с удивлением видим также исключение из известного философского положения, что пространство и время являются необходимыми формами наших психических актов. В Оно нет ничего, что соответствовало бы представлению о времени, никакого признания течения во времени, и, что в высшей степени странно и ждет своего объяснения философами, нет никакого изменения психического процесса с течением времени. Импульсивные желания, которые никогда не переступают через Оно, а также впечатления, которые благодаря вытеснению опустились в Оно, виртуально бессмертны. Спустя десятилетия они ведут себя так, словно возникли заново. Признать в них прошлое, суметь обесценить их и лишиться заряда энергии можно только в том случае, если путем аналитической работы они станут осознанными. На этом в немалой степени основывается терапевтическое действие аналитического лечения.

У меня все время создается впечатление, что из этого не подлежащего сомнению факта неизменности вытесненного во времени мы мало что дали нашей теории. А ведь здесь, кажется, открывается подход к самому глубокому пониманию. К сожалению, я и не продвинулся здесь дальше.

Само собой разумеется, Оно не знакомы никакие оценки, никакие добро и зло, никакая мораль. Экономический или, если хотите, количественный момент, тесно связанный с принципом удовольствия, управляет всеми процессами. Инстинкты, требующие выхода, — все это, подаваемое мы находимся в Оно. Кажется даже, что энергия этих инстинктивных импульсов находится в другом состоянии, чем в иных

* Здесь следует упомянуть, что всего лишь за год до написания этой лекции Фрейд вместе с У. К. Буллитом (тогдашним американским посланником в Берлине) работал над психологическим исследованием о президенте Вудро Вильсоне, к политическим суждениям которого Фрейд относился очень критически. (Ред. «Психологического журнала».)

* Unbewußtsein (нем.) — бессознательное.

душевных областях, она более подвижна и способна к разрядке, потому что иначе не могли бы происходить те смещения и сгущения, которые характерны для *Оно* и совершенно не зависят от качества заполняемого (энергией). В *Я* мы назвали бы это представлением. Чего бы мы только не дали, чтобы побольше знать об этих вещах! Между прочим, вы видите, что мы в состоянии назвать еще и другие свойства *Оно*, кроме того, что оно бессознательно, а также признаете возможность того, что части *Я* и *Сверх-Я* являются бессознательными, не имея таких же примитивных и иррациональных черт. К характеристикам собственно *Я*, насколько оно допускает обособление от *Оно*, и *Сверх-Я* мы скорее всего приблизимся, если примем во внимание его отношение к самой внешней поверхностной части психического аппарата, которую мы обозначим как систему «восприятие — сознание»... Эта система обращена к внешнему миру, она опосредует его восприятия, за время ее функционирования в ней возникает феномен сознания. Это — орган чувств всего аппарата, восприимчивый, между прочим, к возбуждениям, идущим не только извне, но и из недр душевной жизни. Вряд ли нуждается в пояснении точка зрения, согласно которой *Я* является той частью *Оно*, которая модифицировалась благодаря близости и влиянию внешнего мира, приспособлена к восприятию раздражений и защите от них и поэтому может быть сравнима с корковым слоем, которым окружен комочек живой субстанции. Отношение к внешнему миру для *Я* стало решающим, оно взяло на себя задачу представлять его перед *Оно* для блага *Оно*, которое в слепом стремлении к удовлетворению влечений, не считаясь с этой сверхсильной внешней властью, не смогло бы избежать уничтожения. Выполняя эту функцию, *Я* должно наблюдать за внешним миром, откладывая в следах своих восприятий правильный его образ, путем проверки реальностью удалять из этой картины внешнего мира все добавления, идущие от внутренних источников возбуждения. По поручению *Оно* *Я* владеет подходами к моторике, но между потребностью и действием *Я* делает отсрочку для мыслительной работы, во время которой использует остатки воспоминаний из опыта. Таким образом, принцип удовольствия, который неограниченно правит ходом процесса в *Оно*, оказывается низвергнутым с трона и заменяется принципом реальности, который обещает больше надежности и успеха.

Очень сложное для описания отношение ко времени также сообщается *Я* системой восприятия; едва ли можно сомневаться в том, что способ работы этой системы дает начало представлению о времени. Чем особенно отличается *Я* от *Оно*, так это стремлением к синтезу своих содержаний, к обобщению и унификации своих психических процессов, которое совершенно отсутствует у *Оно*. Когда мы в будущем поведем разговор о влечении в душевной жизни, нам, вероятно, удастся найти источник этой существенной характеристики черты *Я*. Она единственная дает ту высокую степень организации, которой *Я* обязано лучшими своими достоинствами. Развитие идет от восприя-

тия влечений к овладению ими, но последнее достигается только тем, что психическое выражение влечений включается в более широкую систему, входит в какую-то взаимосвязь. Пользуясь популярными выражениями, можно сказать, что *Я* в душевной жизни представляет здравый смысл и благоразумие, а *Оно* — неукротимые страсти.

До сих пор нам импонировало перечисление преимуществ и способностей *Я*, теперь настало время вспомнить и об оборотной стороне. *Я* является лишь частью *Оно*, частью, целесообразно измененной близостью к грозящему опасностями внешнему миру. В динамическом отношении это *Я* слабо, свою энергию заимствует у *Оно*; мы имеем некоторое представление относительно методов, можно даже сказать лазеек, благодаря которым *Я* продолжает отнимать энергию у *Оно*. Таким путем осуществляется, например, также идентификация с сохранившимися или оставленными объектами. Привязанность к объектам исходит из инстинктивных притязаний *Оно*. *Я* сначала их регистрирует. Но, идентифицируясь с объектом, *Я* предлагает себя *Оно* вместо объекта, желая направить либидо *Оно* на себя. Мы уже знаем, что в процессе жизни *Я* принимает в себя большое число остатков бывшей привязанности к объектам. В общем *Я* должно проводить в жизнь намерения *Оно*, выполнять свою задачу, изыскивая обстоятельства, при которых эти намерения могут быть осуществлены наилучшим образом. Отношения *Я* к *Оно* можно сравнить с отношением наездника к своей лошади. Лошадь дает энергию для движения, наездник обладает преимуществом определять цель и направление движения сильного животного. Но между *Я* и *Оно* слишком часто имеет место далеко не идеальное взаимоотношение, когда наездник вынужден направлять скакуна туда, куда тому вздумается.

От одной части *Оно* *Я* отделилось благодаря сопротивлению вытеснения. Но вытеснение не продолжается в *Оно*. Вытеснение сливается с остальным *Оно*.

Поговорка предостерегает от служения двум господам. Бедному *Я* еще тяжелее, оно служит трем строгим властелинам, стараясь привести их притязания и требования в согласие между собой. Эти притязания все время расходятся, часто кажутся несоместимыми; не удивительно, что *Я* часто не справляется со своей задачей. Тремя тиранами являются: внешний мир, *Сверх-Я* и *Оно*. Если понаблюдать за усилиями *Я*, направленными на то, чтобы служить им одновременно, а точнее, подчиняться им одновременно, вряд ли мы станем сожалеть о том, что представили это *Я* в персонифицированном виде как некое существо. Это существо чувствует себя стесненным с трех сторон, ему грозят три опасности, на которые оно, будучи в стесненном положении, реагирует появлением страха. Благодаря своему происхождению из опыта системы восприятия *Я* призвано представлять требования внешнего мира, но хочет быть и верной служгой *Оно*, пребывать с ним в согласии, предлагая ему себя в качестве объекта, привлекать его либидо на себя. В своем стремлении посредничать между *Оно* и реальностью *Я* часто вынуждено одевать

бессознательные требования *Оно* и свои предсознательные рационализации, затуманивать конфликты *Оно* с реальностью, с дипломатической неискренностью разыгрывать оглядку на реальность, даже если *Оно* упорствует и не сдается. Кроме того, за ним на каждом шагу наблюдает строгое *Сверх-Я*, которое предписывает ему определенные нормы поведения, невзирая на трудности со стороны *Оно* и внешнего мира, и наказывает его в случае непослушания напряженным чувством неполноценности и сознания вины. Так, *Я*, движимое *Оно*, стесненное *Сверх-Я*, отталкиваемое реальностью, прилагает все усилия для выполнения своей экономической задачи установления гармонии между силами и влияниями, которые действуют в нем и на него, и мы понимаем, почему так часто не можем подавить восклицания: жизнь не легка! Если *Я* вынуждено признать свою слабость, в нем возникает страх, реальный страх перед внешним миром, страх совести перед *Сверх-Я*, невротический страх перед силой страстей в *Оно*.

...А теперь в заключение этих безусловных утомительных и, возможно, не совсем ясных рассуждений еще одно предостережение! Разделяя личность на *Я*, *Сверх-Я* и *Оно*, вы, разумеется, не имеете в виду строгих границ наподобие тех, которые искусственно проведены в политической географии. Своеобразие психического мы изобразим не линейными контурами, как на рисунке или в примитивной живописи, а скорее расплывчатыми цветовыми пятнами, как у современных художников. После того как мы произвели разграничение, мы должны выделенное опять слить вместе. Не судите слишком строго о первой попытке сделать наглядным психическое, с таким трудом поддающееся пониманию. Весьма вероятно, что образование этих отдельных областей у различных лиц весьма вариабельно. Возможно, что при функционировании они сами изменяются и временно регрессируют: Это, в частности, касается филогенетически последнего и самого интимного — дифференциация *Я* и *Сверх-Я*. Несомненно, нечто подобное вызывается психическим заболеванием. Можно хорошо представить себе также, что каким-то мистическим практикам иногда удается опрокинуть нормальные отношения между этими отдельными областями. Например, восприятие может уловить соотношения *Я* и *Оно*, которые в иных случаях были ему недоступны. Можно спокойно усомниться в том, что на этом пути мы достигнем последней истины, от которой ждут всеобщего спасения, но мы все-таки признаем, что терапевтические усилия психоанализа избрали себе аналогичную точку приложения. Ведь их цель — укрепить *Я*, сделать его более независимым от *Сверх-Я*, расширить поле восприятия и перестроить его организацию так, чтобы оно могло освоить новые части *Оно*. Там, где было *Оно*, должно стать *Я*.

Л. ОСИПОВА

Село Березники, где живет Алексей Гаврилович Пичугин (именно его работы вы видите на обложке журнала), расположено в полутора часах езды на автобусе от города Ростова (Ярославского). Вроде бы рукой подать, да автобус ходит редко, а если ехать на попутных, то не всегда повезет, и приходится километров пять пешком тащиться по хлябям российским. Зато простор какой, воздуха сколько! Село большое, из тех, что называются «перспективными», дома вытянуты в одну длинную улицу; и дом художника среди них сразу не бросается в глаза. Изба как изба, вот только пред окнами не кусты сирени или яблоньки посажены, как у всех, а пирамидальные туевые деревца, и оконницы не как у всех — вырезаны различные фигурки, цветы, деревца, фантастически раскрашены и соединены в композицию, смысл которой сразу не поймешь. А может, и не задавался художник никакой особой мыслью — просто вырезал, что в голову придет — мир велик, и все несоединимое в нем соединено... Вот и в доме художника: и в прихожей, и в горнице, и в спальне все стены увешаны дощечками, а на них чего только не вырезано — и букеты тюльпанов, и звери из басен Крылова, и «Утро стрелецкой казни», и «Последний день Помпеи», и «Поклонение волхвов», и «Явление Христа народу», и портреты родных...

Колпи это или творчество? Чистое украшательство, род декоративного убранства или попытка выразить себя? Сразу на эти вопросы трудно ответить: только через некоторое время начинаешь чувствовать какое-то излучение от фигурок и предметов, вырезанных на липовых дощечках. Это не метафора — они, действительно, излучают жизненную энергию.

«Слушайте, да это чудо какое-то!» — говорю хозяину. «Какое чудо, никакого чуда нет, вот режу на досуге, поддерживаю свой дух», — отвечает Алексей Гаврилович.

„КРАСОТА
ПОДДЕРЖИВАЕТ
МОЙ ДУХ“

Еще до приезда в Березники знала я, что Пичугин нелегкой судьбы человек — из тех, кто разделил участь миллионов, вовлеченных в трагические действия. Сельский учитель, один из зачинателей культурной революции в деревне, во время войны стал зенитчиком. Затем плен, немецкий концлагерь, после войны возвращение в школу, к семье. Но ненадолго — по злому навету, как враг народа, приговаривается к двадцати пяти годам. Из них провел в ГУЛАГе шесть лет — пока, уже после смерти Сталина, не пришло оправдание и полная реабилитация. И вот уже на склоне лет — Алексею Гавриловичу исполнилось восемьдесят один год — пришлось вступить в перестройку...

Вечером, за чаем задаю вопрос: откуда родом Алексей Гаврилович, здесь ли в Березниках его родовое гнездо?

— Родом я из деревни Жарец Смолинской волости, Судогодского уезда, Владимирской губернии. Сейчас деревни этой нет, место это лесом поросло. А была она на полпути из Мурома в Суздаль. Большинство жило в деревне старообрядцев, и наша семья была старообрядческая. Чистых крестьян было мало — земли во Владимирской губернии песчаные, урожай небольшие. Только серьезные крестьяне получали урожай, остальные уходили на отхожие промыслы. У нас в округе много было стекловдувных заводов, небольших, посуду стеклянную на них дули. Папа мой рабочим — шуралем был, а потом и я с 14 до 20 лет дул посуду. Но и хозяйства у нас было, потому как семья большая была, у старообрядцев не принято было семьи делить.

— Суровые нравы в семье были?

— Нравы были строгие. За столом никто не может сесть на место другого, все сидят на своих местах. Старших ласкались. Дедушка — глава семьи, он всем распоряжается. Утром говорит: «Ты, Гаврюша, сегодня пахать, Егорушка — боронить, Никандрушка — дрова пилить...» Детей не наказывали, я не помню, чтобы меня в детстве наказывали, ведь непослушание — это грех, никто и не прекословил. Консерватизм этот очень помогал в воспитании детей. Не курили, матом не ругались, водку пили редко, только по праздникам. Вырастали здоровые, в любой работе терпеливые.

Я часто возвращаюсь мыслями к своему детству. Думаю — именно оно помогло мне, когда я сначала на один, потом на другой «курорт» попал.

Я смотрю на Алексея Гавриловича: глаза у него смеются, это он об отсидке говорит, шутит про «курорт».

— В представлении многих, послушность — рабья черта. Вы говорите, что именно терпение и послушность вам помогли выжить в концлагере?

— Почему рабья? Это человеческая черта. Существует монастырское послушание — это работа без отказа от начала до конца. Важно знать, что работа твоя угодна Богу. Когда же ты знаешь, что работать нужно, чтобы выжить, помогает привычка.

— Семья воспитывала вас верующим, религиозным человеком, но жить вам пришлось в эпоху воинствующего атеизма... Вам пришлось скрывать свою веру?

— В школе над религией смеялись,

издевались, на верующих начались гонения. Я хотел учиться, способный был, хотел выбиться в люди. И своим поведением стал я в один ряд со всеми и ранее неверующими. От веры оттаскивали силой, исполнять нужные по вере обряды было невозможно. А ведь обряды положены любой религии. Они помогают вере.

Про старообрядцев неграмотные люди говорят, что сектанты. Но это неверно — это люди, которые христианскую религию не сменяют ни на какую другую веру. Вспомните «Боярыню Морозову» Сурикова. Там все старообрядцы — сама боярыня, и нищий, и старухи, и боярышники — все за дуперстие и древнее благочестие. Обрядность не была для них просто формой.

И книги у старообрядцев старинные. И дед мой, и отец знали церковнославянский язык. И я грамоту учил по церковнославянским книгам, это ведь наш древний язык, наши корни. Через приверженность к древним обрядам старообрядцы сохранили и веру и культуру.

— Алексей Гаврилович, вы показывали свою фотографию школьных лет, где вы вместе со своими одноклассниками, в руках держите рисунок. Что это за рисунок?

— Изображение нечеткое, а нарисовал я мальчика Ленина.

— Это ваш первый рисунок?

— Нет, в раннем детстве я любил срисовывать буквы из древних книг. Однажды разбил я случайно древний резной из дерева крест. Тогда на бумаге постарался нарисовать такой же. Вышло похоже, повесили его на стену — и крестик пошел на него. Но, конечно, и в мыслях у меня не было посвятить себя художеству. Организовывал ликбез, был первый, кто добился грамотности, в газете для крестьян, научившихся читать, был селькором. Дядя мой стал председателем первого колхоза во Владимирской области, 1927-й год шел, в этом колхозе я создавал комсомольскую организацию, устроил клуб, просвещал людей. Задумано было все как бы правильно, убедительно: мир народам, земля крестьянам, в помощь беднякам — товарищества по коллективной обработке земли... В душе верил, что все хорошо, правильно... Потом в Москве учился на рабфаке. Жил в Курсовом переулке, что был напротив храма Христа Спасителя, в ста метрах всего. Ходил на диспуты, которые устраивал Луначарский с митрополитом Введенским. Помню, как взрывали храм. Днем это было, я на занятиях был. Окна в домах были заклеены аж до гостиницы Националь, чтобы взрывной волной их не выбросило. Один взрыв, второй, а храм стоит...

— Дрогнуло сердце, когда увидели руины?

— Нет, не дрогнуло.

— Значит, поколеблены были в вере? — Поколеблен...

(Велико, значит, было искушение построить рай на земле, то бишь светлое здание коммунизма...)

— После рабфака я поступил в Институт цветных металлов и золота. А тут агитаторы приехали: нужно делать культурную революцию в деревне. Я ловкий

был парень, решил поехать, избачом был, завклубом, пединститут заочно кончал... Двадцать девять лет в школе директором был.

— Всю свою сознательную жизнь вы были святелем на ниве народного просвещения не по своему выбору, а выполняющая волю, наказ партии, государства. Вы не сожалеете, что так сложилась ваша жизнь?

— Нет, не сожалею. Какая профессия может быть святее и благороднее? Вот только нива, на которую мы семена кидали, уж больно обильно поливалась кровью народной... Миллионы загубленных жизней в мирное время, я уже не говорю о войне!.. На такой земле культура не вырастает, плевелы зла долго еще будут давать свои всходы...

— Миленья моя, о какой культуре может быть речь, — это в разговор вступает Нина Васильевна, хозяйка дома, так же, как Алексей Гаврилович, проработавшая почти всю жизнь в сельской школе. — Культуры без добра не бывает, а где оно, добро? Войдите вы в любой класс: учителя раздражена на детей, дети — на учительницу. Проходите по коридорам, войдите в учительскую — опять услышите раздраженные разговоры, голоса, в которых недовольство, упреки, оправдания. Все напряжены и нервы, исчезли улыбки, шутки, ни у кого мира в душе нет. И болеют все от этого же. В детском саду дети кусают друг друга! Они же на зверят похожи — плакать от этого хочется... Теперь хотят поставить на старое место веру, священники по телевизору выступают, молодежь крестики на шею носит. Миленья моя, но ведь это же все модал Слово Божье в душе должно жить, а душа должна быть открыта для добра. Говорят, что люди стали немилосердными, потому что в магазинах ничего нет, надо все доставать, искитряться, ловчить. Конечно, недостаток раздражает и силы отнимает. Но разве в этом дело? Вот свекор мой покойный Гаврила Афанасьевич, отец Алексея Гавриловича, — десять лет своих последних прожил с нами в этом доме — разве в достатке и довольстве он прожил? Всю жизнь революции, войны, репрессии, а ведь святой человек был, всю жизнь никто от него грубого слова не слышал, никого обидеть не мог, по улице шел, встречным кланялся почти до земли...

...Вот на этой дощечке с родовым деревом Алексей Гаврилович его изобразил, Гаврилу Афанасьевича, а рядом на ветке и дедушка, и матушка, и братья, все семья, а там дальше дом родительский...

Я смотрю на это родовое дерево — как птицы, уютно и легко сидят предки и родственники на ветке. Что-то и от сказки, и от лубка... Хвалю Алексею Гавриловичу его работу. Он отвечает, что забирают эту работу в Ярославский музей, будут делать какую-то новую экспозицию, много других работ заберут. Что последнее время известность его все растет. Зимой приезжали итальянцы посмотреть его художества, в Югославию на 28 языках вышла «Всеобщая история наивных художников» (то есть художников самодельных, «примитивистов»), среди советских художников называется

его имя. Я прошу рассказать Алексея Гавриловича, как он стал художником.

— В 1969 году вышел я на пенсию, купил дом — до этого при школе жили. Вошел в избу — стены голые, нехорошо. Выпилил из чурки деревянную вазу, повесили на стену, поставили в вазу искусственные цветы. Вроде веселее в избе. Потом начал в школе вести уроки труда. В лагере я каменщиком работал, со всякой ручной работой приходилось дело иметь. Попросил привезти липу, разрезали, подсушили, начали резать из чурочков. Работа эта требует терпения; а ребята у нас нетерпеливые, к труду не привычные, делают кое-как, и самим это не нравится. Надо заинтересовать ребят. Я сам вырежу, принесу. Ребята говорят: «Хорошо, только надо покрасить». Сначала акварельными красками раскрашивали, потом масляными. Кисти тогда можно было выписать из Посылторга, да и краски; теперь и этого нет. «Давайте, — говорю, — ребята, изобразите «Капитанскую дочку: степь, кибитка, лошадка бежит, Гринев с Савельичем едут, и крепость Белогорская перед ними». Басни Крылова резали, овцекомплекс изобразили. Сначала хорошо пошло, потом опять остыли ребята — терпения нет, их скорость сбавляет. Решил уйти из школы, дома начал резать. Восемьдесят басен Крылова изобразил, букеты цветов — всю избу завесил. Приехал один знакомый.

— Да у тебя музей! — говорит. — Я воодушевился.

Решил делать большие вещи: «Брак в Кане» Веронезе, «Последний день Помпеи» Брюллова, «Явление Христа народу» Александра Иванова. Вроде — копия; но ведь каждая фигурка выпукла, объемна. И пространство, перспективу можно по-другому дать.

— А что вас вдохновляет, важна ли вам тема, композиция, идея?

— Меня вдохновляет работа, резьба — она поддерживает мой дух, мое желание жить. Если я беру чурку, никому не нужный кусок дерева, и из-под моей руки выходит какое-то изделие, чувствую, что недаром я живу, что вот сотворил что-то. Из простого делаю сложное, из чурбака картину — это большая радость. В жизни на мою долю выпало пакостей больше нормы, больше, чем на обычную человеческую жизнь. Душа жила спеленатая, да иной раз думаешь — как бы ее вовсе не было. А теперь она оживает.

— А вам не кажется, что вы как бы отвлечаетесь от действительности, живете в мире своих фантазий?

— Фантазий я не люблю, но люблю модернство со всей их символикой и условностями. Во время следствия, когда пытали меня, измором брали, спать не давали, начались у меня галлюцинации, раздвоилось сознание, пропала реальность. Если бы не посадили ко мне сокамерника, не выдержал бы, наверное. От того времени остался если не страх, то неприятие всего условного.

И так я думаю: жизнь наша — нелегкая. Чтобы тяжесть ее вытерпеть, надо искать отдохновения. Если человек не будет иметь отдыха, будет всегда напряжен, ничего, кроме болезни, он себе не заработает. И такое отдохновение должно даваться ему искусством.

— Но ведь искусство, особенно русское, ставило перед собой другие задачи. Прежде всего — поиска смысла жизни, искательства истины. И эти поиски приводили подчас к мрачным выводам, к чувству безысходности, потери реальности. Если говорить несколько упрощенно, то именно в этом почва и модернизма, и авангардизма...

— Не согласен я с вами, думаю, другая у них почва. И Рублев, и Феофан Грек жили в страшные времена, и тогда люди думали о конце света, о том, что сбываются предсказания Апокалипсиса, приближается гибель мира. Изображали они картины страшного суда, грозных пророков. Но через веру свою они ужас претворяли. А Данте для того, чтобы написать свою «Божественную комедию», через какие душевные муки пришлось пройти! Воистину он в аду побывал. Но какой же высоты его дух был, какое величие духа он нам явил!..

— Значит, в искусстве вы ищете красоту и величие духа?

— Ничего я не ищу. Я открываю альбом репродукций, смотрю и потихонечку, не торопясь, начинаю резать.

— А каких художников вы предпочитаете?

— А я всех даже и не знаю: сколько их было в каждой стране, в каждом столетии! Ведь я живописи никогда не обучался, хотя рисовать любил. Вот когда в школе мы спектакли ставили, — а что это были за спектакли! Вся округа съезжалась, на школьном дворе — лошади, сани, машины... — Да, так вот я обязательно декорации писал. И «Евгения Онегина» ставили, и «Ревизора»...

Нас, самодеятельных художников, называют «наивными» или «примитивистами», потому что мы работаем не по правилам. Отсюда и смелость. Мне все равно, что Рафаэль, что Брюллов... Меня не страшит, что я могу не справиться. Не получается, завтра сначала начинаю. Я ведь для себя работаю. И цели у меня нет такой, чтобы кого-нибудь удивить. Я и сам не знаю, почему я так режу, а не иначе... Работаю, потому что не могу иначе, потребность это. Для живота пища нужна, для глаз красота... Вот пенек у меня есть, на нем я вырезал триптих. Соединил Пуссена, Репина, а на последней картинке изобразил пионеров — шагомером они землю меряют, а в небе летит самолет, химией опыляют поля. И назвал я этот триптих «Падение красоты». Мы поклонялись науке, «не ждали милостей от природы» — двигали реки, рыли каналы, строили новый мир, в котором кто был ничем, тот стал всем. Красота стала исчезать из жизни. В городах появились дома-коробки, всюду строились типовые школы, типовые дворцы культуры. Красота стала частью знания о прошлом. Неплохо было знать, что был Леонардо да Винчи, Репин, процитировать Пушкина или Салтыкова-Щедрина. Но можно было и не знать; это ведь не главное — главное строить, возводить, выдавать план... А вот и не возвели, а вот и не построили... Говорят: «Надо было по-другому». Опять, значит, все разрушить, опять принимать новые экономические программы... Не знаю, не знаю...

— Миленькая моя, — это вступает в раз-

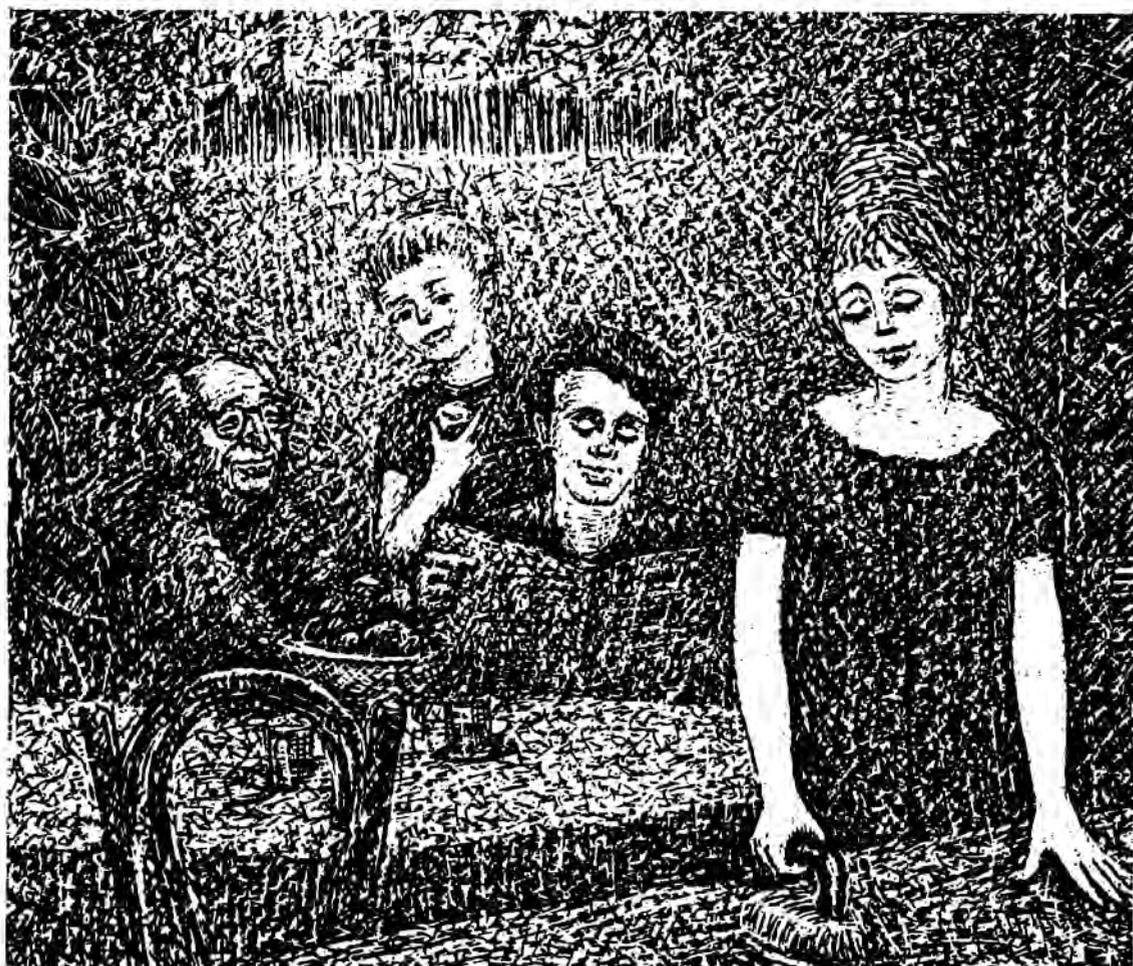
говор Нина Васильевна, — конечно, старых учителей могут и не послушать. Но, главное, — детей надо спасать! Экономика не все в жизни определяет, экономика человека не создает. И вот, думается, если раньше делали главный акцент на школу, теперь надо делать акцент на семью. Школа дает знания, а душу ребенка выпестовать может только семья. О душе человека мы забыли!..»

Я уезжала с чувством, что познакомилась с дорогими, редкими людьми, что узнала об искусстве и о людях что-то новое. Я впервые встретила с человеком, который в точном смысле этого слова спасался искусством. Оно восстанавливало в его душе что-то, что было утрачено, затоптано, перевернуто жизнью. Недаром его мысли возвращались в прошлое. К сожалению, не всё из рассказов Алексея Гавриловича попало в интервью, например, рассказ о дворце князей Храповицких в поселке Муромцево недалеко от того села, где родился Алексей Гаврилович, дворец, построенный в начале века изощренным архитектором, не пожелавшим повторить ни один фронтон, ни один карниз, ни один интерьер — совершенно замечательный рассказ. Или о том дне, когда в деревню пришло известие о начале первой мировой войны... Там, в прошлом, была цельная картина мира, было ощущение нравственного здоровья этого мира — ощущение ребенка, жившего в патриархальной крестьянской семье...

Я узнала новое о «наивном» искусстве. Это искусство не только не по правилам — оно не хочет знать этих правил. Знание рационально, оно может разрушить то стихийное чувство красоты, которое движет «наивным» художником. Для того, чтобы, приобретая знания, соединить их с природой, чутьем и талантом надо пройти непростой путь, а «наивный» художник хочет работать сегодня, он не может откладывать на завтра.

Путь к постижению правил (законов живописи, скульптуры, исторически сложившихся) — это некое расстояние, это отделение от корней, от почвы, от естественного данного человеку от Бога чувства красоты. Наивный художник отвергает это расстояние, принимает к корням. Характерный автопортрет у Алексея Гавриловича: свою голову он поместил среди цветов, в глиняном горшке: прямо от корней она растет, питаясь соками земли.

И та стихийная, природная сила красоты, которая движет «наивным» художником, она обладает мощным энергетическим зарядом. Дом Пичугиных — паразитный дом. Сказать, что там живут добро и красота — значит ничего не сказать, потому что это совсем особое добро и непривычная красота. Алексей Гаврилович уверял меня, что его работа не требует таланта, только терпения, что он не понимает, что такое талант. Я подумала — может быть, талант — это и есть та энергия красоты, которую можно почувствовать только в работах мастера?..

Владимир ПОМЕРАНЦЕВ

СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГ

Окончание. Начало в № 6
за 1990 год

Как-то, придя из школы, Рита застала открытку без подписи. «Вы думаете послать по пятьсот,— говорилось в ней,— через полгода по двести, а потом вообще ничего. Но мне ваша хитрость ясна. И если в следующий месяц вы не дошлете того, что нынче оттяпали, я не поспею на билет...»

Григорий Евсеевич успокоил Риту какой-то придуманной ложью, хотел обратиться в кассу взаимопомощи и сейчас же дослать. Но Анна Наумовна решила тоже упорствовать. Она уверена была, что «мерзавка» только запугивает, и попыталась в свою очередь ее припугнуть. «У нас сохранились квитанции,— написала она,— за три года семь месяцев, и если вы к нам за-

явитесь, мы их передадим прокурору. Если вы захотите испортить Ритину жизнь, то свою закончите там, откуда приехали».

Прошли две недели, и однажды Рита не возвратилась домой. Родители ждали ее до позднего вечера и бросились искать по подругам. Те сообщили, что к Рите подошла у школы какая-то женщина, сказала, что им надо поговорить, и увела ее...

Родители целую ночь тщетно ждали услышать шаги... День они провели на вокзале, в больнице, в милиции... Во вторую ночь врач неотложки вспрыскивал Анне Наумовне камфору... А едва уехала неотложка, раздался звонок. Но это оказалась не Рита. На пороге стоял незнакомый высо-

кий молодой человек. Увидя белого, дрожащего Григория Евсеевича и сразу поняв, что тот ждет рокового известия, от которого тут же и свалится, юноша, даже не поздоровавшись, быстро сказал: «Я от Риты. Она жива и целехонька. Едьте. Внизу ждет такси».

Надел пальто на плохо соображавшего Григория Евсеевича и свел его с лестницы.

Потом юноша вел Григория Евсеевича по коридору, в котором едва светилась тусклая лампочка, и открыл перед ним дверь комнаты, уставленной койками. На пороге его обняли Ритины руки.

Они опустились на койку и зарыдали. Долго рыдали, прижимаясь друг к другу щеками.

— Девочка моя, девочка моя,— бормотал Григорий Евсеевич.

— Папочка... папка мой,— всхлипывала Рита в ответ.

И ничего больше не говорили...

Он даже не спросил у нее, что это за общежитие тут, как она очутилась в нем.

А произошло это совершенно случайно. Студент увидел на скамейке бульвара очень молоденькую, на редкость красивую девушку. Какая-то женщина ей что-то втолковывала и пыталась обнять. Девушка судорожно отталкивала от себя ее руки. Потом встала и, не обернувшись на женщину, быстро, почти бегом, поспешила куда-то. Студент бросился вслед. Она помчалась через широкую площадь, не замечая трамваев, автобусов. Перебежав площадь, остановилась, нерешительно пошла первой попавшейся улицей, потом передумала, пошла по другой, повернула назад... Зашла в туннель каких-то ворот, прислонилась к стене... И тут студент подошел к ней.

— Что с вами, девушка?

Она молчала.

— Что с вами? — повторил он настойчиво.

— Ничего... Уйдите... Не надо...

— Нет, не уйду. Вы можете так попасть под трамвай, под машину. Я провожу вас. Где вы живете? Куда вам идти?

— Никуда... Никуда теперь...

Он помолчал, внимательно оглядел ее и перешел вдруг на «ты».

— Ну, в таком случае давай-ка со мной. У нас три женских комнаты. Койку найдем.

— Оставьте меня... Уходите...

— Сказал, не оставляю. Тебе надо в себя прийти... И не одной сейчас быть. Если что-то случилось, то надо подумать, с кем-нибудь посоветоваться. А не так вот, метаться, в воротах стоять...

— Уйдите... Уйди...

— Заладила «уйди» да «уйди». Тебе что, другие слова неизвестны? Смотри-ка, возле нас уже останавливаются... Наверное, думают, что я обидел тебя. Давай-ка скорее смотаемся, а то соберется толпа... Милиционер притащат, он поведет нас с тобой в отделение...

Так, в самый страшный день ее жизни возле Риты появился вдруг Коля... Впоследствии она и представить себе не могла, как все сложилось бы, если бы он послушался ее тогда и ушел. Никого не могла представить себе вместо него...

Внешне жизнь Риты не изменилась. Приемные родители остались родителями. Долгие дни после события они втроем ласкались и плакали. Никогда раньше Рита не любила их с такой силой, никогда они не были ей так отчаянно, так непередаваемо дороги... И все-таки что-то стало иначе... Исчезла та простота отношений, когда дочь могла сказать матери: «Ну что ты привязываешься, я же сыта», «Ты бы, мамочка, убрала свои выкройки, а то они всюду валяются», из-за них ничего найти невозможно... Дочь стала бдительной к слову, утратила нетерпеливые жесты и былую свою безмятежность. Если прежде она убегала, не застелив иногда за собой кровать, полоскала под горячим краном тарелки, а кастрюли оставляла мыть маме и, беря в булочной хлеб, съедала там непреременный эклер, то теперь она сделалась во всем шепетливой, и это доставляло горечь родителям. Она не хотела давать им почув-

ствовать, будто что-то стало другим, но уже не могла, никак не могла просить маму пришить ей оборочку, постигнуть комбинацию, дать денег на коллективный подарок учительнице. Мама сама предупреждала теперь движения и желания дочери, а дочь предугадывала движения мамы. И от этого в жизнь их вошли неприметные тягость, надлом...

Но вошел в жизнь и Коля. Простой, внимательный, веселый, решительный. Обладая взглядом энергичных бесхитростных глаз и покорялся непринужденностью, он сразу понравился даже Анне Наумовне. Особенно понравилось ей, как он смеялся,— часто, свободно, невзрывчато, что свидетельствовало о хорошем характере и природном изыскестве. Она заметила также, что у него очень красивые удлиненные пальцы, и ими бы не чертить, а на рояле играть. А Григорию Евсеевичу пришлось по душе, что Коля равнодушен к футболу, обо всем говорит оживленно и водит Риту не только в кино, а и в лекторий. Он как-то сразу стал в доме своим человеком. Увидя, что плох телевизор, стал в нем копать и в следующий раз принес новые лампы. Попросил у Анны Наумовны иголки и нитки, потому что у них в общежитии все растеряли. Запросил притащил с собой кусок ветчины из присланного матерью окорока.

Родители не могли не заметить, что когда вечером раздавался звонок, Рита краснела и деланно медленно шла открывать... Но гостю радовался и Григорий Евсеевич. Проводивший в строительстве все свои дни, но только стороной слышавший, какая в его деле идет революция... Коля приносил из своего института фотографии строек из ведомых еще материалов, вываливал из портфеля разные бюллетени, журналы, пересказывал лекцию приехавшего из-за границы профессора, каждый раз затевал какой-нибудь живительный спор. Он умел говорить и увлечь, умел слушать, умел сделать профессиональный разговор интересным также для Риты и Анны Наумовны. Рита втягивалась в такой разговор, Коля восторженно улыбался ее толковым словам и спохватывался, что у него взяты билеты на последний сеанс...

Когда Рита окончила школу, Коля перешел на четвертый. Ими не было сказано, что они жених и невеста,— это было ясно без слов, как ясно было и то, что Рита будет тоже строителем. Но поступление ее в институт не сделалось праздником,— оно совпало с новым большим потрясением, с тяжелыми, грязными розысками, сделавшими Ритину тайну известной...

После встречи на бульварной скамейке Рита не видела женщины, которая ее родила. Ничего не хотела о ней узнавать... А та стала жить еще беспорядочней прежнего. Она теперь много пила, часто загуливала, подолгу не приходила домой. Мужу ее подваливало уже под пятьдесят, и ему это все надоело... Он решил взять ребенка, найти себе подходящую женщину и зажить на склоне лет домовито, спокойно. Но мать не отдавала мальчишку. Хотя он и был у нее без присмотра, а не отдавала. Начались скандалы, суды. И вот появился перед Анной Наумовной плешивый, заискивающий, неопределимый на глаз человек, которому потребовались справки о том, что мать его сына уже лишалась однажды прав материнства, ребенка рожала во вре-

мена оккупации, жила вымогательством... Григория Евсеевича в это время не было дома, он как раз накануне уехал на бетонный завод, и Анну Наумовну эта просьба застигла врасплох. Она не знала, как быть. Ей не для чего было шадить ненавистную женщину, и в то же время она понимала, что Ритино имя не должно называться в судах. Приезжий просил, уговаривал... Она сказала, что должна подождать возвращения мужа, они вместе хорошенько обдумают и тогда сообщат.

Об этой поездке своего муженька узнала ответчица... И выросла вдруг на пороге ничего не ведавшей Риты... Рита шархулась... Женщина вошла в комнату, села...

Разговор пошел беспорядочный. И страшный, и жалкий. Собственно, не разговор. Говорила только пришедшая.

— Мне было тогда столько же лет, сколько тебе теперь,— отрывисто бросила она.— Может быть, ты красивей, но я была тоже красива. И одна, совершенно одна... Ни грамма крупы, ни корочки хлеба...

А они — с колбасой, с булками, с медом... Сначала опоил адъютант, потом сам командант, и пошло... Пусть я дура была, пусть предательница, но не тебе от меня лицо воротить... Ты на блинчиках выросла, тебя в постельку укладывали... Я десять лет на морозе... Весь обогрев — только водка...

Тебе папенька «Красную Москву» купил, а я ацетиленом душилась... Мужики кругом похабные, лапистые... И вот, наконец, учтичей стала, семью завела... А черта ли в этой семье! Муженек из снабженцев, из жуликов, единственное его удовольствие — жрать, и никакой новой жизни я с ним не увидела... Да, кулебяк ему не пеку, калсон не стираю,— не такой человек, чтобы что-нибудь делать хотелось... Он кричит, что я пью... Да, попиваю... Радость мою с ним запиваю... Но какое это имеет к мальчишке-касательство! Ему девять лет, а и шлепки никогда не получал от меня... Единственная моя утеха на свете... Отнимут — я в петлю... Я знаю, ты мне ничем не обязана... Слыхала, наверное, что я деньги высасывала... Но ведь я все же таки тебя родила!.. Ведь это братишка твой!.. Неужели же кровь ничего не скажет тебе? На вот, гляди на него, посмотри!..

И настойчиво всовывала фотографии мальчика.

А у Риты кровь стучала в сердце, в висках...

Впоследствии, когда она показала Коле тетрадку, он нашел в ней такие четыре строки:

Мальчик, у тебя глазки пройдохи,
Но и мои глаза...
Мы дети большой и нескладной эпохи.
Незнакомые брат и сестра...

А Григорию Евсеевичу она сказала в тот вечер:

— Папа, здесь была эта женщина... Не надо ребенка у нее отбирать... Не надо, родной...

— Ну, конечно же, девочка. Конечно, не надо,— вздрогнул Григорий Евсеевич, и потолок показался ему низеньким, давящим.

Ребенка не отняли. Но истец все равно назвал Ритино имя, вступал в дело печать, общественных следователей. Они рылись в почтовых архивах, ища корешки переводов, одолевали расспросами... И докатилось до треста, в котором работал Григорий Ев-

севиич, подкатилось и к дому, в котором он жил...

— Знаете,— сказал ему инженер Финкельштейн, тоже лишившийся близких,— я не националист, упаси меня боже... Но еврей, удочеривший дочку карателя... Нет, нет, я не осуждаю вас, я удивляюсь вам...

Но в душе осуждал. Осуждал, так как Рита была немецкой крови...

А через год Колина мать осуждала сына. Незадолго до свадьбы Коля повез Риту в деревню знакомить с родными. Она покорила их. Все довольны были Колиным выбором. Зазывая соседей, старушка похвалилась перед ними невесткой, ее скромностью, красотой, постоянством («ни на кого, кроме Коленки, все три года смотреть не хотела»). Всем понравилось, что Рита не выказывала никакого жеманства, с удовольствием ела нехитрые деревенские блюда, с любопытством бродила по фермам (до этого она была в деревне лишь раз, когда класс ездил картошку копать) и, краснея, выходила в круг под гармошку... Старушка не подпускала ее к печке, не позволяла посуду мыть, глядя полоть («Ты у меня, доченька, гостья»), но Рита все время старалась помочь ей, и это умилало свекровь. Однажды та устроила ей испытание. «А ну картошку, помоги,— лукаво сказала она,— всю помой-ка картошку». Картошка была еще как горох. Выкопали ее только для молодых, чтобы полакомиться (на горшочек картошки — горшочек сметаны). Рита быстро и ловко, трижды сменив в тазике воду, потеряла этот горох друг о дружку, пока с него не сошла кожура, а старушка искоса наблюдала за нею и удовлетворенно посмеивалась. «Твоя мама мне экзамен устраивает»,— шутя пожаловалась Рита вошедшему Коле: «А как же,— призналась старушка,— должна же я знать, будет мой сын голодным ходить или нет». Молодых принудили взять с собой поросенка, который должен был украсить свадебный стол, и целый баул свежих огурчиков.

Но когда старушка сама приехала затем в город на свадьбу и увидела Григория Евсеевича и Анну Наумовну...

— Коля,— нетерпеливо отозвала она сына и зашептала с нескрываемым ужасом,— она ж... твоя Рита... еврейка?..

— Да,— сказал, нахмурившись, сын,— еврейка... Нет, не еврейка, а немка...

— Что-о?..

— Нет, не немка, а украинка... Ну, в общем она всех этих наций и ни одной этой нации... Потом как-нибудь... В общем она русская, мама... И какая тебе, собственно, разница!..

Этот разговор, если и не расслышала, то разгадала Анна Наумовна. И горестно было на свадьбе этой пострадавшей женщине, которой суждено было через месяц уйти...

Умерла она неожиданно, сразу, легко. Сдавило вдруг сердце, стали холодными ноги. Пока врач неотложки делал укол, пульс стал неслышным...

Медовое Ритино время перебилось рыданиями, а потом многомесячной бессильной тоской.

Григорий Евсеевич чуть ли не каждый день ездил с работы на кладбище... Это продолжалось полгода, пока Рита не уговорила его побережь себя для нее.

— Я не так уже нужен тебе теперь, девица,— говорил он, глядя ей волосы.

— Всегда был и всегда будешь нужен,— горячо отвечала она.

Они втроем установили на могиле ограду. Коля сам высек мрамор. Ездили по воскресеньям окрашивать, поливать цветы, прибирать. Потом Григорий Евсеевич вдруг объявил:

— Так больше нельзя. Я запрещаю. Вы должны жить...

И впрямь — Коле надо было готовить дипломную, Рите — одолевая интегралы, Григорию Евсеевичу — не запаздывать с планом... О мертвых сначала плачут, потом тоскуют, потом — вспоминают...

Когда они сходились вечерами в квартирке, каждому было хорошо от других. Все трое приносили продукты и всегда не те, о каких уговаривались. Получалось непрактично, но весело. Покупать мясо лежало на Рите, но едва она начинала крутить мясорубку, как Григорий Евсеевич являлся со свертком готовых ромштексов и отбивных. Коля должен был брать по пути из института картофель, но приносил не пять килограммов, а только один, так как прихватывал моченые яблоки. Зная, что у папы печень побаливает, Рита не покупала колбас или брала обезжиренные, а папа, зная, что молодые любят копчености, сводил ее заботы о диете на нет. И все время шуточно упрекали друг друга.

Григорию Евсеевичу не позволялось ничего делать по дому. Коля заклеил на зиму окна, обил входную дверь дерматином, натирал паркет, ходил в прачечную. Он вообще оказался удивительно чуток: долгое время после смерти Анны Наумовны не включал телевизор, следил, чтобы все вещи в квартире лежали там, где находились при ней, всегда брал в кино три билета... Иногда к нему приходили товарищи, а к Рите сокурсницы, и Григорий Евсеевич молодец возле них, оживлялся.

Но его ждал новый удар. Вернее, два сразу...

Григорий Евсеевич был начальником деятельным и подвижным. Мягкий и спокойный с людьми, он, однако, всегда беспокоился ходом строительства и поэтому меньше бывал в своем тресте, чем на его предприятиях и на площадках. Такая хлопотливость могла бы даже свидетельствовать о плохих организационных способностях, но трест всегда выполнял свои планы и постоянно премировался. Тем обиднее, тем незаслуженной вышло все происшедшее...

Он и раньше спал некрепко и мало, а после смерти Анны Наумовны не мог ничего поделывать с бессонницей. Чтобы забываться хоть на три-четыре часа, стал принимать люминал. Вставал после этого бодрым, но среди дня поддавался потом короткой дремоте. Продолжалась она минут десять и наступала обычно в машине. Но однажды случилось, что сломила она его в кабинете. А дверь кабинета распахнул в это время большой местный начальник...

— Съесть хотят тебя,— откровенно сообщил вскоре партийный руководитель района, ценявший начальника треста, ежедневно выполнявшего план.— На пенсию выпроводить...

Григорий Евсеевич вздрогнул.

— Это не старость, это было сновторное...

— А его только в старости и принимают,— отпаривал тот.— И как это тебя угораздило... Ну да ладно, постараюсь еще отстоять...

Но не отстоял. Григория Евсеевича сделали рядовым инженером. Круг интересов и дел сразу сузился, из жизни ушло привычное, главное, а заработок уменьшился втрое. И от этого Григорий Евсеевич вдруг вправду сделался старым... Захлестнутый острой тоской, он брел мимо бесчисленных кварталов, в которых каждый дом, каждый блок был листком его биографии, и не умел с собой справиться... Стояли летние сумерки, решетки балконов обвивались виноградным листом, из раскрытых окон доносились голоса телевизоров, во дворах резвились ребята... В этих домах давно шла неостановимая жизнь, и остановилась только жизнь человека, который их построил... Он вспоминал, как меньше года назад хоронили Анну Наумовну сотни людей, никогда не видавших ее, но пришедших участвовать в скорби большого строителя, и ощущал, какая тишина вокруг него наступит теперь, когда с этими людьми, с их трудом и заботами порываются связи...

Он зажил маленькой жизнью надсмотрщика над подземной прокладкой труб. Следил, чтобы все делалось с толком и не приходилось потом перекапывать. С этим надзором справился бы любой техник, прораб, для этого не нужно было иметь за плечами тридцать пять лет инженерного опыта... Но через несколько месяцев он поправился. Не смирился, но поправился... В голове ройлись теперь не десятки беспоконных забот, а только одна — быть на участке, чтобы все шло на глазах.

Старость он ощутил, ибо старость — это когда почтовый ящик пустой, когда не дребезжит телефон... Но он не давал разлиться по телу той старости, когда становится уже все равно, выполнен или не выполнен график.

Но в этот период (а лучшего ждать уже не приходилось) Григорий Евсеевич мог убедиться, что не обманулся в своих молодых. Раньше он делал им дорогие подарки и нес почти все расходы. Это радовало его, это как бы упрочивало... Теперь его вклад в семейный бюджет сделался паем. Коля стал получать почти столько же, а вместе со стипендией Риты их доля уже переваливала...

— Знаете, что меня во всей этой истории радует,— заявил однажды весело Коля,— что я наконец на равных правах! Это ужасно — быть в двадцать три года на иждивении! Погодите, я еще вам отомшу!..

— Ну что ты, что ты, Коленка, какое там иждивение... Студенты во все времена есть студенты... И вам нужно в театр, нужно одеться, а мне... у меня все необходимое есть... И я очень радовался, когда мог до сих пор...

— Ага, вы этому радовались! А каково было мне?! Не дай бог быть мужем дочки богатого папы! Теперь вот куплю Рите с полочки чулки и знаю, что скажет: «Ой, умница!». А куда было раньше соваться с чулками, когда папа давал на модные туфельки! Теперь вашему эгоизму конец! Хватит, поиздевались над маленькими!

— Ты, папа, получал больше среднего служащего,— говорила Рита,— а теперь получаешь, как все. Ну и что же тут страшного. Я несколько не переживаю от этого.

Поверь мне, нисколечко. Переживаю я только то, что ты это переживаешь.

Это было от сердца. Но каждый рубль приходилось отныне рассчитывать. Портфель, с которым Григорий Евсеевич возвращался домой, теперь уже не был разбухшим, и он не говорил своей девочке: «А ну, выгружай...» Привычные лакомства стали теперь недоступными и всякая трапеза — чувствительной.

И вот в это время Рита получила письмо...

Женщина, которая ее родила, лежала в больнице. Ей должны были вырезать грудь. Письмо она набросала карандашом, накануне... «Может быть, мне карачун,— разобралась Рита непонятное слово,— а может быть, и сойдет хорошо. Но все равно буду несколько месяцев ни на что не годящая. А если отец возьмет его на это время к себе, то уже не отдаст... И вот я прошу тебя... Ведь Митя тебе все же таки брат... Не хочу, чтоб он, как я, был бездомцем, пусть будет у него в жизни сестра... Я знаю, что Анна Наумовна меня ненавидит, но он же не будет все время у нее на глазах... Устрой его на лето в тот лагерь, куда ты уезжала... Если останусь живая, то до зimy приеду за ним, а нет, так к отцу отвезешь...»

Коля, о существовании которого женщина, родившая Риту, не знала, прочитал и сначала ничего не сказал, а когда Рита вопросительно на него посмотрела, не взялся ответить:

— Это очень нахальная женщина. Но она этого не понимает. И сейчас очень несчастна... Не знаю, Ритка... У тебя будет свой... А у него есть отец... Пусть решит Григорий Евсеевич...

Григорий Евсеевич тоже сначала ничего не сказал. Вложил бумажку обратно в конверт, отдал Рите и весь вечер потом даже не упоминал о письме. Рита решила, что это ответ... Но утром, уходя на работу, он бросил:

— Мне, Ритонька, кажется... Почему бы тебе и не познаться с мальчиком... Может быть, станет родным... В молодости этому не понимают цены, а потом, когда каждая душа на учете... Приобретем раскладушечку, и он может спать в моей комнате... А мою кровать давно пора уже сменить... Надо не такую широкую... Тогда тесно не будет...

Рита приехала за братом под вечер. Еще носились на самокатах ребята. Видя, как она неуверенно оглядывается в незнакомом дворе, один из них подлетел к ней:

— Вы кого ищете?

Она назвала.

Он с любопытством ее оглядел.

— Идемте, я вас провожу.

И привел в пустую грязную комнату.

— Посидите немножко, я сейчас разыщу его.

Она выбрала место почище... Потом встала, подошла к подоконнику, постояла перед ним, снова села... Сердце билось так слышно, как каблук на асфальте...

Прошло сколько-то долгих минут и дверь отворил тот самый мальчишка, который привел ее.

— А Митька?... Ты не нашел его?

Он не ответил, сел на кровать, посвистал, заулыбался и объявил:

— Вот вы меня не отгадали, а я вас отгадал. Вас зовут Рита.

— Какой же ты... дурачок.— пробормотала она, подошла к нему, обняла и заплакала.

Но он не был чувствительным и медлил отвечать на вопрос, хочет ли с нею ехать. Ему явно понравилась красивая, хорошо одетая девушка, но еще больше нравилась та свобода, которой не хотелось лишиться. Он не мог не страдать от своей бесприютности, но не верил и в безвестный приют. Рита это все поняла. Соседка сказала ей, что кормит мальчишку на деньги, приходящие по исполнительному листу от отца, но сам отец живет теперь на другом конце города и не часто заглядывает. Мальчишка предоставлен себе и бегаёт неизвестно где целый день. Он продал недавно на рынке свою зимнюю шапку и бурочки, отнес матери в передачу печенье и яблоки, а остальное проел на мороженое...

Рита побывала в больнице. В палату ее не пустили, но вынесли заверенную платным врачом подписи больший под доверенностью на получение документов из школы. Потом Рита разыскала отца...

— Митька будет для вас трудным орешком,— сказал он.— Но считайте, что он у вас вроде гостит.

На другой день Рита снова побывала в больнице — на этот раз с Митькой, которого врач сам провел в палату проститься...

Он вышел оттуда зареванный, а на улице его так сотрясали рыдания, что встречные останавливались и готовы были вмешаться.

— Я н-не поеду с в-вами... Ник-куда от нее не уеду,— выхлипывал он.

— Говори мне «ты»,— сказала она, сама готовая разрыдаться на улице.— Я сестра твоя. Понимаешь, сестра...

Вечером, придя в себя, он спросил:

— А мы на поезде поедим?

— На поезде.

— Я буду стоять у окна.

— Где захочешь, там и будешь стоять.

Дом заселен был строителями и Григория Евсеевича знали здесь все. Давно известна была и история Риты... Но привезенный мальчишка стал предметом особого больших разговоров. Как раз в это время в городе шел судебный процесс старых предателей... Одних подсудных судили заочно, так как жили они за границей, а других, долго скрывавшихся, но в конце концов пойманных, привезли в большой клубный зал... Оживилось то страшное, что эти люди помогали немцам творить, восстали картины, одна кошмарней другой. И восстала на дворовых скамейках тема происхождения Риты... Ее брата, неизвестно откуда свалившегося, расспрашивали не столько мальчишки, сколько разные тети, докопавшиеся, что он родился на севере... И, конечно, Григория Евсеевича никто не одобрил...

— Блаженный какой-то...

— Будь жива Анна Наумовна, она б ему показала...

— Такой инженер и такой дурачок...

— Я от Риты не ожидала такого... Старик для нее старелся-старелся, все для нее, все для нее, сам теперь в чиненых ботинках разгуливает, а она ему еще братца на шею...

— Да... Вот, говорят, они умные, хитрые, а этот себя прохитрил...

— Уж больно он тихий, вот им и воровают...

— И ведь не такой уж он старый... Другой бы нашел себе подходящую немолодую вдову, да сказал бы зятю и доченьке: «Вот ваша половина, вот наша»...

— А этому доченька отвела в уголке уголок...

— Да, по наружности Рита вроде и добрая, а кровью-то оказалась...

Григорий Евсеевич это настроение чувствовал. Оно сказывалось в сдержанных, неловких приветствиях, в осуждающих или сожалеющих взглядах. А один пенсионер, некогда прославленный каменщик, решил взять себе стариковское право все высказать... Разговор этот произошел поздним вечером, когда Григорий Евсеевич вышел во двор загнать домой неспешившего Митю.

— Сынка своего нового ищешь? — спросил его кто-то из темноты, а в кустах за скамейкой раздалось злое рычание.— Норка, тихо! Сейчас же к порядку! — окрикнул тот же голос собаку. Григорий Евсеевич узнал старика, вывожившего вечерами овчарку и подоилу курившего на дворовой скамейке.— Они все там за д-а надают корпусом,— сообщил он о мальчике.— Лазают в подвальный этаж. Нудумали такую игру, страшной ее называют. Идем, покажу...

И, неторопливо лавируя между домами, заговорил:

— А скажи мне, Григорий Евсеевич... Раз уж случай пришелся... Мы ведь с тобой одиннадцать лет в одной партийной организации были... Так уж позволь прямиком... Почему это ты сам за мальчишкой?... Зачем ты себе на старости лет... Я не мешаю, конечно, в твое домашнее дело, но только многим обидно здесь за тебя... Очень обидно...

И возник разговор. Непростой и ушедший за полночь. Митьку быстро нашли, отправили ужинать и сейчас же ложиться, а сами остались во дворе разбирать, что есть отец, что есть нация, что есть дьявол, что есть любовь, что есть человек и жизнь человека...

— Я не простил. Нет, не простил,— нервно оправдывался Григорий Евсеевич.— И приговорил бы не в лагерь, а повесил бы, невзирая на давность. Потому что к зверью нельзя применять... Но когда я чувствую, как здесь зашушукались обо мне, о Рите, о мальчике... Нет в Рите ни отцовской, ни материнской крови! Мы с тобой давно перелили свою...

Он вспоминал, объяснял:

— Когда я ее из детского дома принес, она уже, правда, ходила, но больше от одних колен до других. Любила, чтобы я зажимал ее своими коленями. Смеялась, тужилась вырваться... И тогда во мне вдруг исчезло все то, что накопилось за страшные годы... Постиг внезапно другое... Кругом еще разлито было свежее горе, весь воздух пропитан был ненавистью, а я... я был притянут к ребенку... Мучился, радовался,— больше, наверное, мучился,— но уже иначе не мог... Поверь, ты мне не скажешь такого, чего бы я за все эти годы не слышал. И от чужих, и от самого близкого... Но если бы и миллион людей

не согласился со мной, мне было бы уже все равно...

— Да разве ж кто против детей, против наций! Разве не понимаю тебя! — отступил старый каменщик, взволнованный страстным и вместе усталым тоном Григория Евсеевича. — Я ж коммунист. Мне все одно еврей, поляк или немец, лишь бы был человек. Я о другом. Я к тому, что ты распустил... Ведь вот, этот мальчик одной со мной нации, а все ж таки я говорю, что не имела Рита законного права тебе его навязать...

— Навязать? Мне никто не навязывал... Ему расхотелось дальше оправдываться. Не в чем было оправдываться. Его жизнь, его любовь к Рите не нуждались ни в каких оправданиях.

— Ясное дело, что Рита, когда ты ее взял крохотулькой, не должна была расплачиваться за взрослых зверей, — продолжал, однако, сосед — Кто ж с этим спорит! Разве ребенок за такое в ответе... Но ведь и ты, Григорий Евсеевич, тоже не должен расплачиваться за то, что у нее теперь оказался и брат...

— Но ведь это же именно брат!

— Ну а что из того... Когда брал ты ребеночка, брал в нехорошие дни, и сердцем сумел обо всем рассудить, то, значит, истинное оно у тебя... Да, это не всякий совершит, это нужно к тебе со всем уважением... Но когда ты теперь пожилой человек, квартирка и жалованье — не разгуляешься, и ты из угрождения к Рите перед ней на карачках... Тут уж, прости. Тут я тебя уважать не могу... И мой разговор не о нациях, а кто как умеет поставить себя...

Разговор не о нациях... Но собеседнику старого каменщика послышалось в этой оговорке другое. Послышалось, будто старик удивляется высокому наднациональному чувству еврея, вырастившего дочку карателя, но испытывает к нему и снисходительную жалость за это... Послышалось,

будто он восторгается той отцовской любовью, что отрешилась от всего происшедшего в мире, но смутно видит в таком отрешении, навеянном лаской ребенка, смиренность поглаженного по шее животного... Впрямь, от души беспокоится за человека, которого, как ему это кажется, теснит необычная дочь, и чуть-чуть презирает его, не сумевшего создать себе к старости другой семейный очаг...

Что тут сказать... Этого, кажется, никогда не порвать... Этой грузной цепи, которую наложила история. Цепи, которую на себе и не видим, но нет-нет да и ощущаем...

У старика тронутое оспой лицо. Теперь редко встретишь. Теперь оспа прошлое. Когда-нибудь станет прошлым и это... Придет такое понимание жизни, такое понимание мира, которое согласуется с крохотулькой Ритой, с крохотулькой, которая будет у Риты, у затерянного парня в Челябинске, у всех игроков в страшноту...

— Досадно ведь за тебя, — упорствовал, закулив новую папироску, сосед. — Полгорода выстроил, а сам — в закутке. Сейчас братом прижала, а потом, когда дети пойдут, отца — на кухню, в переднюю... Сегодня раскладушка для мальчишки поставлена, а завтра думать начнешь, куда для себя самого ее ткнуть... Ты в дочку душу вложил, как цветочек, выхаживал, претерпевал с нею разные разности, а она будет строить гримасы, что ты кислород у ее детей отнимаешь... Надо это тебе упредить, надо поставить себя. Чтобы квартировладелец, а не занимающий койку... Иначе выйдет, что был для нее двадцать лет палочкой, а в два года окажешься надоелый старик... Ведь и родные-то дети подчас... Пока они дети — калачиком у тебя на груди, а как оперятся — не лезь не в свое дело, папаша...

— Ты не знаешь Риты, — сказал Григорий Евсеевич.

— Ну, конечно, не знаю. И плохого ничего о ней сказать не могу. Приветливая, со всеми здоровается... Но если ее я не знаю, то уж жизнь-то видал. А в ней видал всякое...

Он замолчал. В этот момент рванулась и куда-то пронеслась мимо них стремительная, сильная, огромная Норка. Через минуту послышались взвизги, угрожающий лай, враждебная возня двух собак.

— Норка! — тревожно, но тщетно закричал собаке старик. — Норка! Назад!

Он спокойно поднялся и поспешил разнимать.

— Видишь, — на ходу, торопливо стал объяснять он Григорию Евсеевичу. — Видишь, что делается! Ведь это она с матерью побежала сцепиться. С родной своей матерью. Которая ее, слепую вылизывала... Я ее месячной взял. В третьем корпусе... И не дай бог, если в одно время выведим... У нас уговор. Я должен был ровно в десять смотаться, да вот заговорился с тобой... Норка! Норка бесстыжая! — закричал он опять так же тщетно и ускорил шаги. — Вот беда-то! Вот что значит не упредить! Ну, доброй ночи, Григорий Евсеевич. Прости, если что... Я ведь от сердца... Но вот тебе, между прочим, показ... Вот тебе, между прочим, показ...

— Но ведь это собаки, — сказал Григорий Евсеевич. — Это ж собаки...

Подняться на третий этаж было почему-то тяжелее обычного... Должно быть, из-за того, что с соседом шел сейчас слишком быстро...

Рита, чуть подурневшая, с заметным уже животом, обняла его и спросила, отчего он так долго.

Он благодарно поцеловал ее волосы. Нет, это не разбитая жизнь, это найденная.

Да, будет ребенок... Но это ж радости! Вокруг ребенка всегда еще более сплываються!...

Публикация М. КАНЕВСКОЙ

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ДЕТСТВУ

По страницам книг Виктора Драгунского

«...Постараюсь устроить это дело»

В 1968 году «Пионерская правда» предложила нескольким популярным детским писателям ответить на вопросы очень интересной анкеты. Один из пунктов ее звучал так: «Какую из Ваших книг просят продолжить ребята?»

Отвечая на этот вопрос, Виктор Драгунский сообщил:

«Множество ребят просят меня продолжить рассказ «Девочка на шаре». Чтобы девочка еще раз нашлась и чтобы она еще раз встретилась с мальчиком. Несмотря на многие великие трудности, я постараюсь устроить это дело».

«Устроить это дело» — организовать встречу, пожалуй, самого популярного своего героя Дениски Кораблева с Девочкой на шаре — писатель, к сожалению, не успел: он умер в 1972 году. Однако если не ограничиваться только «Денискиными рассказами», куда входит «Девочка на шаре», а заглянуть и во «взрослые» повести Виктора Драгунского (впрочем, «детских» повестей у него попросту не было) «Он упал на траву» и «Сегодня и ежедневно», то можно — правда, с некоторой долей условности — утверждать, что Дениска встречался с этой замечательной девочкой еще не раз. Но почему «с некоторой долей условности»? Да потому, что внешние облики обоих героев при этом менялись, менялся и их возраст — хотя психологическая сущность оставалась прежней.

В чем же она, эта сущность?

Ответить «с нелету» на этот вопрос не удастся. Приглядимся сначала и к самим этим героям, и к их встречам в разных ситуациях.

«Чтобы подхватить ее и спасти»

Прежде всего вспомним сам рассказ «Девочка на шаре» — один из лучших (если просто не лучший!) в цикле «Денискины рассказы».

Почему этот рассказ один из лучших? Да потому, что Дениска здесь предстает перед нами во всей своей полноте: и как типичный ребенок своего возраста — озорник, фантазер, непоседа, и как

ребенок не заурядный — с особой душевной зоркостью, с поэтической натурой — «младенец, устами которого глаголет истина».

Есть у Драгунского рассказы про Дениску, где он предстает только в первом своем воплощении — как типичный мальчишка шести-девятилетнего возраста. Это, как правило, рассказы просто забавные и смешные: «Похититель собак», «Слава Ивана Козловского», «Тайное становится явным», «Профессор кислых щей» и немало других.

Но есть в ряду «Денискиных» и иные рассказы, где Дениска выглядит не просто мальчишкой своего возраста, но ребенком-поэтом, чудесно сохранившим в себе всеобщую гениальность детства.

Своеобразие облика Дениски — именно в этом; о типичных его сверстниках писали многие, о «нетипичных» — единицы. И потому серьезные и полусерьезные рассказы кажутся выше и значительнее просто смешных.

«Девочку на шаре» можно причислить, пожалуй, к полусерьезным рассказам: Дениска здесь сразу типичен и нетипичен.

Итак, главный герой и рассказчик «Денискиных рассказов» второй раз в жизни попал в цирк — и что же он там увидел?

«Мне сразу понравилось, что он пахнет чем-то особенным, и что на стенах висят яркие картины, и кругом свет, и в середине лежит красивый ковер, а потолок высокий, и там привязаны разные блестящие качели. И в это время заиграла музыка и все кинулись рассаживаться, а потом накупили эскимо и стали есть. И вдруг из-за красной занавески вышел целый отряд каких-то людей, одетых очень красиво, — в красивые костюмы с желтыми полосками. Они встали по бокам занавески, и между ними прошел их начальник в черном костюме. Он громко и немножко непонятно что-то прокричал, и музыка заиграла быстро-быстро и громко, и на арену выскочил артист-жонглер, и началась потеха!»

Чтобы так рассказать о цирке, не обязательно быть Дениской Кораблевой — примерно такой же рассказ мы могли услышать и от типичного его сверстника,

просто живого и непосредственного мальчишки.

«Настоящий» Дениска вступает в свои права там, где начинается лирика, — то есть в данном рассказе с того момента, как появляется «Девочка на шаре» — маленькая эквилибристка Танечка Воронцова. «Я таких маленьких и красивых никогда не видел», — признается Дениска. — У нее были синие-синие глаза, и вокруг них были длинные ресницы. Она была в серебряном платье с воздушным плащом, и у нее были длинные руки, она ими взмахнула, как птица, и вскочила на этот огромный голубой шар, который для нее выкатили. Она стояла на шаре. И потом вдруг побежала, как будто захотела спрыгнуть с него, но шар завертелся под ее ногами, и она ехала на нем вот так, как будто бежала, а на самом деле ехала вокруг арены... Она весело смеялась, когда так бегала, как будто плыла, и я подумал, что она, наверно, и есть Дюймовочка, такая она была маленькая, милая и необыкновенная. В это время она остановилась, и кто-то ей подал разные колокольчатые браслеты, и она надела их себе на туфельки и на руки и снова стала медленно кружиться на шаре, как будто танцевать. И оркестр заиграл тихую музыку, и было слышно, как тонко звенят золотые колокольчики на девочкиных длинных руках. И это все было как в сказке. И тут еще потушили свет, и оказалось, что девочка вдобавок умеет светиться в темноте, она медленно плыла по кругу, и светила, и звенела, и это было удивительно, — я за всю жизнь не видел ничего такого подобного».

И еще одно важное впечатление Дениски отметим, оно пригодится нам для дальнейших наблюдений: «...Девочка соскочила со своего шара и побежала впереди, к нам поближе, и вдруг на бегу перевернулась через голову, как молния, и еще, и еще раз, и все вперед и вперед. И мне показалось, что вот она сейчас разобьется о барьер, и я вдруг очень испугался, и вскочил на ноги, и хотел побежать к ней, чтобы подхватить ее и спасти, но девочка вдруг остановилась как вкопанная, раскинула свои длинные руки, оркестр замолк, и она стояла и улыбалась».

«Чтобы подхватить ее и спасти». За-

помним это чувство маленького рыцаря: оно всякий раз будет возникать у подростка «Дениски» при встрече его с очаровательной «Девочкой на шаре».

Чем была для маленького Дениски эта, так поразившая его встреча? Первым отчетливым представлением о красоте? Предощущением будущей любви — быть может, уже совсем близкой? (Дениске в это время лет восемь-десять — казалось бы, рановато ему влюбляться, но Лермонтов, например, признавался в своем дневнике, что знал любовь уже в семь лет, — а Дениска тоже ведь натура незаурядная.) Можно долго пытаться выразить это — но прелесть рассказа, прелесть этой психологической ситуации именно в ее недосказанности...

Лишь с одним можно согласиться без спора: ощущение это прекрасно. Хотя и недолговечно. (А может, прекрасно как раз потому, что недолговечно.) Маленькая эквилибристка уезжает на Дальний Восток, и увидеть ее Дениске больше не суждено...

Две классические оплеухи

...Уже не рассказ, а повесть, и притом не «детская» — но главные ее события действительно происходят в цирке. «Сегодня и ежедневно».

Повесть тоже написана от первого лица, и хотя рассказчиком выступает не мальчик, а пожилой, уже седой человек, — клоун Николай Ветров, но в нем не остыло детство: он умеет взглянуть на мир доверчиво, восторженно и зорко. Если присмотреться внимательно, он ведет свое начало от маленького восторженного Дениски. Хотя, в отличие от него, Ветров ждет предстоящего чуда, ждет осуществления той сказки, в которой «под звуки серебряных фанфар появляется Удивительная и Небывалая, Золотоволосая и Синеглазая Любовь». Сам же иронизирует над собой за это, но сам же и ждет. Личная жизнь у него не сложилась, и, кроме как на чудо, полагает он, рассчитывать ему больше не на что.

И чудо появляется — в облике воздушной гимнастки Ирины Раскатовой. Ветров уже кое-что слышал о ней. Слышал, как муж ее — известный артист Михаил Раскатов, «человек со стальными нервами», вывел ее, совсем девочкой, откуда-то с Волги, она у него училась, он сделал из нее классную артистку и вот теперь подготовил с ее участием смертельный трюк — полет под куполом цирка с имитированным падением, которое многие зрители примут за падение настоящее. «Нервные будут выносить».

И вот приоткрывается дверь цирковой комнатки, где Ветров живет во время московских гастролей, и в щель просовывается «худенькая мордочка» молодой артистки Вали Нетти.

«— Дядя Коля, — сказала она, — здравствуйте».

— Я тебя уже видел сегодня, — ответил я, — имел счастье».

— Дядя Коля, у нас у одной артистки разорвался тапочек. Мы занимались, — и вдруг подметка тррык! — и мешает заниматься. Прихватите ее, пожалуйста. Ведь вы умеете?»

— Я все умею, — сказал я, — давайте сюда вашу тапку».

Вали раскрыла дверь пошире и сказала, став в сторонке:

— Ирина, иди!

Та вошла.

Я таких синих глаз никогда не видел. Постояв немного, она улыбнулась уголками губ и протянула длинную прекрасную руку. Я пожал ее».

Помните Денискины впечатления от Девочки на шаре? «Я таких маленьких и красивых никогда не видел. У нее были синие синие глаза...»

Если не считать порядка слов и формы выражения — портрет героини повторен почти буквально. И несмотря на то, что Ветров, в отличие от Дениски, ожидал увидеть нечто подобное, он потрясен не меньше мальчишки.

Думаю, никто не рискнет отрицать очевидного: мы наблюдаем новое появление «Девочки на шаре».

Красота ли только влечет к ней героя? Нет. Это и тяготение родственных душ. Детских душ.

В повести есть примечательная сцена: один из работников цирка срывает злость на уставшем маленьком акробате. Бьет его.

«Мальчуган испугался и заплакал. Его товарищи обняли его за плечи, и они убежали».

А меня бросило в жар. Мгновенно. Я этого не люблю. Ничего такого не люблю. За это я могу убить. Но в эту минуту я увидел, как из бокового прохода к Вольдемарову метнулась чья-то туманная тень.

Раз, бац! Вольдемаров получил две классические, не цирковые, нет, а самые настоящие, жизненные оплеухи. Он зарычал, и страшные кулаки его сжались. Он двинулся вперед, совершенно закрыв от меня фигуру своего победителя. Я был уверен, что сейчас начнется грандиозная потасовка, но, к своему удивлению, увидел, что грозный Вольдемаров вдруг отступил и, громко захохотав каким-то картонным, деланным смехом, круто повернулся и вышел в главный проход.

Теперь он перестал заслонять от меня эту незнакомую фигуру, которая только что, сейчас, надавала ему по морде, вступившись за ребенка.

Я пристально взгляделся, и мне все стало ясно. Это была Ирина».

Ребенок еще и тем отличается от взрослого, что в случае необходимости сразу бросается в бой, а не прикидывает сперва, каковы будут последствия. Ветров и Ирина одновременно и одинаково реагируют на безобразную сцену, и становятся ясно: души у них родственные — детские.

«Чтобы защитить вас...»

Так вот она кто, эта таинственная, внезапно появляющаяся и так же внезапно исчезающая Девочка на шаре! (Я сейчас уже не об Ирине Раскатовой говорю, а вообще об этом образе, не раз возникающем в воображении Драгунского.) Она как бы параллель к Дениске: еще одно воплощение Детства, на этот раз — в женском облике.

Только сам Дениска воплощает оптимизм и жизнеутверждающую силу Детства, а Девочка на шаре — его хрупкость, неустойчивость, слабость, вызывая постоян-

ное желание защитить и спасти.

Помните, во время выступления Танечки Воронцовой Дениске вдруг показало, что она упадет и разобьется о барьер, и он уже бросился, «чтобы ее подхватить и спасти»? Подобное чувство возникает еще в самом начале знакомства с Ириной, когда, будто предчувствуя ее трагическую судьбу, он вызывается работать в ее смертельно опасном аттракционе. Кем угодно: коверным, униформистом... «Зачем?» — искренно удивляется она. «Чтобы защитить вас...»

Ей все это показалось смешным, она рассмеялась.

— Меня не надо защищать, — сказала она, — да и от кого? И потом у меня есть Миша. Да и сама я сильная. Я постою за себя! Вы думаете, я слабая женщина? Как бы не так, сейчас увидите!

И она побжала вниз, девушка из Спарты, с тонкими щиколотками и узкой талией, золотоволосая, с синими глазами, которая любит благородного, чудесного человека — Мишу Раскатова».

Казалось бы, в самом деле — от чего ее защищать — эту сильную, природожденную гимнастку, артистку с головы до ног? Но защищать ее есть от чего. Ее слабость в том же самом, что и сила, прелесть и обаяние. В ее детскости. Любит она безраздельно и беспечно и по-детски доверяет тому, кого любит. А любит она талантливого, но нестерпимо пошлого циркового пижона. Его пошлость, его пижонство видны всем, кроме Ирины: она одна смотрит на него с обожанием.

С этой стороны она беззащитна. И роковой удар на нее падает именно отсюда.

Николай Ветров — единственный, кто может ее защитить. Он один понимает, что за невероятной помпой и показухой, затеянной Раскатовым, забыли, начисто забыли о технике безопасности. Ну поможет ли при таком сверхопасном трюке брошенный на пол мат, да униформист Жек, посланный в оркестр «на всякий случай»?

Но на его протесты и возмущение даже лучший из его коллег реагирует по-взрослому традиционно: «...Без тебя тут не знают, что ли? Больше всех ему надо».

«Разумная», «нормальная» логика сугубо взрослого человека. И — равнодушная. Оно-то и погубило Ирину — прекрасного, но совершенно беззащитного ребенка. Девочка на шаре погибла. Погибла окончательно и навсегда.

«...Меня отбросило назад в детство...»

Я нарочно начал доказательство с конца («Сегодня и ежедневно» — последнее по времени произведение Драгунского с участием «Девочки на шаре») — иначе мне не поверили бы, что в повести Драгунского «Он упал на траву» главному герою и рассказчику — молодому художнику Мите Королеву, который еще больше, чем Ветров, напоминает Дениску, встречаются сразу две «Девочки на шаре».

Сначала это юная девушка Лина, появившаяся и поддержавшая героя в самую трудную для него минуту. В момент их знакомства снова вспыхивает то таинственное сияние, какое окружало Танечку Воронцову: она, как вы помните, умела «све-

титься в темноте»... Знакомясь с Митей, Лина «вся засияла». А потом «скинула туфельки, вскочила на стул и высоко подняла свою рюмочку (первую в жизни.— С. С.).

— Я пью за самое большое в нашей жизни,— сказала Лина, и ее милое юное лицо стало торжественным и важным. Она трезво и строго посмотрела на меня.— Я пью за Победу.

Она это так тихо и уважительно сказала, что у меня сжалось сердце... Я крепко прижал ее к себе и поцеловал. Никогда не забуду прохладное прикосновение ее губ. Как будто меня отбросило назад в детство, и я пробежал по июльскому росному лугу босиком, и где-то за зеленым лесом в синем небе звенели колокола.

Тут есть даже внешние приметы той первой встречи Дениски с Танечкой Воронцовой: там «светилась» — здесь «засияла», там вскочила на шар, здесь — на стул, там звенели колокольчики на руках девочки — здесь звенят колокола в воображении героя. Но главное сходство — внутреннее, которое легче ощутить, нежели передать словами...

В остановившемся мгновенье врывается сирена воздушной тревоги, и Лина исчезает в темноте — «только слышно было, как протучали ее туфельки...» А после отбоя герой видит Лину уже мертвой: она погибает под развалинами разбомбленного дома...

Рассказчик ни разу не описал внешность Лины. Его последнее впечатление о ней — «она была голубая». Вряд ли это относится только к бледности ее лица. Ведь голубым был и шар, на котором выступала там поразившая Дениску девочка...

Балерина в валенках

Следующая встреча ожидает того же Митю Королева в подмосковной деревне Щеткино, где он вместе с другими людьми, не попавшими на фронт (сам он туда не попал из-за хромоты), до изнеможения трудится на рытье окопов.

...Перевернувшись набок телега с бревнами. Замурзанная деревенская лошадка, похожая на ослика. «Простоволосая девочка в клочковатом полушубке пыталась поставить телегу на колеса. Она кричала на лошадь свирепым мужичьим голосом: — Р-разом! Давай! Ну, господа бога, давай же!

Лошадь корячилась задними ногами, тужилась... девочка налегала ключицей, а телега, конечно, оставалась на месте. Я пошел в проулок к этой девочке, и Лешка пошел со мной. Мы подошли поближе».

Ничто не предвещает того психологического потрясения, которое герой испытывает уже в следующую секунду. И еще трудней признать в этой грубоватой деревенской девочке нежную, таинственно светящуюся в темноте Девочку на шаре...

И все же это чудо происходит. Как в прошлый раз, оно выделяется даже интонационно: в голосе рассказчика снова отчетливо звучат «Денискины» интонации — интонации восторженного, поэтично настроенного мальчишки:

«Девочка разогнулась, обернулась к нам лицом, и тут у меня похолодело в груди. Передо мной в стареньком рваном полушубке стояла васнецовская Аленушка.

В руках ее был кнут, и она тяжело дышала, платочек висел на шее, держась одним концом. Так вот она какая стала, когда подросла! Мастер, написавший ее у ручья, наверно, не знал ее дальнейшей судьбы, вот почему так задумался он вместе с нею тогда. Теперь Аленушка уже заневестилась, ей можно было дать на вид лет шестнадцать, и как же она была красива, передать нельзя!»

Внезапность появления героини, огромное эмоциональное потрясение, испытываемое рассказчиком, — чувство красоты и незабываемости момента, — признаки, которые всегда сопровождают у Драгунского появление его «главной» героини, — присутствуют и здесь. Есть даже ощущение легкости, воздушности — недаром в какой-то момент Митя назовет эту ново-явленную Аленушку «балериной в валенках».

Митя поближе знакомится с Дуней Табариновой — так зовут эту юную деревенскую красавицу — и, к своему изумлению, обнаруживает в ней много родственного, близкого. Это родственное — в «детскости» их натур, в непосредственности, открытости, простодушии.

Тем временем немцы наступают по всему фронту. Со дня на день они могут ворваться в маленькую деревню Щеткино. Еще не зная, что видится в последний раз, Митя и Дуня беседуют особенно откровенно. «Я понимал, что наш с ней разговор в этот странный час, при свете маленькой жаровни, это и есть высшее счастье нашей жизни, какого я, может быть, никогда уже не достигну, и горячая тоска давила мне на горло, не давала биться сердцу.

Дуня говорила, глядя в окно и сложив руки на груди, и слезы все бежали по ее лицу:

— Возьми меня с собой! Ведь я, Митя, не вдруг это говорю. Я тебя в первый раз увидела, тогда, с товарищем твоим, когда ты мне телегу поднял, я тогда сразу поняла, что ты верный человек. Не умею сказать... Ты верный человек, это по лицу видно. Детей как хорошо любишь... Вот ты какой... Мне без тебя нельзя здесь оставаться. Кто защитит? Как подумаю о Фрице, как подумаю...

Она это так говорила, что лучше бы вынула из жаровни уголья и прожгла бы мне глаза...»

Взять ее Мите некуда: он сам здесь на птичьих правах — не знает, что будет завтра. Пожалуй, из всех вариантов исследуемой нами психологической ситуации это самый безысходный. На сей раз, казалось бы, счастье было так близко, так возможно... Но нет... Близко, но невозможно.

Уже на следующий день немцы врываются в Щеткино. Мите чудом удается ускользнуть в лес, а Дуня — красавица Дуня — остается в деревне. Страшно подумать и нам, и Мите, что будет с ее красотой...

Прикосновение к детству

Для взрослого героя Драгунского «Денискиного» типа — Мити Королева или Николая Ветрова — каждая такая встреча — это прикосновение к Детству. Это повод задуматься: так ли я жив, туда ли иду.

И сколь бы трагичной ни оказывалась такая встреча в итоге, в каждой из них, точно Антей от прикосновения к земле, герой набирается новых сил.

А для самого писателя каждая такая встреча — это повод напомнить, как прекрасно, но и как хрупко Детство. О том, что оно нуждается в постоянной и мудрой защите. Сегодня и ежедневно.

Удачу Драгунского в «Денискиных» рассказах» многие критики приписывали счастливому стечению обстоятельств: ведь прототипом главного героя явился в свое время талантливый сын писателя, тоже Денис.

Однако, как мы только что видели, герои «взрослых» повестей Драгунского тоже напоминают главного героя «Денискиных» рассказов», хотя их сюжеты с биографией реального Дениски не стыкуются: он не работал в цирке и уж, тем более, не был на войне... В чем же тогда секрет столь поразительного сходства?

А секрет, мне кажется, в том, что «генеральным прототипом» для всех своих героев, напоминающих маленького Дениску, послужил сам писатель — Виктор Юзефович Драгунский. Судя по отзывам его друзей и близких, да и по его книгам, в нем самом было немало детского. А с другой стороны, обе повести для него отчасти автобиографичны: он ведь и сам служил в ополчении во время войны — почти как Митя Королев, сам, хотя и недолго, работал клоуном в цирке, как Николай Ветров...

Большой и страстный монолог Ветрова, который тот произносит в споре с «сочувствующими» ему обывателями, — это и монолог самого Драгунского, его кредо как писателя, работающего для детей:

«У меня нет собственных детей. Но все дети мира — они мои. Я не знаю, что мне сделать, чтобы спасти детей. У них есть враги, это чудовищно, это так. Но у них есть и друзья, и я один из них. И я должен ежедневно доставлять радость детям... Ни одного дня без работы для детей. Ни одного ребенка без радости, это понимаю не только я. Слушайте, люди, кто чем может — заслоняйте детей. Спешите приносить радость детям, друзья мои...»

С. СИВОКОНЬ

для взрослых

Проза критика

Владимир Лакшин. Закон палаты: Повесть, рассказы.— М.: Советский писатель, 1989.

Издательской аннотации читаем: «Мир становления юных характеров показан в «Законе палаты» зримо, с верой в победу страны над врагом и победу над болезнью». Что зримо — это правда; вера в победу страны, конечно, присутствует, однако в подпочве повести, почти не выходя на ее поверхность. Потому что на поверхности — другая война, которую ведут юные герои повести, — война с болезнью. И победа над болезнью для них значит гораздо больше, тем более что это целиком их заслуга, хотя они и думают, что им просто повезло.

Но в общем-то повесть не только и даже не столько об этом. Она — о человеческих отношениях, которые завязываются между этими, прикованными к своим кроватям мальчишками. Ведь должны же возникнуть какие-то отношения: все они из московского санатория, а один, Зацепя, из-под Рязани — значит, можно его всячески поносить и обстреливать, а заодно и прозвище ему придумать. Или Костя — мальчишка, явно любящий верховодить, — сложный характер, в котором перемешано то, что вызывает у его товарищей восхищение. Но в конце концов оказывается отвратительно им же (да, конечно, и взрослым читателям повести). Самолюбивый и изобретательный, он буквально неистощим и в придумывании всевозможных способов унижения других. А они только удивляются его хитроумию, пока не начинают понимать,

что ничего особенного в нем нет — мальчик как мальчик. Но это не совсем так: есть в нем какое-то особенное качество, позволяющее ему не считаться с остальными: бесовственность, что ли? Он может сманить всех на побег (нелепый, потому что мальчишки больны, у всех поражен двигательный аппарат) на фронт, а потом, когда все раскрыто, до последнего отпираться и не признавать свою вину. Короче, Костя — предстатель, правда, начинающий, могучего племени демагогов, и эти свои способности он до поры до времени весьма удачно использует. А потом он как-то незаметно теряет авторитет и значимость в глазах ребят.

Да и вообще жизнь идет: встает на ноги герой, Ганшин, и уезжает из санатория, а много лет спустя, уже взрослым человеком, снова посещает его, навещает прежних своих врачей и снова уходит. «Похоже, что он никогда уже не вернется сюда», — так завершается повесть, и это правильно, потому что есть страницы, которые закрываются за человеком навсегда. Остаются лишь воспоминания...

К этой горькой повести вроде бы не очень уместно приложение в виде рассказов о людях театра и отдельного цикла, о Михаиле Булгакове — надо полагать, автор и сам почувствовал неорганичность этого соединения, разделив два отдела книги полосой с рисунком; во всяком случае, второй раздел производит впечатление случайного. Но инертность сведений, сообщаемых автором, спасает его — это просто очень любопытно читать: об Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой, о Яншине, о Михальском, администраторе и директоре музея МХАТ, — Филе из «Залисок покойника». Воспоминания не просто интересны, но проникнуты особым чувством, которое выдает в самом авторе театрального человека, — вот как кончается, скажем, глава о Михальском: «Федор Николаевич Михальский всю жизнь вспоминал Булгакова, и мы должны сегодня благодарно вспомнить его»; так намечается цепочка — Михальский не просто знал Булгакова, но был одним из его искренних друзей и верных почитателей,

а автор хорошо знал Михальского; вот так и тянется эта цепочка знакомств и дружб, и сохранять ее целостность — это и значит быть театральным человеком. Правда, В. Лакшина можно с той же степенью истины назвать и литературным человеком — и не только из-за того, что он много лет был ближайшим сподвижником Твардовского в «Новом мире», но и по собственным заслугам.

Говорят, что индивидуальность человека сказывается во всем, что выходит из-под его пера. Это правда, и к рассказам В. Лакшина о прошлом это относится в полной мере. Взять хотя бы его рассказы о необыкновенных приключениях «Мастера и Маргариты» — начинается он с того, что эта книга была издана в очередной раз, и со страданий директора издательства, раздираемого просьбами об экземпляре. Тут упоминаются и буфетчица, которая закрыла буфет в знак протеста («Булгакина распределяли? Вам нужен, а я... — пшено?»), и завхоз, остановивший лифт и до получения своего экземпляра настаивавший, что лифт остановлен на «профилактику»; и таинственная пропаша из запломбированного автофургона трехсот пачек книг на Ленинградском шоссе. В общем, типичная дьяволиада, проделки сатаны или, по крайней мере, Бегемота.

И завершает книгу трогательная история об экземпляре «Мастера и Маргариты», полученном автором после смерти его владелицы, писавшей: «Говорят, книга — друг. Пусть так. Но для меня книга была чем-то большим. Мне книга приносила ту радость, какую мы тщательно стремимся получить в общении с людьми. С книгой мы до конца понимали друг друга...» Чтобы получить такие письма, наверное, надо жить так, как живет Владимир Лакшин — человек, интеллигентный не только по образованию, и по роду занятий, но и по духу.

Ю. СМЕЛКОВ

Недавно выпущено

Красникова-Аксенова Л. Учитесь красиво одеваться. Выпуск 1.— М.: Московский рабочий, 1990.— 124 страницы с иллюстрациями.

К 13—15 годам, особенно с приходом весны, девочки все более активно начинают осваивать швейную машинку. Новая серия издательства «Московский рабочий» даст им возможность воспользоваться быстрым и точным кроем без трудоемких расчетов. В первом выпуске художник-модельер с 25-летним стажем поможет сшить юбку, а в последующих — брюки, блузки, платья, куртки и даже пальто.

Первая помощь при повреждениях и несчастных случаях / Под редакцией В. А. Полякова.— М.: Медицина, 1990.— 120 страниц с иллюстрациями.

Конечно, дай бог ребенку быть здоровым и жизнерадостным, но лучше все же иметь эту книгу под рукой, так как родители хорошо знают, что отшибов и вывихов никто не застрахован и как мучительно беспомощны мы до приезда скорой помощи.

Шаталов В. Ф. Педагогическая проза.— Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1990.— 383 страницы.

Началом ошутимой телезрителями перестройки на телевидении, пожалуй, можно считать встречи с педагогами-новаторами. На одной из них математик из Донецка В. Ф. Шаталов открывал не секрет, а созданную и выстраданную им методику «учения с увлечением» своих учеников. По-праздничному интересный вечер был смонтирован из будничной педагогической прозы, дающей педагогу богатейший материал и для его книг. Отдельно они изредка появлялись в 80-х годах. Архангельское издательство объединило их в один сборник, появление которого, по мнению автора, могло бы принести пользу его коллегам и родителям еще на 15 лет раньше.

календари

Август

По древнеримскому солнечному календарю последний месяц лета был шестым месяцем года и назывался соответственно «секстилисом». Однако в первом веке до нашей эры его переименовали в честь римского верховного понтифика, сменившего при жизни несколько имен: Гай Октавий, Гай Юлий Цезарь, Октавиан и, наконец, сенат преподнес ему титул «Август», что означает «возвеличенный».

В Древней Руси август был шестым месяцем. *Серпень* — так тогда его величали древние славяне. В наши дни такое имя этого месяца сохранилось на Украине, в Сербии и в Польше. В Белоруссии август называют *жнивнем* — по лажину хлебов, а в Хорватии *косоюзом* — по времени перевоза сжатого хлеба возами.

Старинные месяцесловы именуют август *ворничником*, *зарником*, *зарничником* — от слова «зорить» («зреть»).

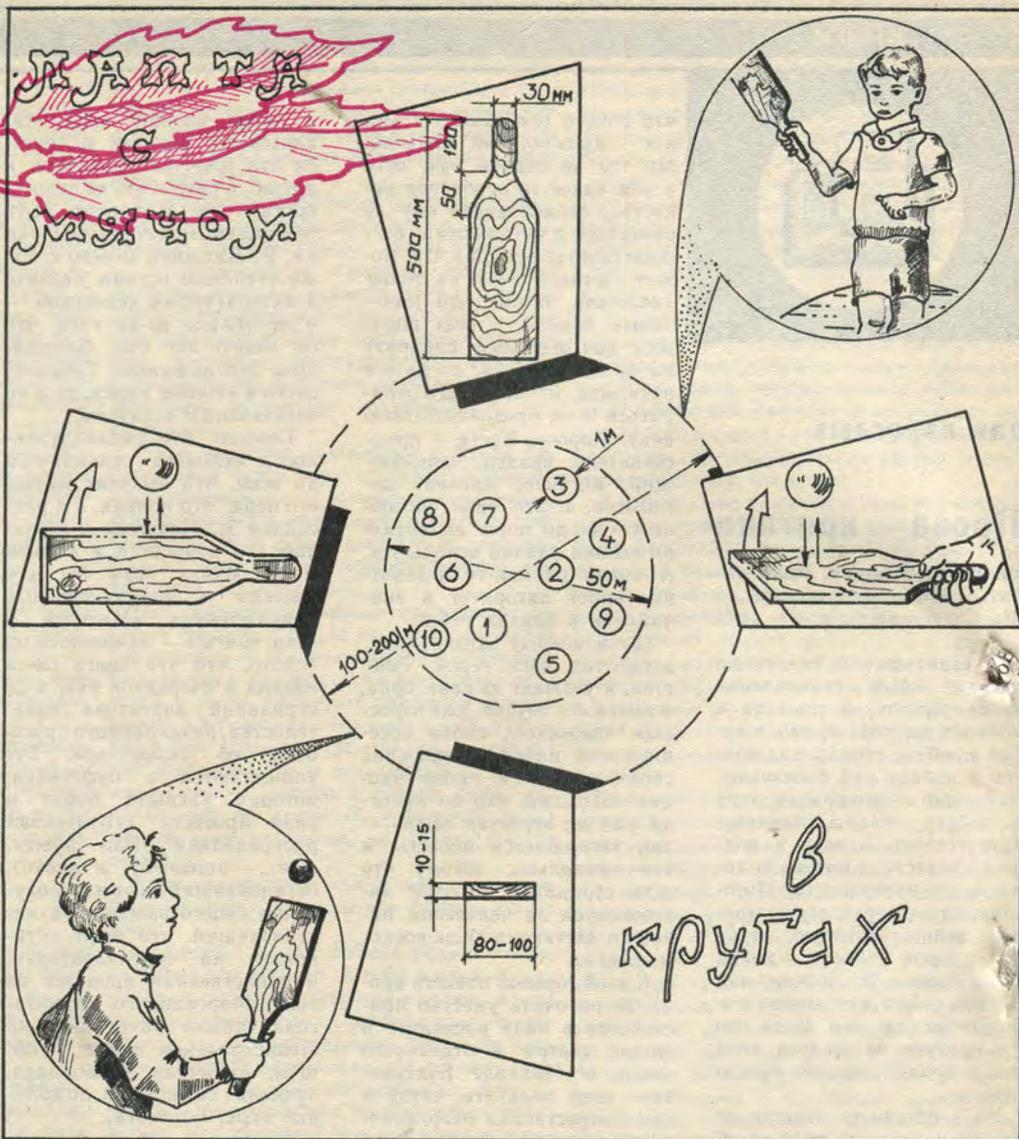
Очевидно от слова «зареветь» произошло ещё одно старинное, древнеславянское название последнего месяца лета — *зарев*. А быть может от слова «зарвоз» — холодные зори.

Согласно так называемому календарю счастливых камней августу соответствуют сардинки, который многие столетия считался царем или королем камней. А по календарю счастливых цветов августу посвящается гладиолус.

Август — самый тёплый месяц на берегах всех морей нашей страны. Температура глубоко прогретой воды примерно такая же, как и температура воздуха. По календарю рыболова в августе лучший клёв у окуня и щуки, судака и леща, плотвы и язя. В конце месяца заготавливают дубовые веники для бань. Летне-осенняя охота на уток разных видов, лысух и горлиц, дупелей и горшнепов, турухтанов и коростелей, бекасов и перепелов, вяхирей и клинтухов разрешается в ряде мест с утренней зари в конце августа.

По календарю грибника, весь август является лучшим временем заготовки белых грибов и рыжиков, лисичек и груздей, подберезовиков и маслят, подосиновиков и сыроежек, моховиков и шампиньонов.

По календарю сбора лекарственных растений в августе заготавливают корневища зира, траву багульника, зверобоя, пустырника, трехцветной фиалки, череды и чистотела, наросты березового гриба (чага), цветы бессмертника, василька, кору калины, листья крапивы и подорожника, корни ликопода, корни одуванчика, плоды земляни-

ки, малины и рябины, чёрной смородины и черёмухи, черники и шиповника.

В первый день месяца открывается самый ранний листопад, наступает средний срок зацветания заячьей капусты. Во второй день августа начинается лёт осенней паутины. Через день — средний срок уборки озимой пшеницы, а спустя сутки заканчивается уборка озимой ржи.

Шестого августа средняя суточная температура воздуха начинает постепенно переходить ниже плюс 15 градусов. Через четыре дня начинает увядать картофельная ботва. Спустя ещё четыре дня наступают самые ранние сроки посева ржи. В этот же день зацветает поздний картофель, возможны первые заморозки на почве, могут начаться самые ранние осенние пролеты журавлей.

К последнему дню месяца изменяется окраска листьев рябины и яблони. Иногда в этот же

день у липы полностью завершается листопад. В воздухе возможен первый осенний заморозок.

По именинному календарю в августе именинники по дням: 1 — Иоанн, Роман, Серафим, 3 — Иаков, Иоанн, Симеон, 4 — Мария, 5 — Константин, Георгий, 6 — Борис, Георгий, Глеб, Кирилл, Роман, 7 — Давид, 8 — Моисей, 9 — Наум, Николай, Анфиса, Олимпиада, 10 — Иулия, Моисей, Прохор, 11 — Валентин, Михаил, Серафим, 12 — Иоанн, Максим, 13 — Гурий, Евдоким, 14 — Александр, Елизавет, Леонтий, 15 — Василий, 16 — Исаак, 17 — Иоанн, Константин, 18 — Нонна, 19 — Иулия, 20 — Пимен, 21 — Григорий, Леонид, Мирон, 22 — Алексей, Димитрий, Иаков, Леонтий, Мария, 23 — Роман, 24 — Максим, Феликс, 25 — Александр, 26 — Тихон, 27 — Аркадий, 30 — Павла, Филипп, 31 — Георгий, Иларион, Иоанн, Макарий.

Лапта с мячом в кругах

В эту игру можно играть на спортивной площадке, лужайке, пустыре, наконец. Примерное число игроков — 10—20. Больше всего эта игра привлекает детей 7—11 лет.

Для участия в игре каждому игроку необходимо сделать плоскую лапту, которая изготавливается из доски. И еще требуется мяч, лучше всего использовать мяч для тенниса или резиновый мячик подобного размера. Каждый участник игры чертит на игровой площадке круг диаметром около метра. Круги располагаются относительно друг друга на расстоянии не менее 3-х метров. Круги располагаются на игровой площадке произвольно. Пределы игровой площадки

СЕМЕЙНЫЙ ДОСУГ

будут меняться в зависимости от количества играющих.

Игра начинается с определения, кто будет разыгрывающим (ведущим) и кто будет водящим. Это определяют так. Каждый по очереди должен «набить» как можно больше на своей лапте очков (мяч отбивают на высоту не менее 15—20 см). Если мяч упал на землю, счет прекращается. Если игрок «набивает очки» не плоской игровой стороной лапты, а ребром, то каждый удар лаптой по мячу считается не за одно очко, а за десять (говорят «бьет десятками»). Все это напоминает несколько упражнений при тренировке теннисистов.

Кто набрал больше всех очков, тот и становится ведущим. Он начинает игру и забивает мяч лаптой как можно дальше от играющих. Тот, кто набрал очков меньше, становится водящим, он должен догнать мяч, взять его в руки и бросить его в одного из играющих. Если мяч попал в игрока, то водящий становится в его круг, а «выбитый» в свою очередь становится водящим; бывший же водящий становится ведущим.

Игроки в своих кругах имеют право уклоняться от мяча и защищаться лаптой (отбивать мяч лаптой). Игрок может и выйти за пределы своего круга, но только прыгая на одной ноге. Эту возможность, как правило, игроки используют в том случае, когда мяч, брошенный в соседя, упал рядом. И пока водящий бежит к мячу, задача игрока успеть на одной ноге допрыгнуть до мяча и отбить лаптой мяч как можно дальше от себя да и от других игроков. В другом случае, если мяч упал в опасной близости от его круга, но игрок видит, что не успеет его отбить, он может «отпрыгать» подальше, на безопасное расстояние, и стоять на одной ноге. Еще одна особенность игры: если водящий ловит мяч на лету, то он меняется ролями с ведущим.

Как правило, игра идет в темпе с быстрой сменой ведущих и водящих. Во время игры разрешается меняться во время кругами и давать возможность отдохнуть в своём круге игроку, который на одной ноге устал от своего круга слишком далеко. Время продолжительности игры устанавливается произвольное, пока ребята не устанут или не надоест. Победителя тоже не определяют специально, побеждает здесь движение, азарт, ловкость и веселье.

С. ЗОРИН

г. Глазов
Удмуртской ССР

Что мы собираем?

Вот уже не первый год выписываю ваш журнал и очень благодарна всем его создателям.

Много интересного и полезного почерпнула для себя и своих детей. Хочу обратиться с просьбой: мы со старшей дочкой решили собирать марки, но, к сожалению, почти ничего не знаем о филателии. Не могли бы вы помочь?

М. ДЕНИСОВА

Московская область

Уважаемая читательница не заметила, вероятно, наших публикаций в рубрике «Филателистические беседы» в прошлом году (№№ 6, 7, 8), в которых мы начали знакомить всех с миром марок. С удовольствием продолжаем эту рубрику в год 150-летия выхода в свет первой почтовой марки.

ЧТО МЫ СОБИРАЕМ?

Казалось бы, ответ на этот вопрос будет предельно ясным и короткий: марки. Но сплошь и рядом помимо них в коллекциях филателистов можно встретить и конверты с памятными гашениями, и маркированные почтовые художественные открытки, и прошедшие почту письма, и сувенирные миниатюрные тетрадки, включающие один или несколько переплетенных листков почтовых марок, и многое-многое другое.

Да и сами марки подразделяются на множество самостоятельных классов и групп. Достаточно сказать, что в «Большом филателистическом словаре» указано 228 (!) типов почтовых и непочтовых марок. Поэтому филателист должен знать, как отличить почтовые от непочтовых марок, помещать которые в свою коллекцию не стоит.

Непочтовые — это те марки, которыми нельзя оплатить отправку письма, открытки или бандероли. К ним относятся рекламные и благотворительные наклейки, а также контрольные, сберегательные и гербовые марки. Их отличает отсутствие слова «почта». Внешне же они зачастую очень привлекательны и похожи на почтовые: имеют зубцовку и клеевое покрытие, иногда на них печатают и продажную стоимость.

Ну а что касается почтовых марок, то обозначение на них номинала — как раз не всегда обязательно. Зато слово «почта» присутствует всегда.

Сами почтовые марки отличаются друг от друга не только геометрической формой, способом печати или названием страны (кстати, именно по этим трем отличительным признакам можно строить и свою коллекцию: например, можно собирать марки одной или нескольких стран; марки, отпечатанные тем или иным способом; марки оригинальной формы — круглые, треугольные и т. п.), но и по тому, для оплаты какой корреспонденции они выпускались.

Существовать марки для оплаты авиапочтовых отправлений, марки курьерской службы, марки для пересылки только одного конкретного вида корреспонден-

ции: заказных писем, бандеролей, секреток, газет, ценных писем и т. д., марки для пересылки служебной переписки и для срочного отправления писем после закрытия почтового отделения... Все это многообразие различных типов почтовых марок может служить прекрасной основой для определения как направления, так и объема своей коллекции. Ведь в мире известно уже более 300 тысяч самых разных марок. И собрать их все просто-напросто невозможно.

Другим ориентиром в выборе направления своего собрания может оказаться личное пристрастие коллекционера: его увлечение биологией или географией, техникой или природой, интерес к отечественной и зарубежной литературе или живописи, и так далее. Тогда появляется тематическая коллекция, в которой марки подбираются по той или иной теме. Например, коллекция на тему «Животные Африки», «Растения лесов и полей», «Русская литература XIX века», «Искусство Возрождения»...

У филателиста, набравшего достаточное количество марок, всегда возникает желание как-нибудь еще пополнить и разнообразить свою коллекцию. Самое правильное в этом случае, не разбрасываясь на другие направления тематического коллекционирования, продолжать расширять уже сформировавшееся собрание. Можно включать теперь в альбом конверты со специальными гашениями, а также конверты и почтовые карточки с напечатанными на них оригинальными марками, тематически связанные с избранным направлением коллекционирования.

Часто на филателистических выставках можно купить маленькие сувенирные листки с напечатанными на них марками с перечисленным номиналом. Это так называемые памятные выставочные блоки, которые, хотя и не являются знаками почтовой оплаты (наклеить на письмо их можно только в сопровождении обычных марок), но вполне годятся для включения в коллекцию. Это так называемый *филателистический материал*.

Опытный коллекционер всегда без труда отличит филателистический материал от нефилателистического. А начинающему для этого потребуются знакомство со специальной литературой. Об одной книге речь уже шла. Но можно порекомендовать и другие, найти которые не составит труда даже в районной библиотеке. Это книги И. Левитаса «Филателия школьников» и «С марками в страну знаний», Н. Владинца «Филателия», М. Шагина «Ребенок собирает марки», «Филателистический словарь» немецкого коллекционера В. Граллера и В. Грушке, а также «Каталог почтовых марок СССР», вышедший в 1984 году в двух томах.

И, наконец, немаловажный вопрос: что лучше собирать, чистые марки или гашеные? Ответить на него должен каждый коллекционер в начале своего пути.

Чистые, непогашенные штемпелем марки значительно наряднее, но и дороже. Стоимость же гашеных практически в три-четыре раза ниже. Что же касается ценности, то как те, так и другие, если они подобраны со знанием и любовью, всегда могут быть высоко оценены самым строгим жюри. Единственное условие: нельзя смешивать в коллекции те и другие. Одно из двух: или собирать марки только гашеные, или же только чистые. В противном случае это будет не коллекция, а филателистический склад.

А. СТРИГИН

ниточка-иглолочка

Комбинезон

Здравствуй, дорогая редакция!

Я в прошлом году выписывала ваш журнал, подписавшись на этот — главным образом из-за рубрики «Ниточка-иглолочка». Я понимаю, у вас много подобных писем, однако решиться попросить вас напечатать выкройку детского весенне-осеннего комбинезона. В магазинах у нас это дефицит и, к сожалению, не только это.

О. КАРПОВА
г. Ура

Автор права, таких писем у нас много. Г. И. Куркова из Барнаула просит выкройку зимнего комбинезона (кстати, мы когда-то её печатали). Е. Кушнина из Читинской области и Колчина из Казани спрашивают, как сшить комбинезон на подустратодовалого ребенка и их мы отсылаем к февральскому номеру нашего журнала за 1987 год. Жанна Быкова из Иркутска просит помочь сшить комбинезон для туриста 16—18 лет. Жанне мы пока не можем помочь, а в этот раз даем описание и выкройку самого «хорошего» комбинезона — для ребенка 6—7 лет.

Выбирая одежду для детей, мы обращаем внимание прежде всего не ее цвет, фактуру, практичность. И, конечно, принимаем во внимание требования современной моды.

Комбинезон со множеством карманов, с бретельками, которые сзади застегиваются на внутренние пуговицы, как нельзя лучше подойдет вашему ребенку. По талии и низу штанин — кулиски с проделанной через них эластичной тесьмой (резинкой). Все карманы застегиваются на пуговицы.

Эта модель очень проста в изготовлении, и ткали требуется немного — 1 м при ширине 110 см.

Дети любят яркое, поэтому для девочки подберите материал по ее вкусу. Это может быть плащевая ткань малинового, зеле-

Вязание

Летняя кофточка

Эта кофточка на размер 46—48 выполнена из 150 г белой, 150 г черной, 100 г зеленой, 50 г голубой и 50 г оранжевой пряжи. Спицы 3,5 и 4,5 мм. Плотность вязки на спицах 4,5 мм: 18 петель в ширину и 24 ряда в высоту равны 10×10 см.

Образцы вязки

Резинка 1×1 — чередование 1 лицевой и 1 изнаночной петли.

Чулочная — лицевыми петлями по лицу и изнаночными по изнанке работы.

Чередование цветного узора выполняется по схеме, на которой 1 соответствует черному, 2 — белому, 3 — оранжевому, 4 — зеленому и 5 — голубому цвету.

По мере вязки цветные перекрещиваются по изнанке работы так, чтобы в узоре не получалось щелей.

Описание работы

Перед. Наберите 70(74) петель черной пряжи на спицы 3,5 мм и провяжите 2 см чулочной вязкой, затем чередуйте цветной узор по схеме. По мере вязки прибавляйте с обеих сторон 4 раза по одной петле в каждом шестнадцатом ряду. На 33-м (35-м) см от начала работы отметьте начало и конец ряда ниткой другого цвета (места пройма). Далее вяжите без изменений, а на 48-м (51-м) см от начала работы закройте средние 14(18) петель для горловины и еще с обеих сторон 2 раза по 4, 3 раза по 2 и 3 раза по 1 петле. На 55-м (59-м) см от начала работы закройте на каждое плечо по 15 петель.

Спинку вяжите по описанию переда, но без выреза горловины. На 55-м (59-м) см от начала работы закройте подряд все петли.

Сборка. Готовые перед и спинку расправьте на выкройках, накройте мокрой тканью и дайте просохнуть. Смешайте плечевые швы. Вокруг горловины наберите 118(128) петель белой пряжи на спицы 3,5 мм, провяжите 2 см резинкой 1×1 и свободно закройте петли в ритме резинки. Низ переда и спинки подогните на 1 см внутрь и подшейте незаметным швом. По краю пройм наберите по 120(124) петель белой пряжи на спицы 3,5 мм и провяжите 2 см резинкой 1×1, убавляя с обеих сторон 2 раза по 1 петле в каждом втором ряду и закройте петли в ритме резинки. Сшейте боковые швы.

М. ГАЙ-ТУЛИНА
По материалам
журнала «Штрикмод» (ФРГ)

ного, василькового цвета или светлый поплин в ярких цветах (не очень крупных). Можно использовать пестрый ситец или клетчатую шерсть, — в зависимости от сезона.

Мальчику подойдет комбинезон однотонный, в клетку или неяркую полоску. Можно скомбинировать яркие ткани: синий с красной подкладкой груди; зеленый с карманами и бретелями в белозеленую клетку и т. п.

И, конечно же, классический вариант — комбинезон из джинсовой ткани.

Раскрой.

Вычертить детали на бумаге. Если необходимо, внести в чертеж изменения в соответствии с мерками, снятыми с ребенка. (Обратите особое внимание на длину бретелей и длину штангин.)

Вырезать детали, расположить их на ткани в соответствии с направлением долевой нити.

Вывернуть, учитывая припуски на швы: по всем срезам бретелей, срезам горловины и проймы 0,5 см, по остальным срезам 1 см.

Шитье.

1. Стачать средний шов подкладки груди и средний шов передних половинок брюк между метками А и В.

2. Стачать плечевые швы комбинезона и подкладки груди с плечевыми швами бретелей.

3. Сложить подкладку груди и перед комбинезона лицевыми сторонами и чисто вытачать срезы бретелей, треугольного выреза горловины и верхних срезов проймы.

4. Отстрочить двойной машинной строчкой бретели, вырез горловины и проймы до метки С.

5. Подготовить карманы: срезы подогнуть внутрь, верхний край укрепить прокладкой из бязи, выметать по периметру. Наложить передний карман на грудь, совмещая середины деталей и настрочить двойной машинной строчкой, захватывая и подкладку. Проложить строчку по середине кармана, как показано на рисунке. Задние карманы симметрично разместить на задних половинках комбинезона и отстрочить двойной машинной строчкой.

6. Стачать средний шов задних половинок и нестачанный участок среднего шва переда.

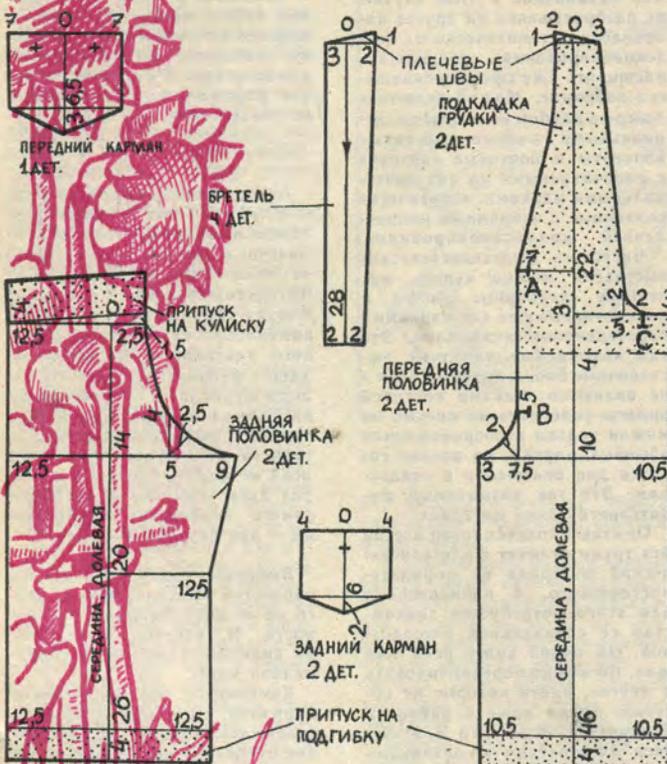
7. Стачать боковые и шаговые швы.

8. Отвернуть боковую часть подкладки груди и пристрочить ее к припуску на кулиску задней половинки комбинезона.

9. Отвернуть на изнанку припуск на кулиску и отстрочить двойной машинной строчкой по нижнему краю. Продернуть в кулиску широкую эластичную тесьму и отстрочить край кулиски у метки С, закрепляя концы тесьмы.

10. Подвернуть на изнанку припуск на кулиску по низу брюк и отстрочить. Продернуть эластичную тесьму.

11. Выметать петли на карманах и бретелях, пришить пуговицы.

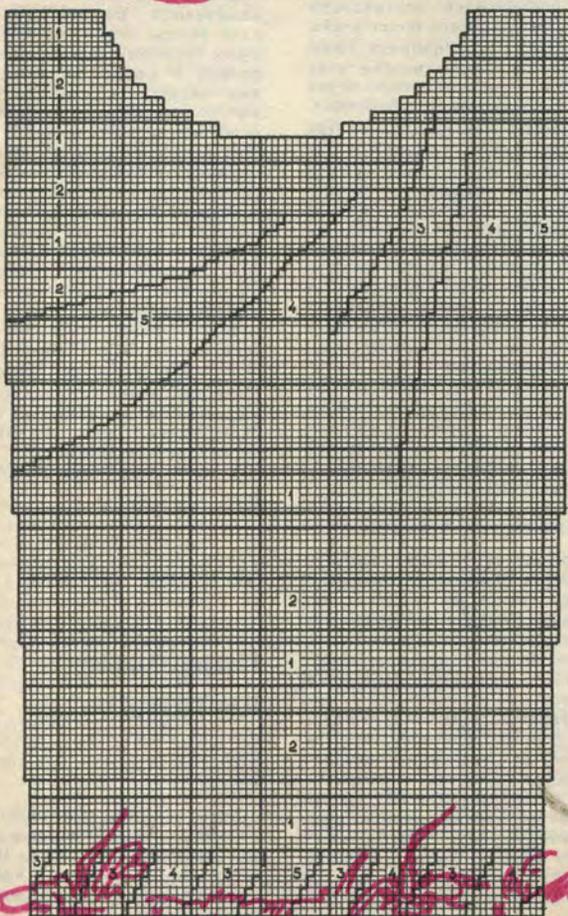
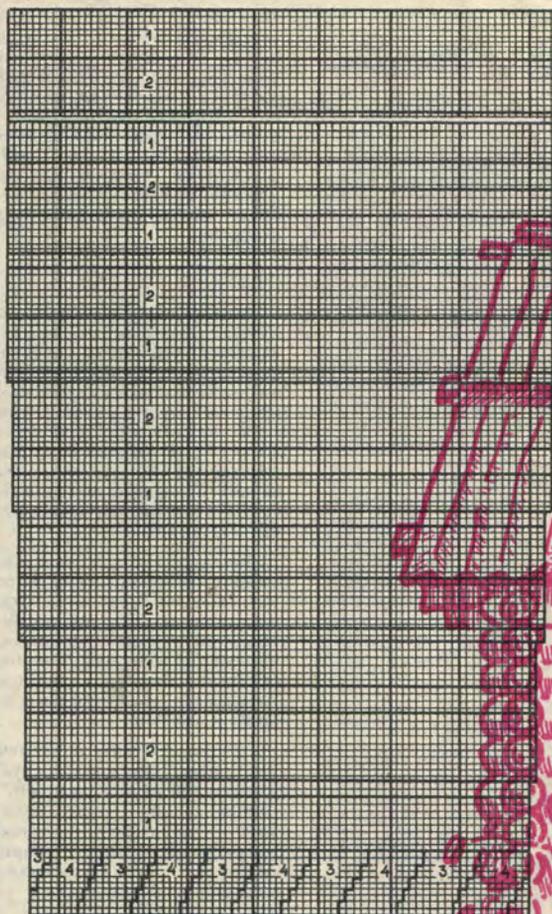

Д. БАГМЕТ
Рисунки автора

ПЕРЕД

СПИНКА

← 8 — 26 (30) — 8 →

← 39 (41) →

Летите, голуби!

В мире насчитывается более 800 пород домашних голубей в нашей стране разводится более 200 пород, в каждой союзной республике имеются свои отечественные. В 1982 году Московским клубом голубоводства предложена следующая классификация для лето-декоративных пород голубей отечественных пород: 1) чистые; 2) короткоклювые турманы; 3) статные; 4) гонные; 5) высоколетные; 6) бойные; 7) трубачи-барабанщики. Первые шесть групп — летные голуби, седьмая группа — декоративные.

Для большинства пород голубей разработаны описания — стандарты, по которым на выставках определяются победители. В стандартах отражены требования, предъявляемые к форме, размерам, положению отдельных частей тела, структуре оперения, его цвету и рисунку, живой массе, стилю длительного полета.

ЧИСТЫЕ ГОЛУБИ

Чистые голуби имеют изящную форму, длинный клюв и в основном белую окраску оперения с цветными пятнами (кроющие перья крыла). При полете чистые голуби меняют кружение то на правое крыло, то на левое, делают засвертки, такой полет голубоводы называют «на два крыла». Чистых голубей по степени оперения на ногах условно подразделяют на две основные группы — «волонюгих и космачей». У некоторых космы достигают длины 8—12 см. Такие космачи иногда летают.

Породы чистых голубей: чистый водянистый чернопопный, черно-чистый беспоясный, чистый светлый белопопный, черно-чистый; белопопный, чистый карий белопопный, старорусский кружастый, тульский чеграк.

Космачи: чистый светлый чернопопный, чистый водянистый чернопопный, черно-чистый беспоясный, чистый коноплянистый беспоясный, желто-чистый беспоясный.

КОРТОККЛЮВЫЕ ТУРМАНЫ

Короткоклювые турманы (катуны) — получили название за способность кувыркаться и переворачиваться в воздухе (на языке голубоводов «скат») через голову, хвост и крыло. Хороший турман делает в воздухе так много оборотов, что создается впечатление вертящегося колеса. Некоторые голуби, перед тем как перевернуться, хлопают (бьют) крыльями, перегибаются так, что голова касается хвоста. Лучшие катуны на большой высоте останавливаются в воздухе,

как бы свертываются в шар и стремительно падают вниз. Не долетая нескольких десятков метров до крыши, развернувшись, они почти вертикально садятся. По цвету оперения турманы бывают черными (глазки), красными, чукулистыми, серыми, пестрыми. Породы турманов: серые московские, ленточные, пегие, черно-пегие, жемчужные, брилевские белые, тульские жарые, тульские жуки и другие.

СТАТНЫЕ ГОЛУБИ

Статные голуби — группа голубей со строгим, стройным телосложением, очень своеобразным внешним видом. У них приподнятая широкая грудь, концы крыльев опущены ниже хвоста (так называемая вислокрылость), приподнятый хвост, имеется от 12 до 20 рулевых перьев. По форме и положению частей тела их подразделяют на три подгруппы.

Вислокрылые. У этих птиц крылья опущены ниже хвоста, иногда касаются пола, хвост приподнят, шеей не трясут. В эту подгруппу входят: синие царичинские, дубовские, камышинские, крюковские, ржевские, сызранские вислокрылые, марьяны и другие.

Трясуны. Птицы с укороченным телом, приподнятой грудью, удлиненной шеей с изгибом, которой голуби часто трясут, хвост приподнят широкий. К трясунам относят: казанских трясунов, чистяков-чиликов, полтавских чернохвостых, урюпинских синих, луганских, воронежских жуков, волжских красногрудых, ейских двухчубых и других.

Качуны. Они имеют короткое тело, высоко поднятую грудь, удлиненную шею с изгибом, которой тоже часто трясут, относительно короткий и сильно поднятый хвост. При ходьбе или в возбужденном состоянии качают корпусом вперед-назад. К ним относят: ростовских белогрудых, лебедей, новочеркаских, алтайских и других.

По летным качествам статных голубей различают на высоколетных, турманов и декоративных. Летные качества зависят от наследственности птицы, от правильного содержания и во многом от тренировки. Например, урюпинские голуби могут находиться в воздухе 3—6 часов. У статных голубей наблюдаются почти все цвета оперения и их различные сочетания. Голуби бывают чисто белого, желтого, красного, сизого и черного цвета. У некоторых экземпляров встречаются перьевые украшения в виде чуба и даже двух чубов.

ГОННЫЕ ГОЛУБИ

Гонные голуби отличаются от всех других быстрым полетом по кругу в стае. Взлетают они после принудительного сгущивания с питомника — гона. После

специальной тренировки отдельные экземпляры поднимаются на большую высоту и находятся там по несколько часов. По внешнему виду они тоже разнообразны: среди них встречаются голуби с различной длиной клюва, хохлами (чубами) и без них, с голыми и оперенными ногами (космами), разнообразными формами полета. В эту группу входят: киевские светлые, уральские монахи, московские монахи (получившие название за черную шапочку на голове), казанские панцирные, архангельские снегири, белопопные и другие.

ВЫСОКОЛЕТНЫЕ ГОЛУБИ

Основными качествами высоколетных голубей считаются предельная высота полета, продолжительность полета. Кроме высокого и длительного полета, разные породы птиц этой группы имеют свой стиль полета. Некоторые из них поднимаются кругами на большую высоту и кружат там много часов; другие, не делая ни одного круга, идут вверх и часами стоят на одном месте; есть такие, которые в полете кувыркаются через голову, падая вниз или выбивают так называемый столб, идут вверх. Типичным голубем этой группы является николаевский голубь.

Николаевский голубь, или ту-через, летает на большой высоте (600—700 м). В воздухе может находиться по многу часов, поднимается вертикально вверх, при этом его полет очень напоминает полет бабочки. Голубеводы по стилю полета этих голубей делят на четыре группы: «жаворонков», «бабочек», «торцевых» и «серпастых». При посадке голуби складывают над собой крылья и камнем падают сверху на крышу голубятни и только в нескольких метрах от крыши расправляют крылья и совершают «мягкую» посадку. Николаевский голубь должен быть одноцветным: красным, серым, сизым, белым, краснобелым, красно-рябым. В окраске этих голубей насчитывается до сорока вариантов.

Помимо николаевских, к высоколетным голубям относятся запорожские чубатые, курские турманы, клайпедские высоколетные, спартаки, торжокские высоколетные и другие.

СПОРТИВНЫЕ ГОЛУБИ

Раньше эту группу голубей называли почтовыми, но благодаря развитию радио и телеграфа, теперь их называют спортивными.

Спортивные голуби — прекрасные летуны. Они развивают скорость до 60 км/час. У них прекрасно развито чувство дома, они хорошо ориентируются в полете. На спортивных соревнованиях завезенные в незнакомые места на 600—700 км от родной голубятни, хорошо тренированные голуби возвращаются без особого труда, а лучшие летуны возвращаются и со сверхдальних расстояний.

СЕМЕЙНЫЙ ДОСУГ

В 1984 году группа таких голубей пролетела по маршруту Архангельск — Одесса, преодолев расстояние свыше 2,5 тыс. км. Регулярно в нашей стране проводятся соревнования по выпуску спортивных голубей на дальние и сверхдальние расстояния. Особо отличившимся голубям, спасшим жизни людям, установлены памятники: в Лондоне — голубке, спасшей экипаж подводной лодки при ее затоплении во второй мировой войне, в Швейцарии — голубю, спасшему людей во время снежного обвала, в Бельгии — голубью-«солдату», в Париже — голубям, которых использовали французы для связи в войнах XIX века.

Цвет оперения спортивных голубей самый разнообразный: черный, шоколадный, сизый с пояссами и белый. Главное при работе со спортивными голубями — придать способности к полету, а не оперению. Чаще всего у голубеводов нашей страны встречаются голуби спортивной ярой и сортивный сизый.

ЧАЙКИ

Характерная особенность чаяка — курчавая нагрудная манишка, которая начинается у подбородка и доходит до середины зобной части, она имеет форму блюдечка и состоит из небольших, но очень загнутых в разные стороны перьев. Эти причудливо расположенные перья называются бантом, за что чаяк иногда называют *бантастными* голубями. Хвост чаяка короткий и состоит из 12 рулевых перьев. Оперение у чаяка имеет разнообразный цвет, но особенно красивы белые птицы. Они отличаются небольшой величиной, кокетливым видом и особой грациозностью. Разведение чаяка из-за короткого клюва затруднено. Для их успешного выращивания используют голубей длинноклювых пород — «кормилиц», к которым в гнездо подкладывают яйца чаяка.

В настоящее время известно 18 основных пород чаяков. В нашей стране известны немецкие щитковые чайки, китайские чайки, московские белые и польские чайки, реже английские и гамбургские чайки.

В. СОБОЛЕВ

зелёная аптека

Приправы-целители

ХРЕН

Хрен — многолетнее растение с прямыми ветвистым стеблем высотой 0,5—1,5 м. Относится оно к семейству крестоцветных. В пищу употребляют в

основном корни в сыром, вареном, консервированном и сухом виде — главным образом как приправу к разным блюдам. При консервировании и засолке овощей используются и листья хрена. Как корни, так и листья растения богаты витамином С, содержат они значительное количество и витаминов группы В, каротин, микроэлементы (в основном кальций, калий, фосфор), эфирные масла (главной составной частью которых является аллиловое горчичное масло).

В хрене имеется много фитонцидов, оказывающих губительное действие на микроорганизмы, в связи с чем измельченные корни растения часто используют для предохранения продуктов от порчи.

Хрен добавляемый в качестве приправы к различным блюдам, возбуждает аппетит, усиливает деятельность кишечника и способствует пищеварению (при этом в желудке повышается выделение соляной кислоты). Его применяют при лечении гастритов с пониженной кислотностью. Однако следует помнить, что в больших количествах хрен может вызвать воспалительные явления в желудочно-кишечном тракте, связанные с раздражением его слизистой оболочки. Хрен противопоказан при заболеваниях почек и печени.

Для возбуждения аппетита рекомендуется принимать до еды чайную ложку тертого хрена с медом или сахаром (можно намазывать на хлеб).

В народной медицине хрен используется как мочегонное средство при ревматизме, подагре и камнях в мочевом пузыре. Применяется хрен и как средство, возбуждающее аппетит и усиливающее деятельность кишечника, а также как средство, улучшающее кровообращение и обмен веществ при различных заболеваниях кожи. При мышечных болях, радикулите, головной боли в области болезненности делают втирание кашицей из хрена. Благодаря местнораздражающему и отвлекающему действию он может быть использован вместо горчичников (свеженатерную кашицу намазывают на ткань и прикладывают к больному месту). Водным настоем хрена (1:10) обмывают застарелые гнойные язвы и раны. При этом улучшается кровообращение и обмен веществ в коже, кроме того, погибают многие виды бактерий, населяющие ее (в хрене содержатся фитонциды и белковое вещество лизоцим, они и обуславливают его бактерицидные свойства). Все это способствует исчезновению воспалительной реакции и ускоряет заживление. При гнойном воспалении среднего уха в слуховой проход можно закапывать сок хрена, а при ангине — полоскать горло разбавленным водой соком.

Водный настой хрена может применяться и как косметическое средство — для протирания лица при веснушках и пигментных пятнах.

А. СИВЯКОВ,
кандидат медицинских наук

СЕЛЬДЕРЕЯ ПАХУЧИЙ

Дикорастущий сельдерей представляет собой двухлетнее овощное растение семейства зонтичных (в культуре это растение обычно однолетнее). Листья его темно-зеленые, блестящие, нижние — перисто-рассеченные, а верхние — тройчатые. Цветки мелкие, белые, собраны в зонтики. Плоды сельдерея — двусемянки. Цветет растение в июле — августе, плоды созревают в сентябре.

Культивируется листовая, корневая и черенковая виды сельдерея (растение, выращенное в теплице, содержит меньше витамина С, содержание же других ценных веществ в нем не изменяется).

В пищу используются листья, черешки и корнеплоды сельдерея. Листья растения, как свежие, так и сушеные, используются в качестве приправы (они улучшают вкус блюда, придают ему аромат, повышают в нем содержание минеральных солей и витаминов), сырые корешки — для приготовления салатов, а тушеные — для приготовления гарнира к мясным и рыбным блюдам (в зелени сельдерея содержится значительно больше минеральных веществ, в особенности калия, чем в корнеплодах). У корневого сельдерея используются и корнеплоды в сыром, отваренном, тушеном или сухом виде.

В сельдерее содержатся витамины С (наибольшее количество его находится в листьях), витамины группы В, каротиноиды, соли калия, кальция, фосфора, магния, эфирные масла (содержатся во всех частях растения и придают ему приятный аромат), гликозиды. Эфирные масла сельдерея обладают противомикробным свойством, возбуждают деятельность пищеварительных желез, что ведет, в частности, к повышенной секреции соляной кислоты, в связи с чем сельдерей не рекомендуется при язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки.

С лечебной целью используют корни и трава сельдерея как мочегонное, возбуждающее аппетит и болеутоляющее средство.

Сок и настой из корней применяется при болезнях печени, почек, мочевого пузыря, склонности к камнеобразованию, различных дерматитах, аллергической крапивнице и др.

Свежеизмельченные листья сельдерея в народной медицине используются для лечения гнойных ран, язв, кожных болезней (готовят также сельдерейную мазь на сливочном масле), а настой из семян — при болезненных менструациях.

В диетотерапии сельдерей применяется для лечения ожирения и нервных болезней (растение оказывает благоприятное влияние на нервную и эндокринную систему, и тем самым и на процессы обмена веществ).

А. СИВЯКОВ,
кандидат медицинских наук

шахматный лекторий

План игры

ОЦЕНКА ПОЗИЦИИ

Закончился дебют, все фигуры развиты, король в укрытии. Как дальше продолжать борьбу? В этот момент задумываются над позицией и сильнейшие шахматисты. Выбор плана игры — серьезный, ответственный момент в шахматной партии.

Прежде чем приступить к выбору плана, нужно оценить позицию. Одним из первых это начал делать первый чемпион мира — В. Стейниц. Современная практика обогатила многие положения теории Стейница, и сегодня оценка позиции включает в себя анализ следующих элементов: материального равенства, наличия непосредственных угроз, расположения королей, их безопасности, центра, владения открытыми линиями, активных позиций фигур, пешечной структуры, слабых и сильных полей.

В результате изучения этих элементов шахматист делает оценку позиции, намечает план, приступает к поиску конкретного хода и расчету вариантов.

Рассмотрим следующую позицию:

Белые: Крe1, Фd1, Лa1, Лh1, Кb1, Кf4, Сc4, Сg5, a2, c2, d4, e4, g2, h2.

Черные: Крe8, Фd8, Лa8, Лh8, Ка5, Ке7, Сс8, Сb4, a7, b7, c7, f6, g7, h7.

Ход белых. На доске материальное равенство. У белых под боем слон e4, но король черных находится в более опасном положении. Центр захвачен белыми — пешка d4, контроль центральных полей d4, d5, e5. Позиция носит открытый характер, белые владеют диагоналями a1—h8, a2—g8. Фигуры белых занимают более активные позиции, пешечные структуры у белых и у черных без особых слабостей.

Итак, мы познакомились с позицией. Из анализа становится ясно, что у белых позиция лучше из-за положения короля черных и активности фигур белых. Теперь нужно переходить к конкретному расчету вариантов. Белые должны приступить к атаке короля путем вскрытия позиции, в данном случае они жертвуют слона: 1. С:f6, теперь у черных выбор — какого слона «съесть», но они выбирают другой ход:

1... Лf8 2. Кh5 К:c4 3. К:g7+ К:f7 4. 0—0 Кpg8 5. Фh5! Атака нарастает. 5... Л:f6 Кg6 6. Л:f6! Кg6 7. Л:g6! h8. Ф:g6 Крh8 9. Ке8 Фe7 10. Кf6 Черные сдались.

Правильная оценка положения чаще приводит к заключе-

нию, что в данной ситуации, скажем, наблюдается некоторое преимущество в расположении пешек (слабая пешка, предположительно к созданию форпоста), в остальном позиция равна, но и это является уже ориентиром для составления плана, а потом и его реализации.

В качестве тренировки предлагаем самостоятельно разобрать следующую позицию:

Белые: Крc1, Фd2, Лd1, Лh1, Ке4, Cf1, a2, b2, c2, e2, f2, g2, h2.

Черные: Кpg8, Фd8, Лa8, Лf8, Сс8, Кс6, a7, b7, d7, e7, f7, g6, h7. Ход белых.

Дайте оценку позиции, наметьте план игры. В следующем номере будет правильный ответ на эту позицию.

А теперь немного о шахматных новостях. Закончился отборочные турниры к первенствам мира по шахматам среди девушек и юношей в возрастных группах: 12, 14, 16, 18—20 лет. Победителями этих турниров примут участие в чемпионатах мира. В группе 12 лет будут играть среди девушек Голетяни Р. (Сухуми), Аврух Б. (Караганда), 14 лет — Карошико И. (Херсон) и Дарина Д. (Батуми, чемпионка мира по прошлому году) и Емелин В. (Ленинград). Чемпионат мира состоится в США в августе с. г. В возрастной группе 16 лет: Ковалевская Е. (Ростов на Дону), Ланчава Т. (Тбилиси) и Сакаев К. (Ленинград), 18 лет — Ю. Лезтан (Минск) и Крайник В. (Туапсе), Тивьяков С. (Краснодар) — будут играть в Сингапуре в июне. И самая старшая группа примет участие в чемпионате мира в 20-летнем возрасте в Чили в августе: это — Велиханлы Ф. (Баку), Кахиани К. (Тбилиси, чемпионка мира прошлого года), Галлимова А. (Казань) и Ахотин В. (Ереван), Ульябин М. (Свердловск), Альтерман В. (Харьков).

Конкурс шахматных семей

ЗАДАНИЕ 15

Позиция белых: Кpg1, Фа8, Лd1, Ле1, Сс6, Сb5, a2, b2, c4, f2, g3, h2.

Позиция черных: Крe8, Фg7, Лb7, Лg8, Сс6, Сd8, b4, d7, e6, f7, f4, h7.

Ход белых. Найти комбинацию.

ЗАДАНИЕ 16

Позиция белых: Крe2, Фf5, Лa1, Лh1, Кd2, Ке4, a2, b2, d5, e3, f2, g2, g3.

Позиция черных: Кpg8, Фе7, Лa8, Лf8, Кg7, Ке5, d7, b5, e4, d6, f7, g5, h6.

Ход белых. Найти комбинацию

Н. ЮНЕЕВА

ВАН ГОГ. «ХИЖИНЫ»

27 июля 1890 года художник Винсент Ван Гог, работавший на этюдах в поле под Овером-на-Уазе, во французской провинции, ранил себя в грудь выстрелом из пистолета и через день, 29 июля, скончался.

Так ровно век назад оборвалась одна из самых поразительных художнических карьер, какие только знает история живописи, — лучше сказать, не карьера, а судьба, и поныне способная удивлять своим стремительным катастрофическим рисунком. В поздних пейзажах Ван Гога мы видим вихреобразные траектории огромных пылающих звезд в ночных небесах, как бы превосходящие светопредставление, и жизнь самого художника кажется такой же звездой.

Ей, этой жизни, присуща одна замечательная черта: Ван Гог всегда оставался верен, равен себе, своему естеству, бунтаря и подвижника, и поэтому хронология и последовательность событий имеют в его биографии, можно сказать, чисто внешнее значение. Винсент Виллем Ван Гог родился 30 марта 1853 года в Грот-Зюндерте (Голландия) в семье пастора. В шестнадцать лет начал самостоятельную жизнь продавцом художественного салона в Гааге, потом был учителем в частной школе в Англии, студентом богословия в Амстердамском университете, а в 1878 году отправился в Боринаж, центр угледобычи Бельгии, — проповедовать Евангелие тамошним шахтерам. От своего отца он унаследовал истовость души и пристрастие к социально-филантропическим замыслам. Однако к мысли о проповедничестве пришел собственным, достаточно окольным путем. В Боринаж он попал в должности протестантского проповедника. Потрясенный царящей там нищетой, он отдал все что имел: деньги, одежду, даже собственную кровать. Утром спускался с горняками в шахты, а вечерам читал им Библию. Шахтеры любили его, но считали чужим. Горячо сочувствуя людям, он не умел сходить с ними. Был обособлен, замкнут, подолгу тяжело молчал. Образы закопченного неба, непосильного труда и болезней, взрывы рудничного газа и мучительные смерти горняков преследовали его как кошмар. Он говорил впоследствии, что начал рисовать, чтобы сохранить эти образы для памяти в то же время избавиться от перенасыщенности ими. 1878 год знаменовал рождение художника Ван Гога. Он не строил себе никаких иллюзий, знал, что за право не быть как все нужно расплачиваться: «Я сознательно выбираю участь собаки, — писал он своему брату, — я оста-

нусь псом, я буду нищим, я буду художником, я хочу остаться человеком».

Письма Ван Гога к брату Тео — это настоящий эпистолярный роман, писавшийся на протяжении десятилетий, история горения души, напоминающая самосожжение. Вся жизнь Ван Гога в Голландии до 1886 года, а затем — после полутора лет совместной жизни с братом в Париже — с 1888-го и до конца проходит перед нами, описанная им самим. Повторим: Ван Гог был равен себе всегда, в каждом поступке и каждом жесте, и уже первые боринажские рисунки, сделанные им, были по-вангоговски неотразимо гениальны. Однако наивысшей интенсивности его гений достиг в послепарижский период, в последние полтора года, когда, избегая в общем-то чуждой ему шумной художественной богемы, он уехал на юг Франции, в Арль. Странное впечатление: никогда не учившийся живописи систематически, Ван Гог в письмах Тео ставил себя в положение как бы вечного ученика, которому еще только предстоит научиться тому-то и тому-то, он превозносил до небес художников, не идущих ни в какое сравнение с ним, и вместе с тем, каким-то неявным образом, мы видим из этих писем, что он несколько не сомневается в правоте и силе собственного таланта. Этот неуравновешенный, мнительный, часто — робкий человек говорил тоном власть имущего. Объяснение, может быть, в том, что в глазах Ван Гога талант художника — это не просто и не только талант; это способ свидетельствовать об истине. Вот уже кто, вероятно, не понимал, что такое «искусство для искусства». «Я так дорожу правдой и поисками правды, — писал Ван Гог, — что мне, в конце концов, легче быть сапожником, чем музицировать с помощью цвета».

В Арле окончательно сформировалась маэра Ван Гога; все, что было накоплено за десять лет, хлынуло потоком неудержимой творческой мощи. Если вначале он писал в черно-коричневой гамме голландской школы, если в Париже усвоил уроки импрессионистов и его картины сделались светлее и ярче, то в арльских работах от воздушности импрессионизма не остается и следа, живопись Ван Гога снова становится тяжелой, земляной, плотной; зато интенсивный свет — жгучее солнце юга — буквально слепит глаза, звучание цвета напрягается до крика, форма предметов и человеческих лиц искажается, расплывается и плывет, накаленная страстью, овладевшей мастером. За несколько месяцев в Арле Ван Гог написал «Ночное кафе», «Подсол-

нухи», «Красные виноградники», «Спальную Ван Гога», «Арлезианку», то есть свои самые знаменитые и самые прекрасные картины. Кажется, мир на этих картинах одушевлен, люди, цветы, кипарисы и виноградники живут напряженной жизнью. Это прекрасный и странный мир, притягательный и непонятный. Трудно даже представить себе, что должен был испытывать человек, писавший такие картины, не давая себе ни минуты отдыха.

И срыв незамедлил наступить — Ван Гог оказался в лечебнице для душевнобольных. Через некоторое время, выйдя оттуда, он перебрался из Арля в Сен-Реми, потом поселился в Овер-на-Уазе. Он думал, что на его психику болезненно действовал юг с его жарой и мистральями, и надеялся, что на севере здоровье окрепнет. Тщетная надежда. Дело было не в климате — в нем самом. В нем жила неукротимая тяга достичь недостижимого, пробиться к бесконечности, и эта тяга была сильнее его самого.

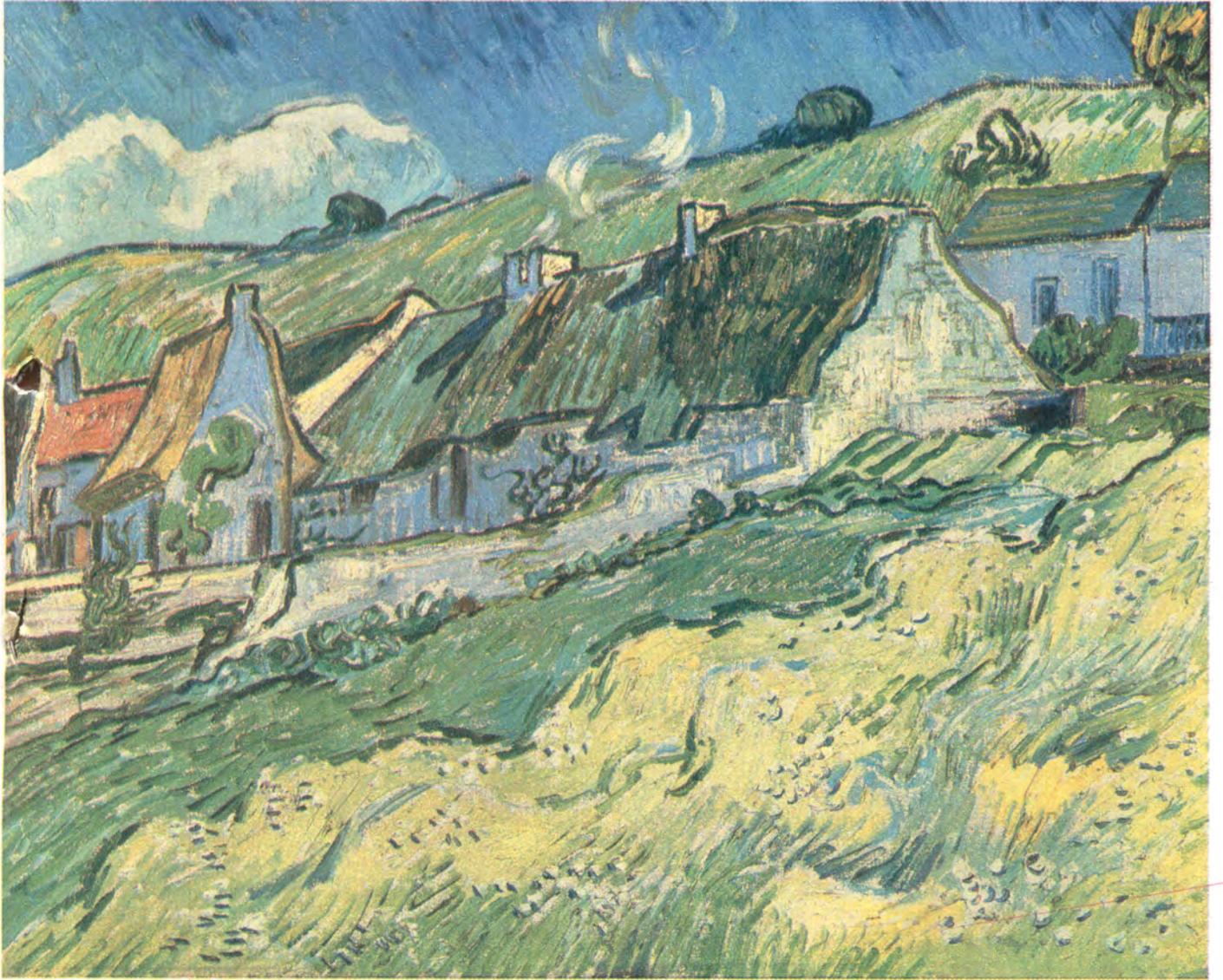
Еще из Арля Ван Гог писал Тео: «Конец ли все со смертью, нет ли после нее еще чего-то? Быть может, для художника расстаться с жизнью вовсе не самое трудное?»

Мне, разумеется, обо всем этом ничего не известно, но всякий раз, когда я вижу звезды, я начинаю мечтать так же непривольно, как я мечтаю, глядя на черные точки, которыми на географической карте обозначены города и деревни».

В последние месяцы он бывал то чрезмерно восторжен, то подавлен и угнетен, но по-прежнему не переставал работать. Картина «Хижины» — из числа последних его вещей. Она была написана, скорее всего, в начале июня 1890 года. («Сейчас пишу этюд — старые крытые соломой домики, на переднем плане хлеба и поле цветущего гороха, на заднем — холмы. Он, вероятно, тебе понравится») Все в этой картине подчинено единой линии, проникнуто единым ритмом и чистой художественной энергией, которая почти не различает предметов, почти не заинтересована в них, — интерес и смысл имеет только печальный восторг художника перед миром, только понимание его сути. Подробности не важны.

В последнем письме, которое он написал в жизни, Ван Гог имел полное право сказать с печальной твердостью: «Я заплатил жизнью за свою работу, и она стоила мне половины моего рассудка, это так».

В. АЛЕКСЕЕВ

ТЕРЕМОК

Стоял в лесу старый дуб. Толстый-претолстый, кора шершава, корни корявы, из земли вылезли.

Прилетел дятел — сам пёстрый, шапка красная, нос вострый. По стволу скок-поскок, носом стук-постук, — выстукал, где древесина помягче, и давай дырку долбить. Долбил-долбил, долбил-долбил — выдолбил глубокое дупло. Лето в нем пожил, детей вывел — и улетел.

Миновала зима, опять лето пришло.

Проведал про то дупло скворец. Прилетел. Видит дуб, в дубу дырка. Чем скворцу не теремок?

Спрашивает:

— Кто, кто, кто в терему, кто в высоком?

Никто из дупла не отвечает, пустой стоит терем.

Натаскала скворец сена да соломы, стал в дупле жить, детей выводить.

Год живёт, другой живёт, — сохнет старый дуб, крошит-

ся, — больше дупло, шире дыра.

На третий год проведал про то дупло сыч.

Прилетел. Видит — дуб, в дубу дырка с кошачью голову. Спрашивает:

— Кто, кто, кто в терему, кто в высоком?

— Жил дятел пёстрый — нос вострый, теперь я живу — скворец — на дуде игрец. А ты кто?

— Я сыч, меня ночью не кличь: прилечу — цоп! — и проглочу. Ступай-ка из терема вон, пока шкура цела!

Испугался скворец сыча, улетел.

Ничего не натаскал сыч, стал так в дупле жить, на своих на пёрышках.

Год живёт, другой живёт, крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год проведал про то дупло белка. Прискакала. Видит — дуб, в дубу дырка с собачью голову. Спрашивает:

— Кто, кто, кто в терему, кто в высоком?

— Жил дятел пёстрый — нос вострый, жил скворец — на дуде игрец; теперь я живу — сыч, меня ночью не кличь! А ты кто?

— Я белка — по дуплам сиделка. У меня зубы долги, востры, как иголки. Ступай-ка из терема вон, пока шкура цела!

Испугался сыч белки, улетел.

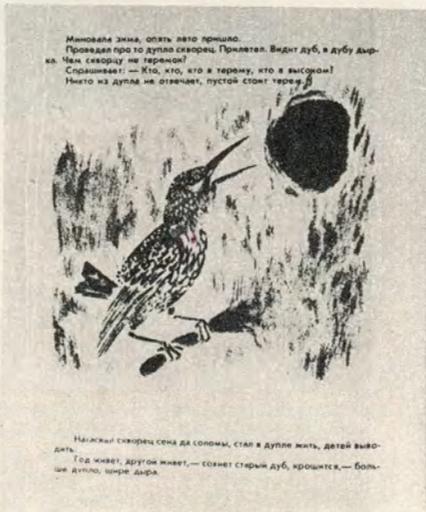
Натаскала белка моху, стала в дупле жить.

Год живёт, другой живёт, — крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год проведала про то дупло куница. Прибежала. Видит — дуб, в дубу дырка с человечесью голову.

Стаял в лесу старый дуб. Толстый-претолстый, кора шершава, корни корявы, из земли вылезли.
Прилетел дятел — сам пёстрый, шапка красная, нос вострый. По стволу скок-поскок, носом стук-постук, — выстукал, где древесина помягче, и давай дырку долбить. Долбил-долбил, долбил-долбил — выдолбил глубокое дупло. Лето в нем пожил, детей вывел — и улетел.

Миновала зима, опять лето пришло.
Проведал про то дупло скворец. Прилетел. Видит дуб, в дубу дырка. Чем скворцу не теремок?
Спрашивает: — Кто, кто, кто в терему, кто в высоком?
Никто из дупла не отвечает, пустой стоит терем.

Натаскал скворец сена да соломы, стал в дупле жить, детей выводить.
Год живёт, другой живёт, — сохнет старый дуб, крошится больше дупло, шире дыра.

На третий год проведал про то дупло сыч.
Прилетел. Видит — дуб, в дубу дырка с кошачью голову. Спрашивает: — Кто, кто, кто в терему, кто в высоком?
— Жил дятел пёстрый-нос вострый, теперь я живу — скворец на дуде игрец. А ты кто?
— Я сыч, меня ночью не кличь: прилечу — цоп! — и проглочу. Ступай-ка из терема вон, пока шкура цела!

Испугался скворец сыча, улетел.
Ничего не натаскала сыч, стал так в дупле жить, на своих на пёрышках.

Спрашивает:

— Кто, кто, кто в терему, кто в высококом?

— Жил дятел пёстрый — нос вострый, жил скворец — на дуде игрец, жил сыч, его ночью не кличь, теперь я живу — белка — по дуплам сиделка. А ты кто?

— Я куница — с малых зверей истица. Я страшней хоря, со мной не тягайся зря. Ступай-ка из терема вон, пока шкура цела!

Испугалась белка куницы, ускакала.

Ничего не натаскала куница, стала так в дупле жить, на своей на шерстке.

Год живёт, другой живёт, — крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год провели про то дупло пчёлы. Прилетели. Видят — дуб, в дубу дырка с кобыльёю голову. Кружат, жужжат, спрашивают:

— Кто, кто, кто в терему, кто в высококом?

— Жил дятел пёстрый — нос вострый, жил скворец — на дуде игрец, жил сыч, его ночью не кличь, жила белка — по дуплам сиделка, теперь я живу — куница — с малых зверей истица. А ты кто?

— Мы пчелиный рой — друг за дружку горой. Кружим, жужжим, жалим, грозим большим и малым. Ступай-ка из терема вон, пока шкура цела!

Испугалась куница пчёл, убежала.

Натаскали пчёлы воску, стали в дупле жить.

Год живут, другой живут, — крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год проведаль про то дупло медведь. Пришёл. Видит — дуб, в дубу дырища с целое окнище. Спрашивает:

— Кто, кто, кто в терему, кто в высококом?

— Жил дятел пёстрый — нос вострый, жил скворец — на дуде игрец, жил сыч, его ночью не кличь, жила белка — по дуплам сиделка, жила куница — с малых зверей истица; теперь мы жи-

вем — пчелиный рой — друг за дружку горой. А ты кто?

— А я медведь — Мишка, вашему терему крышка.

Встал на дыбы, поднялся на дуб, стал в дупло лезть да как нажмет! — дуб-то пополам и расселся! А из него — счи-тай-ка, сколько лет копилось:

- шерсти,
- да сена,
- да воску,
- да моху,
- да пуху,
- да перьев,
- да пыли,
- да пх-х-х!

Теремка-то и не стало.

